

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
**«ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА»**

На правах рукописи

Колчинский Дмитрий Владимирович

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В 1917 ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Специальность 07.00.02 - Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель -
доктор исторических наук,
профессор Л. Г. Протасов

Тамбов – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ (ФЕВРАЛЬ 1917 – МАРТ 1918 ГГ.)	40
1.1. Политические партии: организация, кадры, формы деятельности	40
1.2. Уездные и волостные исполнительные комитеты	61
1.3. Советы депутатов и общественное самоуправление	75
ГЛАВА II. ДИНАМИКА И СТРУКТУРА МАССОВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ	91
2.1. Эволюция политического сознания населения в 1917 г	91
2.2. Общественное восприятие власти	124
2.3. Электоральное поведение тамбовского избирателя (лето-осень 1917 г.)	141
2.4. Формы самовыражения массовой политической культуры	162
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	175
Источники и литература	180
Приложения	204

Введение

Понятие «политическая культура» многогранно, как многообразны и ее формы и проявления. Впервые этот термин употребил немецкий мыслитель второй половины XVIII – начала XIX века И.-Г. Гердер, под ним философ и гуманист, современник Великой Французской революции, понимал взаимодействие культуры и политики в рамках формировавшейся философии культуры¹. Спустя сотню лет это понятие всплыло, если не по названию, то по своей сути, в трудах В. Парето, М. Вебера и других западных социологов, которые изучали политическую элиту как выразителя определенного типа политической культуры и фазы ее развития.

Однако специальный термин «политическая культура» был введен в западную и мировую историографию только в 1956 г. американским политологом Г. Алмондом и получил широкое распространение благодаря книге, написанной им в соавторстве с С. Верба². В ней впервые была предпринята попытка вывести определение этого понятия и комплексно рассмотреть его роль и место в общественной жизни. В результате, исследователи разработали несколько типологий политической культуры, в рамках которых существуют и развиваются все государства. Очевидно, что не существует «чистых» типов политической культуры даже в границах отдельно взятой страны: общество, как и человеческий организм, постоянно развивается, и это развитие само по себе предполагает наличие различных переходных структур, состояний, которыми также обладает и политическая сфера. Последняя трансформируется под воздействием людей, являющихся одновременно и субъектами и объектами этой сферы общественных

¹ Гердер И. Г. Идея к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 368. Данное понятие философ рассматривал как метод воздействия древнегреческих носителей власти на «низкий люд». – Прим. авт.

² Almond G. A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press, 1963.

отношений, и вместе с ними. Отсутствие же единой трактовки понятия «политическая культура» – закономерное следствие его многозначности – подтверждает необходимость ее конкретно-исторического изучения.

В России термин «политическая культура» появился столетием позже, когда в нем возникла общественная необходимость. В книге В. В. Ивановского³ на самом рубеже XIX–XX веков он встречается впервые, хотя автор, употребляя его, имел в виду политическое воспитание и образование. Немногим позднее термин стали активно использовать философы, социологи, правоведы М. А. Острогорский, В. Миров, А. Рыкачев, П. Б. Струве, С. Л. Франк⁴ при характеристике и оценке политических событий и потрясений, накрывших страну в начале нового века, состояний общества в целом и различных его слоев в эпоху революций.

Введению в политическую и научную практику советского периода понятия «политическая культура» способствовал В. И. Ленин⁵. В речи на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. он мельком употребил его в связи с характеристикой политического образования. В общем смысле политическая культура выступала для Ленина производной от политической деятельности, которая необходима для достижения революционного изменения всего общества и, следовательно, проникнута классовым содержанием. С другой стороны, политическая культура – это цель политической деятельности, которая должна способствовать

³ *Ивановский В. В.* Вопросы государственного управления, социологии и политики. Казань, 1899.

⁴ *Острогорский М.* Нравственная гильотина // Полярная звезда. 1906. № 7; *Рыкачев А.* Реальный базис и идеальные задачи политических партий: (О партийной борьбе и партийном разоружении) // Русская мысль. 1911. № 12; *Струве П. Б.* Русская идейная интеллигенция на распутье // Струве П. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм: Сб. статей за пять лет: (1905-1910 гг.). СПб., 1911. С.7-12; *Он же.* Джозеф Чемберлен // Русская мысль. 1914. № 7; *Он же.* Библиография // Русская свобода. 1917. № 18-19; *Струве П. Б., Франк С. Л.* Очерки философии культуры. I. Что такое культура? // Полярная звезда. 1905. № 2; *Миров В.* Вчера и сегодня // Дело. 1918. № 2(8).

⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 404.

формированию и воспитанию человека будущего. В конкретном плане В. И. Ленин понимал политическую культуру как некую совокупность форм сознательного участия масс в политической деятельности, наличие или отсутствие у них политических ценностей и влияние их на общеполитические отношения.

Тем не менее, в условиях советского общественно-политического строя с его однопартийностью и монополией государства на идеологию этот термин не мог привиться: во-первых, он исключался «внеклассовым» содержанием самого понятия «политическая культура», во-вторых, этому не давала оснований сама современная реальность, в которой отсутствовали признаки нормальной, полнокровной политической жизни, а присутствовала лишь ее имитация. Так, историки российских революций могли ее касаться лишь в упрощенном виде изучения соотношения «стихийности и сознательности» масс. В тисках идейного и политического господства КПСС советские исследователи-обществоведы смогли обратиться к исследованию вопроса только к 1970-м гг., но и оно сводилось, в основном, к критике зарубежной историографии⁶.

Один из современных отечественных толкователей данного понятия политолог К. С. Гаджиев под политической культурой понимает «ценностно-нормативную систему, которая разделяется большинством населения в качестве субъекта политического общества. Она включает базовые убеждения, установки, ориентации, символы, обращенные на политическую систему»⁷.

С точки зрения академика Ю. С. Пивоварова, политическая культура – это, прежде всего, «система знаний и духовных ценностей, обобщенная

⁶ См. напр.: Федосеев А. А. Доктрина «политической социализации» в буржуазной социологии // Проблемы борьбы против буржуазной идеологии. Вып.1. Л., 1971. С.87-90; Дмитриев А. В., Ширяев Б. А., Федосеев А. А. Проблема социализации в американской политической науке // Человек и общество: Ученые записки НИИКСИ ЛГУ. Вып.9., 1971, и др.

⁷ Гаджиев К. С. Политическая наука. М., 1995. С. 338.

характеристика человека, которая отражает степень его политической грамотности, активности, умения применять политические знания на практике»⁸.

Перечень понятийных дефиниций можно долго продолжать – важнее понять, что за ними стоит. Рассматривая особенности политического мировосприятия населения Российской империи начала XX века, следует отметить, что, несмотря на социальные взрывы, революции, локальные и мировые войны, эволюцию политико-правовых свобод в первой четверти XX в., среднестатистический житель (столичный и провинциал, горожане и крестьяне) нес в себе совокупность общих и национальных черт, которые и определяли его сознание, влияя на генезис политической культуры, формируя и дополняя ее, придавая ей своеобразие комплексом таких качеств как духовность, вера в идеал, мессианизм, общинный коллективизм и др. в соединении с патриархальностью, патернализмом, простодушной наивностью и проч. Эти качества окрашивали политическую культуру российского общества в разные времена и на разных его уровнях.

Политическая культура – историческое явление. Она складывается на протяжении долгого времени под воздействием реформ, сдвигов массового сознания, обновления, а то и смены государственного устройства, когда органическое развитие прерывается социальным катаклизмом, революцией, кардинально меняющей положение социума, ломающей его устои, переворачивающей культурные традиции, обнажая «изнанку» человеческой души в далеко не лучших ее проявлениях. Опять же в историческом смысле то, что для отдельной личности, так сказать, «человеческой единицы», часто оказывается социальной и персональной катастрофой, для общества в целом может быть началом нового подъема, творческим импульсом в поисках иного вектора развития.

⁸ Пивоваров Ю. С. Истоки и смысл русской революции // Полис (Политические исследования). 2007. № 5.

Революционный 1917 год явился тем «преобразователем» прежней монархически ориентированной (патерналистской) политической культуры, на смену которой пришла революционная политическая культура, выродившаяся затем в культуру большевистского типа. Именно революционная политическая культура, по нашему мнению, стала переходным состоянием умов, которое и определило дальнейшую трансформацию общественного сознания социума, обусловило формирование новых типов общественно-государственных отношений, способствовало появлению новых представлений и стереотипов.

Изучение политической культуры для историков революции особенно важно, поскольку революции в наибольшей степени способствуют созданию новых политических и общественных институтов, их «растворению» в политической культуре. В то же время, революции способствуют «застыванию» политических культур, превращению их в образцы политического поведения и мифологемы. Анализ содержания и форм политической культуры в переломные революционные эпохи помогает выявлению и изучению общего и особенного в политической психологии масс и отдельных индивидов, обогащает и углубляет общественное самосознание, позволяя связать историческую ретроспективу с историческим настоящим, тем самым уточняя и углубляя понимание того, что на языке науки принято называть самоидентификацией, поисками национальной идентичности.

Актуальность исследования обусловлена непреходящей необходимостью изучения прошлого исторического опыта, эволюции государства и общества, растущей ценностью демократических институтов в современной России, с одной стороны, общим состоянием историографии вопроса, находящегося еще в начальной стадии разработки – с другой.

Настоящее исследование представляет собою первую попытку изучения политической культуры общества российской провинции в 1917 г.

на материалах и историческом примере классического аграрного региона – Тамбовской губернии. Его локализация позволяет сочетать преимущества конкретного исследования на доступной и территориально ограниченной базе источников с возможностями широкого обобщения, поскольку губерния ёмко отражала крестьянскую, «лапотную» Россию, с громадным численным преобладанием сельских жителей, а происходившие в ней социально-политические процессы показательны геополитической амбивалентностью: принадлежностью к Центральной России – ядру российской государственности, со всеми вытекающими из этого последствиями, и одновременно периферийностью модернизационных процессов в регионе⁹.

Не столько сложившиеся потребности и навыки политического характера, сколько общее и смутное недовольство экономической ситуацией, обострившееся в этих условиях сознание социальной несправедливости, затянувшаяся на три года мировая война и ее тяготы, явственно ощущаемая бесперспективность ее продолжения вызывали озлобление жителей не только столиц империи – Санкт-Петербурга и Москвы, откуда, в конце концов, пришла весть о свержении монархии, но и провинциальной «глубинки». Революционный 1917-й год дал выход этим протестным настроениям и широчайшие возможности реального влияния на государственную политику, не говоря о местном самоуправлении, прямого (и даже приветствуемого) участия в деятельности политических партий и организаций. В качестве иллюстрации к этому тезису отметим, что на выборах во Всероссийское Учредительное собрание в ноябре 1917 г. Тамбовская губерния вошла в тройку губерний (наряду с Воронежской и Курской), где эсеры собрали свыше 800 тыс. голосов в каждой. Нельзя не связать этого фундаментального факта политической истории с лозунгами «черного передела», всеобщей

⁹ См.: *Кирьянов И. К.* Социокультурные факторы политического выбора в России начала XX в. // *Круг идей: историческая информатика в информационном обществе.* М., 2001. С. 45.

социализации земли, исповедуемыми социалистами-революционерами, как универсальными для большинства населения черноземного края.

Объектом исследования является политическая жизнь российской провинции в 1917 г., Тамбовской губернии, в частности. Она рассматривается как сфера приложения сил власти и социума, различных социальных и общественных слоев, партий, организаций, отдельных личностей как именно политических деятелей. Учитывая тот факт, что Россия была империей, в которой наличествовали своеобразная «метрополия» (столицы) и внутренние «колонии» (регионы), политическая жизнь в ней также отражала эти особенности. Располагаясь на евразийском континенте, страна вобрала в себя черты как европейской, так и азиатской цивилизаций. В этом ракурсе политическая культура провинции отличалась от столичной большей локализацией, традиционностью, патерналистским сознанием. Ей было присуще, согласно типизации политических культур М. Вебера, членение на элитарную (партийно-политическую) и массовую, деление на культуру участия и культуру подчинения.

Предмет исследования – политическая культура населения Тамбовской губернии как единство политических установок, верований, символов, мифов, соответствующих устоявшейся модели политического поведения. В работе предполагается анализ структуры провинциальной политической культуры через изучение форм ее проявления: отношение к власти, праву, собственности, которые реализовывались через электоральное поведение, массовые общественно-политические акции, участие партий и представителей социальных страт и организаций в обновленных под влиянием революции 1917 г. органах местного самоуправления. Исследуется динамика политической культуры через анализ осознанности действий в массовых выступлениях, что требует, несомненно, дифференцированного изучения по основным социальным стратам (разные категории горожан,

солдаты, крестьяне). Обращено внимание на знаковую сторону политической культуры: ритуальность, обрядовость, семантика языка.

Географические рамки исследования очерчены границами Тамбовской губернии – сугубо аграрного региона, где доля промышленности накануне Первой мировой войны составляла всего 2% валовой продукции. Удельный вес трехмиллионного сельского населения доходил до 90 % всех жителей губернии. Обширная продовольственная база обусловила в годы Великой войны (как называли тогда Первую мировую) размещение здесь 11 пехотных и 3 кавалерийских запасных полков, не считая мелких воинских частей, массовый приток беженцев из западных губерний страны, что содействовало широкой маргинализации общества и, как одно из ее следствий – активной политизации населения. Принадлежность к Центральной России, как и многократно усиленные военным временем коммуникативные возможности, ускорили втягивание его в общероссийскую политическую практику. В то же время тамбовские крестьяне продолжали жить в основном в условиях патриархально-общинного быта и по законам определявшегося природой замкнутого хозяйственного цикла, сохраняя монархические архетипы в трансформирующейся под мощным воздействием революции политической культуре.

Хронологическими рамками исследования нами избран период с конца 1916 г. по март 1918 г., которыми ограничены важнейшие революционные политические события, проходившие в российской провинции. Применительно к Тамбовской губернии это означало установление большевистской власти под номинальной эгидой советов на всей территории региона, зафиксированное решениями 1-го губернского съезда советов в начале марта 1918 г.

Историография проблемы. Говоря о степени изученности поставленной проблемы, следует исходить из многообразия аспектов, ее составляющих.

Изучение истории российских революций в первые годы Советского государства (преимущественно, до начала 1920-х годов) определялось его реальным состоянием. Исследователями выступали современники – чаще всего очевидцы и участники описываемых ими событий. Отсутствие либо скудость источникового материала не позволяли более-менее полно осветить недавние революционные события, короткая дистанция времени не располагала к беспристрастности и объективности. Тем не менее, в ряде городов Тамбовской губернии уже в 1918–1920 гг. были опубликованы сборники документов, в которые, кроме того, вошли воспоминания участников революционных событий, первые статьи с попыткой «по горячим следам» осветить происходящие события, зафиксировать их документально¹⁰.

В 1920-е гг. продолжилось накопление эмпирического материала. Исполняя идеологический заказ власти, историки провели значительную работу по сбору и систематизации источников, характеризующих революционный процесс 1917 г. Активно работало Тамбовское губернское бюро Истпарта, издавшее ряд сборников по истории революционного периода¹¹. Они были составлены тенденциозно, их материалы призваны были отразить торжество большевизма и доказать закономерность его победы. Среди опубликованных воспоминаний местных большевиков¹² особенно интересны помещенные в «Тамбовской правде» воспоминания Б. А. Васильева, их руководителя, в которых он прямо указал на неготовность их к взятию власти и на преждевременность установления советской власти в

¹⁰ В память Великой Октябрьской революции. 25 октября 1917 года – 25 октября 1918 года. Усмань, 1918; Вторая великая годовщина. Козлов, 7 ноября 1919 г.; Третий Красный Октябрь. Итоги трехлетней работы Советской власти в Лебедянском уезде. Лебедянь, 1920.

¹¹ Путь борьбы. Сборник первый. Тамбов, 1922; Антоновщина: статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губернии / под ред. С. В. Евгенова и О. С. Литовского. Тамбов, 1923, и др.

¹² *Верховых В.* Пять лет борьбы. Деревенская беднота и рабочие в борьбе с буржуазией. Роль Борисоглебской организации РКП(б) в этой борьбе // За пять лет Октябрьской революции. Борисоглебск, 1922; *Исполатов Н. Н.* Из прошлого. (Воспоминания) // Тамбовская правда. 1922. 7 ноября, и др.

Тамбове «большевиками-радикалами»¹³. Такое «соглашательство», следуя терминологии «Краткого курса» истории ВКП(б), возможно, стоившее автору жизни в годы «Большого террора», было вполне в духе начала 1920-х годов, когда в стране еще существовали остатки былой многопартийности, а правящая партия лишь нащупывала путь к нэпу в условиях обострившейся борьбы в партийных верхах¹⁴. Эти работы были откровенно публицистичны и не могли претендовать на строгую научность.

1920-е годы стали «золотым десятилетием» советского краеведения, за эти годы число краеведческих обществ выросло десятикратно, достигнув 2 тысяч. К десятой годовщине Октября вышла новая серия воспоминаний о революции 1917 г.¹⁵ На общем фоне этого периода выделяется хроника революционных событий, составленная П. Крошицким и С. Соколовым¹⁶, как первая попытка целостно представить на основе архивных материалов, центральных и местных газет события в Тамбовской губернии в 1917-1918 гг. Специфика жанра «Хроники...» не требовала научного анализа, но обязывала составителей всесторонне показать эти события, снабдив исследователей разнообразной информацией. «Хроника» П. Крошицкого и С. Соколова и поныне сохраняет свое значение ценного источника по истории революции 1917-1918 гг. в Тамбовской губернии, тем более что многие документы, нашедшие в ней отражение, по-видимому, безвозвратно, утеряны.

¹³ Б. В. (Васильев Б.А.). Организация Советской власти в нашей губернии // Тамбовская правда. 1922. 7 ноября.

¹⁴ Примерно в то же время на торжественном заседании в Москве, посвященном 5-летию Октября, Н.И. Бухарин предал гласности ныне известный факт, относящийся к первой половине сентября 1917 г., когда В.И. Ленин в своих письмах в ЦК в ультимативной форме потребовал немедленно начать вооруженное восстание в Петрограде. ЦК принял решение эти письма уничтожить («Пролетарская революция». №12. 1922.). Перекличка этих фактов знаменательна.

¹⁵ Одинцов В. Дни борьбы и победы (Борисоглебский уезд) // Коммунист. Тамбов, 1927. № 20-21; Фомин И. Борьба за советы в 1917 году (Козловский уезд) // Там же; Гаврилов И. А. Как зарождалась газета // Тамбовская правда. 1928. 5 мая и др.

¹⁶ 1917 – 1918. Хроника революционных событий Тамбовской губернии. Составители П. Крошицкий и С. Соколов. Тамбов, 1927.

К концу 1920-х гг. появляются первые научные работы обобщающего характера, формируются кадры профессиональных историков советской школы. Их труды еще немногочисленны, посвящены, в основном, изучению аграрной революции¹⁷. Тому было несколько причин: укорененность народнических традиций в отечественной историографии, влияние аграрно-крестьянского движения на общий ход революции, наконец, нерешенность вопроса о судьбе крестьянства в современных условиях советского строя. Широкое распространение получила концепция С. А. Пионтковского¹⁸, позднее развитая в трудах М. Н. Покровского – Л. Н. Крицмана, которая признавала наличие в России 1917–1918 гг. одновременно пролетарской и крестьянской революций. Соответственно, первую революцию, как ведущую и определяющую, освещали пропагандисты, партийные функционеры, а крестьянский бунт осмысливали, скорее, профессиональные историки.

Среди региональных исследований на революционную тему выделю книгу В. Андреева и С. Кулаева «Октябрьская революция и гражданская война в Тамбовской губернии», изданную в Тамбове в 1927 г. Ее авторы¹⁹ постарались воссоздать картину исторических событий в крае, опираясь не только на память, но и на архивные документы. Они подчеркивали застарелость и нерешенность вопроса малоземелья тамбовского крестьянства в начале XX века, сосредоточив основное внимание на острых формах аграрного движения (потравы помещичьих лугов, поджоги хлеба и

¹⁷ Аграрная революция. Т. 2: Крестьянское движение в 1917 году. М., 1928; *Дубровский С. М.* Крестьянство в 1917 году. М.; Л., 1927; *Чаадаева О. Н.* Помещики и их организации в 1917 году. М.; Л., 1928; *Шестаков А. В.* Октябрь в деревне. М., 1925; *Он же.* Крестьянские организации и I съезд Советов крестьянских депутатов // Пролетарская революция. 1927. № 5; *Балашов Д. И.* Аграрное движение в ЦЧО в 1917 году. Воронеж, 1930 и др.

¹⁸ См. подробнее: *Бухараев В. М.* Концепция «двух революций» в Октябре как историографический феномен 20-х гг. // Октябрьская революция. Народ ее творец или заложник. М., 1992. С. 356.

¹⁹ Кулаев Семен Петрович (1887-1938) в 1905-1907 гг. был одним из лидеров борисоглебской группы эсеров-максималистов, за что поплатился 6 годами каторги и 2 годами ссылки. После 1917 г. он вступил в РКП(б).

помещичьих экономий), выделяя антипомещичий его характер и акцентируя жестокость усмирения крестьянских движений.

В. Андреев и С. Кулаев указывали, вместе с тем, что в ряде городов (Тамбов, Козлов, Борисоглебск) и уездов (Усманский, Липецкий) было довольно много рабочих, которые обладали более высокой политической культурой, утверждали, что рабочие, «вкрапленные в толщу крестьянского населения, играли роль... революционной закваски». Однако их малое количество, отсутствие сильных большевистских организаций предопределили крестьянский характер революционного движения в губернии в 1917 г., тогда как эсеры и меньшевики «тормозили» революционные действия.

В. Андреевым и С. Кулаевым высказан ряд наблюдений о различных проявлениях политической культуры масс (понятно, без употребления самого термина). Так, понимание революции крестьянами сводилось к одному – переделу «незаконно отнятой» у тружеников земли. Вместе с тем часть крестьян понимала, что необходимо сохранить культурные имения. По мнению авторов, высокая радикализация крестьян была связана с отменой «Распоряжения № 3» (сентябрь 1917 г.) губернских властей, согласно которому помещичьи земли и усадьбы переходили в ведение крестьянских комитетов. Но Временное правительство под давлением Союза земельных собственников ограничило действие Распоряжения «взятием на учет имений». В книге указывалось, что большевики имели особое влияние на солдатскую массу местных гарнизонов. Однако тезис, будто недовольство земельной политикой эсеров привело к поддержке тамбовской деревней большевиков на выборах в Учредительное собрание, и тогда не выдерживал критики.

Образование в 1928 г. Центрально-Черноземной области (ЦЧО) с центром в Воронеже, поглотившей Тамбовскую губернию, привело к тому,

что ее история стала «частью» истории всей ЦЧО, со всеми плюсами и минусами новой историографической ситуации.

В 1928 г. увидела свет работа историка-краеведа П. Н. Черменского²⁰, с детальным разбором причин «социального взрыва» в тамбовской деревне 1917 г. Отсутствие самого понятия «политическая культура» не позволяет усомниться в его желании разобраться в причинно-следственных связях процесса, объяснив социальное поведение крестьянства давлением столыпинской аграрной реформы. В результате совместная борьба крестьян против помещиков обернулась крушением самодержавного строя, «в воздухе запахло революцией, кулаки оказались против трудового народа»²¹. Тема «двух социальных войн» в деревне была продолжена работами историков крестьянства всей ЦЧО В. Алексеева и И. Д. Балашова²².

Расцвет краеведения, выразившего демократическую общественную тенденцию, несовместимую с установившейся в стране командно-административной системой и сталинской диктатурой, был недолгим. Проходивший в ноябре 1930 – марте 1931 гг. в Воронеже политический процесс, инспирированный ОГПУ под предлогом избавления краеведческих организаций от «засоренности» буржуазно-дворянскими элементами и идеализации дореволюционной истории, вошел в историю как «Дело краеведов». Из 91 осужденного пятеро были приговорены к расстрелу, остальные (в их числе П. Н. Черменский) – к заключению сроком от 3 до 10 лет. В 1936 г. были закрыты все краеведческие организации в СССР, прекратил существование журнал «Советское краеведение», многих деятелей краеведения репрессировали²³. И, хотя формально Областные бюро

²⁰ Черменский П. Н. От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии. Очерк экономики и культуры пореформенного периода: 1861–1917 годы. Тамбов, 1928

²¹ Там же. С. 85.

²² Алексеев В. Гражданская война в ЦЧО. Указ. соч.; Балашов Д. И. Аграрное движение в ЦЧО в 1917 году. Воронеж, 1930.

²³ Алленова В. А., Мизис Ю. А. История тамбовского краеведения (XIX в. - 30-е годы XX в.). Тамбов, 2002. С. 376-379.

краеведения под надзором ОГПУ продолжали существовать, традиция подлинно научного изучения родного края прервалась до середины 1950-х гг.

Установление в стране сталинского режима как репрессивной политической системы обусловило в 1930-1950-е гг. резкое сужение объема исследований в области революционной истории, жестко догматическое, в духе «Краткого курса истории ВКП(б)», ее толкование как неодолимого движения пролетарского авангарда под мудрым руководством большевиков вопреки сопротивлению буржуазии и предательству «социал-соглашателей» в лице эсеров и меньшевиков. Но и в эти тяжелые для исторической науки годы появлялись исследования с попытками объективного, в меру возможного, рассмотрения проблем революционного движения, в том числе общественного поведения интеллигенции и вообще так называемых «средних слоев» в революциях²⁴.

Политическая «оттепель» конца 1950 – начала 1960 гг. дала стимул развитию исторической науки, прежде всего в революционной проблематике. В Тамбовской области к 40-летию Октября издаются документальные сборники²⁵. В научно-популярной брошюре «старого большевика» А. П. Иванова²⁶ был дан краткий очерк революционных событий на Тамбовщине. Без ссылок на источники эсеры беспочвенно обвинялись в поддержке ими помещиков при конфликтах с крестьянами²⁷. Большевики же предстают

²⁴ *Зильберг И.* Профессиональное движение служащих-фармацевтов. Период первой русской революции. М., 1930; *Шейнман В.* Положение торговых работников до революции // Вестник советской торговли. 1940. № 4–6; Одесский университет за 75 лет (1865-1940). Одесса, 1940; *Степанов А. Н.* Участие учительства Петербурга в первой русской революции // Советская педагогика. 1941. № 1; *Константинов Н. А.* Очерки по истории средней школы (гимназии и реальные училища с конца XIX века до Февральской революции 1917 года). М., 1947; *Ремезова Т. А.* Советы крестьянских депутатов в 1917 году // Исторические записки. 1950. № 2, и др.

²⁵ Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии (1917- 1918): Сб. док. Тамбов, 1957; За власть Советов (Сборник воспоминаний участников борьбы за установление Советской власти на Тамбовщине). Тамбов, 1957.

²⁶ *Иванов А. П.* Установление Советской власти на Тамбовщине. Тамбов, 1958.

²⁷ Там же. С. 18.

монолитной силой, осуществлявшей «свое влияние на крестьянство через немногочисленные, но сплоченные организации»²⁸, замалчивается их участие в объединенных комитетах РСДРП (упоминается лишь выход большевиков из Козловской объединенной организации).

Однако настоятельная общественная потребность в объективном историческом знании о прошлом пробивала себе путь, пусть и через идеологические и цензурные ограничения, в той мере, в какой сами историки были к этому готовы. Всплывают ранее запретные темы, появляются первые работы о политических оппонентах большевизма – «мелкобуржуазных» партиях меньшевиков и социалистов-революционеров, «буржуазной» кадетской партии²⁹. Отмечены попытки на разнообразных архивных источниках установить и проанализировать особенности революционного движения разных социальных слоев: не только рабочего класса, но и разночинной интеллигенции и студенчества³⁰.

Советская историческая наука начинает уделять внимание вопросам правотворчества и правосознания трудящихся масс в России, их нравственного сознания.³¹ Политическое сознание социума, положение общественных сословий и страт в системе государственно-политических отношений еще не стало объектом специального исследования, но в ряде

²⁸ Там же. С. 14.

²⁹ Комин В. В. Банкротство буржуазных партий в России в период подготовки и победы Великой Октябрьской Социалистической революции. М., 1965; Гусев К. В. Крах мелкобуржуазных партий в СССР. М., 1966.

³⁰ Подобедова Л. А. Первые союзы молодёжи (К истории революционной борьбы молодёжи в 1904–1920 гг.). Воронеж, 1958; Матвеев М. Студенты Сибири в революционном движении. Томск, 1969.

³¹ Емельянова И. А. Советская юридическая литература о революционном правосознании и правотворчестве народных масс в период с февраля по октябрь 1917 г. // Правоведение. 1967. № 3; Королев А. И. Роль народного правотворчества в возникновении советского права // Правоведение. 1958. № 1; Малькевич В. В. Революционное правотворчество масс в период подготовки Октябрьской революции // Советская юстиция. 1957. №. 3; Остроумов Г. С. Соотношение правового и политического сознания // Вопросы философии. 1964. № 5; Токарев Ю. С. Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.–Л., 1965, и др.

работ по истории Октябрьской революции эти вопросы затрагивались. Подчеркивалась определяющая роль политических партий в формировании массового сознания, прежде всего, роль большевистской партии (т. н. «большевизация масс», «большевизация Советов»), рассматривались методы и средства революционного воспитания масс партией большевиков в 1917 г.³² Утверждалось, что определяющим в становлении нового революционного сознания стали социально-экономические интересы и цели рабочих после свержения самодержавия³³. При этом практически исключалась морально-политическая сторона проблемы, неизбежно связанная с вопросом о «цене революции».

На общем фоне отметим монографию О. Н. Знаменского, который обратился к изучению поведения, настроений рабочих и солдатских масс Петрограда в период июльского общеполитического кризиса, выделил психологический аспект этого краткого, но чреватого многими последствиями кризиса, исследовал социально-психологическое состояние и общественные настроения российской интеллигенции в 1917 г.³⁴

Приметой времени стало появление работ, формировавших более сложные представления о государственных и общественных институтах революционного периода, их природе, механизме взаимодействия, в которых так или иначе проявлялась политическая культура общества³⁵. Введение в научный оборот новых источников – опросных листов-анкет волостных

³² Гапоненко Л. С. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1967; Голиков Г. Н. Революция, открывшая новую эру. М., 1967; Минц И. И. История Великого Октября. Т. 2. М., 1968.

³³ Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964; Гапоненко Л. С. Указ. соч.; Голиков Г. Н. Указ. соч.; Минц И. И. Указ. соч.; Степанов З. В. Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. М. – Л., 1965; Трухан Г. А. Октябрь в Центральной России. М., 1967, и др.

³⁴ Знаменский О. Н. Июльский кризис 1917 года. М.– Л., 1964; Он же. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль – октябрь 1917 г.). Л., 1988.

³⁵ Губарева В. М. Развёртывание социалистической революции в деревне (По материалам Петроградской губернии). Л., 1957; Морозов Б. М. Создание и укрепление Советского государственного аппарата (ноябрь 1917 – март 1919 годов). М., 1957; Гимпельсон Е. Г. Из истории строительства Советов. М., 1958.

советов позволило по-иному увидеть взаимоотношения молодой советской власти и крестьян в 1918 г., как то было показано В. В. Гришаевым³⁶. П. Н. Абрамов выявил и опубликовал сведения о времени возникновения 1926 волостных советов в Центральной России³⁷, подчеркнул общекрестьянский характер советов, вразрез с официальной их трактовкой.

Обширная информация о времени и механизме создания волостных советов в Тамбовской губернии была введена в научный оборот Г. А. Протасовым. Им же впервые был сделан анализ содержания анкет крестьянской секции ЦИК Советов, распространявшейся среди уездных советов, выявлена противоречивая роль местных большевиков в сложный период «советизации» Тамбова³⁸. Впервые тамбовскими историками поднимается вопрос о роли и месте солдат в революции³⁹, о выборах в Учредительное собрание в Тамбовской губернии⁴⁰.

Кульминацией изучения взаимоотношений населения и власти в революции 1917 г. в «оттепельный» период историографии стала книга пензенского историка В. Ф. Морозова⁴¹. Работая в историко-партийном

³⁶ *Гришаев В. В.* Создание волостных Советов крестьянских депутатов // Вестник МГУ. 1957. № 4. С. 29–53.

³⁷ *Абрамов П. Н.* К вопросу о времени создания первых волостных Советов (по материалам центральных губерний РСФСР) // История СССР. 1960. № 5. С. 159–161.

³⁸ *Протасов Г. А.* Сведения о времени организации волостных Советов Тамбовской губернии // Наш край. Сборник статей. Выпуск 1. Воронеж–Тамбов, 1964; *Он же.* Анкета крестьянской секции ЦИК Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для уездного Совета // Там же; *Он же.* Установление Советской власти в Тамбове // Под знаменем Октября. (Из истории установления Советской власти и социалистического строительства на Тамбовщине) // Известия Воронежского государственного педагогического института. Воронеж. 1966. Вып. 1.

³⁹ *Протасов Л. Г.* Солдатские массы в борьбе за Советскую власть в Тамбовской губернии // Научные работы студентов. История, философия, литература. Тамбов, 1963. С.12-30; *Комаров А. И.* Борьба большевиков Тамбовщины за солдатские массы в период подготовки Октября // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. 57. Воронеж, 1966. с. 36-45.

⁴⁰ *Протасов Л. Г.* Материалы Тамбовской окружной комиссии по выборам в Учредительное собрание как исторический источник. (К истории борьбы за Советскую власть в Тамбовской губернии) // Там же.

⁴¹ *Морозов В. Ф.* Борьба большевистской партии за установление Советской власти в губерниях Центральной России. (Октябрь 1917 г. – март 1918 г.). Пенза, 1967.

ключе, он на материалах Орловской, Пензенской и Тамбовской губерний осветил малоизвестные страницы их политической жизни в 1917 г., в частности, отметил преобладание меньшевиков в советах, их поддержку рабочими и солдатами, тяготение крестьян к партии социалистов-революционеров. Позитивно оценив участие большевиков в коалиционных «комитетах спасения родины и революции», что считалось в историко-партийной литературе их политической ошибкой, Морозов довольно простодушно объяснил это стремлением большевиков узнать о замыслах своих противников, чтобы затем их нейтрализовать.

Статья И. С. Розенталя⁴² интересна намерением рассмотреть политическую позицию «аутсайдеров» революции – средних городских слоев населения (служащих, интеллигенции и т.д.). Отсутствие в России класса привилегированных служащих превращало, по мнению автора, эти слои в союзников пролетариата, а революция 1905–1907 гг. показала их готовность бороться за свои права. И. С. Розенталь обратился к журналам «Вестник приказчика» и «Спутник чиновника», утверждая, что массовые стачки петербургских приказчиков были ответом на «призывы журналов перейти от слов к делу». Постоянная борьба большевиков за нужды приказчиков, конторских служащих, низших чиновников посеяла «семена демократизма и пролетарской самостоятельности», что привело Россию к Октябрю⁴³.

На рубеже 1960–1970-х гг. в изучении отечественной истории XX века наметилось так называемое «новое направление», которое через призму многоукладности российской экономики, обусловленной срединным, промежуточным положением России между передовыми странами Запада и цивилизациями Востока, пыталось выйти на новые рубежи в изучении расстановки политических сил в стране, ревизуя «марксистско-ленинскую» догматику (пролетариат – гегемон революции, беднейшее крестьянство – его

⁴² *Розенталь И. С.* Из истории борьбы большевиков за полупролетарские массы // Вопросы истории КПСС. 1963. № 6.

⁴³ Там же. С. 75.

союзник и т.п.). Его представители признавали особую роль стихийной неорганизованности в революции 1917 г.⁴⁴

В целом «новым направлением» выработывалось более объективное освещение причин российских революций, но ставились под сомнение ортодоксальные схемы о предпосылках и закономерности Октября, о всемирной универсальности его политического опыта, наконец, о революционном сознании масс. Ответной реакцией властей от науки стал административный разгром нарождавшейся научной школы, без предложений контраргументов. Показательна в этом смысле статья И. А. Алуфа⁴⁵, посвященная расстановке классово-политических сил накануне 1917 г. и соотношения стихийных и сознательных элементов в процессе развития революции. Под «стихийным элементом» автор подразумевает либеральную буржуазию, которая хотела изменения старого режима, но не желала борьбы с ним, испытывая страх перед «революционным пролетариатом». Февральская революция 1917 г. не происходила стихийно, но началась с революционной инициативы масс (во главе с пролетариатом), которая была тут же подхвачена большевиками, придавшими движению организованность и целеустремленность: «Во главе стояли передовые рабочие, воспитанные большевиками, *сознательно и организованно* (курсив мой – Д.К.) руководившие восстанием, опираясь на традиции и передовой опыт массовых революционных действий»⁴⁶.

В 1970 – начале 1980-х гг., в так называемый «ренессанс» советской исторической науки, исследователи обращаются к изучению социальной психологии масс. В частности, Г.Л. Соболевым⁴⁷ была предпринята попытка рассмотреть влияние политических символов, религии и культуры на

⁴⁴ Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М.: Наука, 1970.

⁴⁵ Алуф И. А. О некоторых вопросах Февральской революции // Вопросы истории КПСС. 1967. № 1.

⁴⁶ Там же. С. 25.

⁴⁷ Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. Л., 1973.

массовое политическое сознание. Он одним из первых отметил слабую изученность общественного сознания, недостаточное внимание исследователей к вопросам социальной психологии, политического сознания, которое является частью сознания общественного. Л. Г. Протасов⁴⁸, опираясь на широкую базу массовых источников (в том числе тамбовского происхождения), выявил особую роль солдат местных гарнизонов в установлении власти советов в Центральной России. Автор показал особенности солдатского массового сознания, историю солдатских общественных организаций, их партийно-политическую деятельность. Не посягая на тезис о пролетарской гегемонии в революции, Л.Г. Протасов утверждал, что в аграрных губерниях она проявлялась опосредованно – через ударную (фактически – авангардную) роль большевизированных солдат⁴⁹.

В эти годы появилось немало работ по нетрадиционной проблематике, посвященных политической истории студенчества, интеллигенции, железнодорожных служащих⁵⁰, которых именовали непролетарскими массами. Сам акцент на специфику их поведения и роли в революции «работал» на проблему разнотипности политической культуры, хотя об этом прямо речь и не шла. В 1971 г. вышел сборник статей «История и

⁴⁸ *Протасов Л. Г.* Солдаты гарнизонов центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, 1978.

⁴⁹ *Канищев В. В., Мизис Ю. А.* Портрет историка в интерьере эпохи (к 70-летию Л.Г. Протасова) // Вестник Тамбовского университета. 2008. № 11. С. 584.

⁵⁰ *Белошапкин С. С.* Борьба петроградских большевиков за техническую интеллигенцию в 1917 г. Из истории формирования социалистической интеллигенции. Л., 1972; *Дашевская М. А.* Борьба большевиков Урала за вовлечение интеллигенции в классовую борьбу (март - октябрь 1917) // Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. Свердловск, 1972; *Еникеев Э. А.* Деятельность казанских большевиков по революционному воспитанию студенческой молодежи (1905 – февраль 1917 г.). Казань, 1973; *Пешников В. В.* В. И. Ленин и студенческое движение в России: уч. пособие для вузов. М., 1973; *Лебедев В. Н.* Участие работников связи в революционном движении в России. М., 1974; *Пушкарева И. М.* Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975; *Федюкин С. А.* Октябрьская революция и интеллигенция. История СССР, 1977, № 5 и др.

психология»⁵¹, в котором была сделана коллективная попытка сопоставительного анализа развития политического сознания российского общества и зарубежных стран. Его авторы впервые в советской историографии попытались описать субъективные моменты в общественных движениях и в истории культуры. Это было сопряжено с большими трудностями, поскольку психологи еще не в достаточной мере овладели методами исторической науки, а историки – психологической. Но объединение их усилий обещало многое.

В методологическом плане внимания в сборнике заслуживает статья В. В. Крамника⁵² с социально-психологическим анализом политических движений. Анализируя понятия «политические механизмы власти» через события революции 1917 г., он считал, что власть в целях самозащиты осуществляет свое господство посредством двух механизмов – «инструментального» и социально-психологического. «Инструментальный» – это функция эффективности власти, включает в себя поддержание дисциплины, в том числе с помощью угроз и насилия. Социально-психологический механизм власти – это ее авторитет, выражающийся в преданности населения этой власти, которое верит в ее лидеров, ценности и институты. (Такой механизм возможно реализовать, по мнению автора, только в социалистическом государстве). Падение авторитета власти ведет к политическому движению через психологический сдвиг – психология преданности власти сменяется психологией недовольства ее действиями (с. 220). Чтобы произошел переход от доверия населения к власти до ее полного отрицания, необходим подрыв социально-психологического механизма власти, основанный на психологической переориентации общества.

⁵¹ История и психология: сб. статей / под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой М., 1971.

⁵² Крамник В. В. К вопросу о психологическом аспекте истории политических движений // Там же. С. 215–224.

С 1980-х гг. намечался рост интереса к изучению вопросов массовой политической культуры и общественного сознания как ее части. Статья Э. Р. Гречкиной и К. В. Гусева⁵³ посвящена раскрытию марксистско-ленинской постановки вопроса о месте и роли городских средних слоев в социалистической революции, построении социалистического общества и ее реализации. Заметным событием научной жизни стали конференции по истории «непролетарских» партий в Калининe, симпозиумы в Тамбове, посвященные месту и роли средних городских слоев в революциях⁵⁴. Пристальное внимание научного сообщества этим проблемам не было случайным. До этого в советской историографии данные слои рассматривались как пособники буржуазии и мелкобуржуазных партий, а сами эти партии как противники большевизма, без учета их длительной исторической эволюции и наличия множества внутривнутрипартийных политических оттенков. В обоих этих случаях состоявшаяся публичная постановка проблемы была даже важнее, чем ее решение, пока еще в основном традиционное.

В начавшуюся в середине 1980-х гг. эпоху горбачевской «перестройки и гласности», с открытием прежде недоступных историкам архивных фондов кардинально изменилась историографическая ситуация в стране. В 1990-е–2000-е гг. с освобождением исторической мысли от идеологических догм, введением в оборот новых источников официального и личного происхождения, начинается современный этап изучения проблемы непосредственного влияния политического сознания, психологии, религии и т.п. на политическую культуру населения России, особенно в 1917-1918 гг.

⁵³ Гречкина Э. Р., Гусев К. В. Политика большевиков по отношению к средним городским слоям // Вопросы истории КПСС. 1981, № 12; Гусев К. В. Октябрьское вооружённое восстание и средние городские слои (Некоторые аспекты изучения проблемы) // Октябрьское вооружённое восстание в Петрограде. М., 1980.

⁵⁴ См.: Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1984; Городские средние слои в трёх российских революциях. М., 1989.

Методологический плюрализм, интегрирование российской исторической науки в мировое исследовательское пространство способствовали развитию антропологического подхода в изучении истории. Человек как деятель, как субъект истории стал интересен с точки зрения его менталитета, мировоззрения, политической культуры. Российская историческая наука перешла от изучения партийных идеологий – истории идей – к изучению жизни и деятельности участников исторических событий – истории людей.

Так, И. Л. Архипов⁵⁵, реабилитируя понятие «обыватель», отмечал, что раньше оно носило уничижительный, презрительный смысл. Однако обывателем в жизни мог оказаться любой человек – от дворника до учителя, так как все люди обладали общим, универсальным обыденным сознанием. Это единство сознания обнаружилось в переломный период истории – с весны до лета 1917 г., когда все превратились в свободных граждан.

Автор раскрывает основные мифы о восприятии населением столицы революционных событий в стране, созданные историографией. Самый распространенный – будто вся Россия была озабочена политикой, отслеживала установки партий, переживала по поводу выборов в Учредительное собрание – насаждался в ходе революции самими участниками событий. На деле же политика для большинства была лишь частью повседневности, обыденным явлением.

Вместе с этим в общественном сознании активно культивировался «образ врага», везде мерещились германские шпионы, этими шпионами поочередно становились то Ленин, то Корнилов, то Керенский. Всплеск шпиономании вылился в осеннюю апатию, причиной которой было

⁵⁵ Архипов И. Л. Общественная психология петроградских обывателей в 1917 году // Вопросы истории. 1994. № 7.

«разочарование обывателей в символах революции, с которыми прежде связывались их надежды»⁵⁶.

Появляется множество работ, связанных с исследованием содержания социальных представлений, психоментальных механизмов возникновения и развития крестьянского бунта, стереотипов социального поведения крестьян в условиях углубления социально-политического кризиса. Так, С. В. Лурье в своих работах⁵⁷ размышляет о ритуально-атрибутивной стороне русского бунта как выражения конфликтности между двумя внутренними альтернативами русского народа: мирской и государственной.

Постепенно данная проблематика становится предметом обсуждения научных форумов всероссийского и международного уровня. 14-16 июня 1994 г. в Москве проходила международная конференция на тему: «Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.)». На ней большое внимание было уделено системообразующим факторам менталитета российского общества: природно-географического и общинного. Рассматривались вопросы влияния голода⁵⁸, природно-климатического фактора⁵⁹, политической борьбы⁶⁰, религии⁶¹ на трансформацию российского менталитета. В ходе конференции научной общественности было предложено обоснование понятия менталитета и, как его частного

⁵⁶ Там же. С. 57.

⁵⁷ См.: Лурье С. В. Как погибла русская община // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 136–173; Она же. Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб., 1994. С. 68, 179.

⁵⁸ Кондрашин В. В. Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996. С. 115–123; Рэнсел Д. «Старые младенцы» в русской деревне // Там же. С. 106–114.

⁵⁹ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Там же. С. 40–56.

⁶⁰ Дьячков В. Л., Есиков С. А., Канищев В. В., Протасов Л. Г. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) // Там же. С. 146–155.

⁶¹ Кузнецов С. В. Вера и обрядность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Там же. С. 284–292.

проявления, общинного архетипа⁶². По мнению его авторов, крестьянская ментальность претерпела в начале XX в. радикальные перемены в сфере государственно-институциональных представлений, «крестьянский менталитет стал республиканским с решительным отрицанием любой возможности единовластия (хотя бы в виде президентства), и возобладала идея прямого и непосредственного участия народа в управлении государственными и местными делами, что отвечало духу общинного менталитета крестьянства»⁶³.

В. В. Кондрашин считает, что хроническое недоедание, связанное с частыми неурожаями из-за особо суровых природно-климатических факторов, способствовало формированию у крестьянина уравнительной, социалистически-коммунистической идеологии, что способствовало положительному восприятию революционных идей, основанных на большевизме. В то же время, крестьянство привыкло ожидать от государства помощи, а, не дождавшись таковой, начинало бунтовать.

К середине 1990-х годов ряд исследователей стал разрабатывать к признанию концепцию общинной революции как наиболее адекватной модели для объяснения аграрных волнений начала XX в. В частности, В. М. Бухараев и Д. И. Люкшин пришли к выводу, что усиление эксплуатации общины при условии ослабления репрессивного воздействия со стороны государства неминуемо приводило к проявлению социальной агрессии. Не встречая привычного противодействия со стороны силовых структур, крестьянские выступления постепенно перерастали в войну общины с городом за право не платить налоги и за избавление от вмешательства в свои дела⁶⁴. С этой точкой зрения согласны и исследователи, выступающие в

⁶² Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община // Там же. С. 23.

⁶³ Там же. С. 61.

⁶⁴ Бухараев В. М., Люкшин Д. И. Российская Смута начала XX в. как общинная революция // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Историография отечественной истории. Казань, 1994. С. 156.

противоположных методологических амплуа. Конфликт между городом и деревней, по сравнению с вопросами о земле и об отношениях крестьян с помещиками, признается сегодня историками более значимым, как определяющий основное содержание эпохи⁶⁵, хотя восстание общин в трудах сторонников данной точки зрения пока еще не обрело устойчивые хронологические очертания⁶⁶.

Во второй половине 1990-х годов в числе новых подходов к изучению российской истории чаще стали звучать следующие оценочные категории: «психоментальная интерпретация революции 1917 г.», «механизм эскалации социального психоза» и т. п.⁶⁷ При всей дискуссионности этих и других положений и выводов, вызвавших в научной среде большое количество отзывов и неоднозначных оценок⁶⁸, они были первой в нашей науке попыткой комплексного освещения политико-институциональной и социально-психологической сторон революционного кризиса и революционного процесса 1917 г. в их диалектическом единстве, воссоздания психологического облика основных действующих лиц 1917 г., проявлений и последствий революционного насилия, различных форм психопатологии и девиантного поведения масс в революционную эпоху.

В ноябре 1994 г. и ноябре 1995 г. в Москве состоялись Всероссийские научные конференции, предпочтение на которых отдавалось локальной и

⁶⁵ Куреньшев А. А. Крестьянство России в период войны и революции 1917 – 1920-х гг. (историографические аспекты) // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 154.

⁶⁶ См.: Булдаков В. П. Имперство и российская революционность (критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 1. С. 51; Люкшин Д. И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006. С. 112–113, и др.

⁶⁷ Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 31, 35. В подобном ключе выдержана монография В. П. Булдакова «Красная смута. Природа и последствия революционного насилия» (М., 1997).

⁶⁸ «Красная смута» на «круглом столе» // Отечественная история. 1998. № 4. С. 139–194.). См. также: Булдаков В. П. Имперство и российская революционность... // Отечественная история. 1997. № 1; Он же. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (методологический аспект) // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996; Он же. Истоки и последствия солдатского бунта: психология «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира, и др.

бытовой истории, проблемам психологии и психопатологии революционного процесса, этнопсихологии масс, аксиологического и семиотического анализа событий периода 1900-1930 гг. Их результатами явились сборники «Революция и человек: социально-психологический аспект» (М., 1996) и «Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль» (М., 1997).

Особенности бунтарских погромных настроений горожан в событиях февраля-октября 1917 г. и 1918 г. исследовал В. В. Канищев⁶⁹, придя к выводу, что бунтарскими вспышками оканчивались, как правило, забастовки рабочих и средних городских слоев населения, которые были нацелены на борьбу за «хлеб» и «волю» примитивными захватными и расправными способами⁷⁰. Больших масштабов погромное движение достигло после февраля 1917 г., революционные события которого развивались, по мнению автора, по классической схеме «русского бунта»⁷¹. Были защищены диссертации по отдельным стратам и слоям населения Черноземного центра: дворянству, крестьянству, солдатам, средним городским слоям⁷².

В исторической науке ныне большое внимание уделяется изучению истории зарождения политической культуры в России начала XX века. Появляются исследования на стыке истории и психологии, политологии, социологии. Одной из дискуссионных площадок стал журнал «Полис

⁶⁹ Канищев В. В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов, 1995.

⁷⁰ Канищев В. В. Можно ли измерить параметры «русского бунта»? // Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе. Труды VII конф. Ассоциации «История и компьютер». М., 2001.

⁷¹ Там же. С. 155.

⁷² Каверина Г. Н. Профессиональные союзы непролетарских слоев городских трудящихся Центрального Черноземья в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917 – май 1918 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1989; Канищев В. В. Городские средние слои в период формирования основ советского общества. Октябрь 1917 – 1920 гг. (по материалам центра России). Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1998; Орлова В. Д. Рабочий класс Центрального Черноземья в борьбе за установление и упрочение Советской власти (март 1917 - май 1918 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов. 1988; Сельцер Д. Г. Крестьянское движение в губерниях Черноземного Центра России (март 1917 - март 1918 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 1990; Щербинин П. П. Городские средние слои Черноземного центра в буржуазно-демократических революциях в России. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 1992.

(Политические исследования)», где публикуются работы, посвященные изучению особенностей развития политической культуры в истории России, идет пересмотр устоявшихся взглядов на события февраля-октября 1917 г.⁷³ Кроме того, стали выходить научные работы⁷⁴, в которых в контексте изучения политической культуры начала XX столетия делаются попытки (часто фрагментарные) освещения состояния политической культуры в провинции, в том числе в Тамбовской губернии.

Книга Н. Б. Селунской (Москва) и Р. Тоштендаля (Швеция)⁷⁵ представляет из себя анализ политических институтов и политической культуры России времен двух первых Государственных дум, то есть в 1905-1907 годы. В концептуальном плане авторы выдвигают два главных тезиса: во-первых, все, что произошло в России в исследуемый период, следует квалифицировать не как революцию, а как поступательное движение за ограничение самодержавной власти. Во-вторых, политическое поведение российского общества в эпоху Дум первого и второго созывов имеет смысл рассматривать сквозь призму таких понятий, как «политическая культура», «публичная сфера», «политизация» и «гражданское сообщество». Эти тезисы рассматриваются в общеевропейском контексте, в сопоставлении российских институтов народного представительства с их аналогами в других странах Европы. В книге элементы политической культуры тамбовского социума прослеживаются через выборы 1-й и 2-й Государственных дум. Отмечается, что в Тамбове по избирательному закону право голоса имели 23% мужского населения, что было достаточно много.

⁷³ См.: *Миронов Б. Н.* Русские революции начала XX века: уроки для настоящего // Полис (Политические исследования). 2011. № 5. С. 33–47; *Пантин И. К.* Русская революция как проблема политической философии // Там же. С. 48–69; *Гаман-Голутвина О. В.* Метафизика элитных трансформаций в России // Там же. 2012. № 4. С. 23–40, и др.

⁷⁴ *Мецзяков Ю. В.* Мария Спиридонова. Страницы биографии. Тамбов, 2001; *Он же.* Тамбовская губерния в начальный период советской власти. Октябрь 1917 – август 1918 гг. Тамбов, 2012, и др.

⁷⁵ *Селунская Н., Тоштендаль Р.* Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М., 2005.

В последнее время историки стали уделять особое внимание проблеме репрезентации власти, изучению символов, знаков, ритуалов, образов, языковых средств, помогающих решению вопроса легитимности власти⁷⁶.

Проблему обыденного восприятия царской власти на общероссийском уровне изучает Б. И. Колоницкий⁷⁷. Он рассматривает символику победившей революции, преломление ее в зрительных образах, музыке, лексике и т.п., анализирует социальные страхи перед «темными силами» и процесс формирования образов «врагов революции».

Исследования места человека в революциях начала XX века в России, его мотивационная деятельность, трансформация ментальностей и общественного сознания ныне ведутся на общероссийском и региональном уровнях⁷⁸. Тем не менее, проблема взаимовлияния и взаимодействия политического общественного сознания и революционных потрясений на трансформацию политических воззрений и, как следствие, политической культуры населения в революционных событиях первой четверти XX века в

⁷⁶ См.: Барышева Е. В. Репрезентация власти как форма конструирования социальной среды // Вестник РГГУ. 2011. № 1 (62). С. 123–131; Блохина Е.А. Символическая деятельность и символические практики: концептуальный аппарат изучения репрезентации власти. // Современные научные исследования и инновации. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/08/1668>; Муратова А. С. Обряд и праздник // Мир психологии. 2001. № 4. С. 67–76; Щепанская Т. Б. Символическая репрезентация власти: атрибутика // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 313–326, и др.

⁷⁷ См.: Колоницкий Б. И. «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции // Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997; Он же. «Политическая порнография» и десакрализация власти в годы Первой мировой войны (слухи и массовая культура) // Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998; Он же. К изучению механизмов десакрализации монархии. Слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны // Историк и революция. СПб., 1999. Он же. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001.

⁷⁸ См.: Глебова И. И. Политическая культура России: образы прошлого и современность. М., 2006; Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.). Омск, 2008; Падение империи, революция и гражданская война в России / Сост. С.М. Исхаков. М., 2010, и др.

России еще недостаточно изучена на мезо- и микроуровне. Требуется комплексное изучение данного вопроса с привлечением региональных исследований для создания более достоверной картины размаха и глубины политических потрясений в российской провинции в революционном 1917 г.

Цель работы – сформировать научное представление о состоянии политической культуры тамбовского социума в 1917 г., проследить происходившие в нем изменения.

Исходя из этой цели, решались следующие **задачи** источниковедческого, исследовательского и аксиологического характера:

– выявить роль и место партий в политической жизни губернии в этот период, их «вклад» в состояние политической культуры населения;

– исследовать как одно из важнейших проявлений политической культуры историю создания и деятельность местных властных организаций – исполнительных комитетов;

– рассмотреть деятельность и выявить роль в политической жизни Тамбовской губернии новых институтов общественного самовыражения – Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов;

– охарактеризовать психоэмоциональное состояние и эволюцию политического сознания населения к 1917 г. и во время революционных событий в России в целом, в Тамбовской губернии – в частности;

– изучить эволюцию восприятия населением «старой» (императорской) и «новой» (революционной) власти с конца 1916 вплоть до 1918 гг.;

– проанализировать электоральное поведение населения на состоявшихся в 1917 г. выборах (городские думы, уездные, волостные земства, Всероссийское Учредительное собрание);

– раскрыть роль «новых» революционных символов, влияние «старых» традиций, их воздействие на массовое политическое сознание населения Тамбовской губернии в революции 1917 г.

Методологической и теоретической основой исследования являются традиционные научные принципы – историзм, научная объективность, приоритет источника, системность, а также методы ретроспективного, сравнительно-исторического анализа. Кроме того, использовался системный и проблемно-хронологический подходы.

Источниковую базу диссертационной работы составляют как архивные неопубликованные, так и опубликованные материалы, воспоминания, периодическая печать.

Наибольшей по объему и важнейшей по значению является группа архивных источников. Прежде всего, это документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), а именно: Министерства внутренних дел – ф. 102 (Департамент полиции), Министерства юстиции – ф. 124. В данной группе источников использовались материалы отчетов губернаторов и начальников губернских жандармских управлений о настроениях населения Тамбовской губернии, политических выступлениях, забастовках, происшествиях и т.д. В фонде Министерства юстиции использовались документы, относящиеся к забастовочному движению и к средним учебным заведениям.

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) исследованы документы фондов 797 (Канцелярия обер-прокурора Синода) и 1405 (Министерство юстиции). Они позволили узнать подробности (в пересказе Архиепископа Тамбовского и Шацкого Кирилла) вечернего собрания чиновничества 1 марта в доме Тамбовского губернатора Салтыкова, случившегося по получении известий о происшедшей в Петрограде революции. Результаты расследования Елецкого прокурора по делу об убийстве князя Вяземского позволили дополнить ранее изданные и потому известные в исторической литературе воспоминания очевидцев тех событий.

На региональном уровне были привлечены материалы Государственного архива Тамбовской области (ГАТО):

Ф. 4 – Канцелярия Тамбовского губернатора;

Ф. 157 – Тамбовская городская дума;

Ф. 272 – Управление Тамбовского жандармского штаб-офицера, Тамбовское губернское жандармское управление;

Ф. 1058 – Канцелярия Тамбовского губернатора и Тамбовского, Кирсановского, Моршанского уездных комиссаров Временного правительства;

Ф. Р-1 – Тамбовский губернский исполнительный комитет;

Ф. Р-6 – Тамбовский городской Совет депутатов и его исполнительные комитеты;

Ф. Р-17 – Кирсановский уездный исполнительный комитет;

Ф. Р-20 – Моршанский уездный исполнительный комитет;

Ф. Р-394 – Отдел управления исполнительного комитета Тамбовского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ГОУ).

Наибольший массив выявленных документов находится в Ф. 4 и Ф. 1058 Тамбовского государственного архива. Это, прежде всего, делопроизводственные документы: декреты, предписания о смене и дальнейшем функционировании власти, переписка губернаторов с уездными, волостными, сельскими властными и общественными структурами управления, официальные телеграммы, содержащие сведения о событиях в разных уездах губернии, настроении населения.

Из дел Ф. Р-1 Тамбовского губернского исполнительного комитета (органа Временного правительства) за 1917 г. в диссертации привлечены протоколы заседаний губернских съездов советов, пленарных, сессионных и очередных заседаний губисполкома, протоколы заседаний президиума

губисполкома и материалы к протоколам (отчеты, доклады, протоколы и др.).

В исследовательском смысле интересна переписка Тамбовского губернского комиссара с председателем Временного правительства кн. Г. Е. Львовым о введении института комиссаров Временного правительства и их назначении в уездах и волостях, о расформировании полиции и об организации милиции⁷⁹, документы об удалении из общественных мест портретов членов царской фамилии, уничтожении их обывателями. Они позволяют раскрыть особенности правосознания населения российской провинции.

«Распыленность» власти, сосуществование различных общественных структур, причиной которых стали революционные события 1917 г., политико-властная неразбериха, а также широкая правотворческая деятельность населения способствовали рассредоточенному, несистемному размещению многих документов (в основном, протоколов собраний сельских и волостных обществ) в фондах губернских органов управления. Фонды канцелярий уездных исполнительных комитетов помогли восполнить исследование материалами (протоколы местных органов управления, съездов, совещаний, жалоб и прошений населения), отсутствующими в фондах губернских канцелярий. Многие из этих источников публикуются впервые.

Интересны содержанием и стилистикой протоколы и резолюции общих собраний Тамбовского Совета рабочих и солдатских депутатов (март-июнь 1917 г.), а также письма граждан и организующихся товариществ (в частности, общества техников)⁸⁰, в которых дается общая оценка работы Совета (отмечается некомпетентность присланных для разъяснения текущей политической ситуации в с. Мучкап депутатов). Эти

⁷⁹ ГАТО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 1.

⁸⁰ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. Р – 1. Оп. 1. Д. 4.

письма любопытны простым стилем изложения, за которым видны все сомнения крестьянства по поводу происходящего в стране. Да и сами письма свидетельствуют о пробуждающемся политическом сознании крестьян отдельных уголков губернии – они понимали смысл политических изменений по-своему, старались организовать свое управление на подконтрольной, как им казалось, местности и сопротивлялись какому-либо давлению извне на свои организации.

Позиции и воззрения ведущих политических партий (эсеров, большевиков, кадетов), за почти полным отсутствием чисто партийных материалов, позволяют уяснить протоколы заседаний Тамбовской городской думы, листовки и официальные обращения к населению.

Среди опубликованных источников особо стоит отметить сборники документов, изданные тамбовскими историками⁸¹. Привлекались к исследованию и различные документальные сборники, изданные в советское время. При всей своей тенденциозности, выражавшейся, прежде всего, в односторонней подборке и подаче материала, они содержат полезную информацию⁸² (к каковой, например, можно отнести документы о беспорядках в гарнизоне довольно спокойного г. Темникова).

Помимо этого, использовались сборники литературно обработанных воспоминаний участников революции⁸³. В них факты составителями подобраны избирательно и не вполне достоверно отражают реальную картину февральско-октябрьских событий 1917 г. на Тамбовщине. Тем не менее, несмотря на явный идеологический «заказ», воспоминания

⁸¹ «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг.: документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007; Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917 – 1918): документы и материалы. М., 2003.

⁸² Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии (1917–1918 годы). Сборник документов. Тамбов, 1957; Установление Советской власти в Мордовии. Документы и материалы. Саранск, 1957; 10-томная серия «Великая Октябрьская социалистическая революция». Документы и материалы. М., 1958–1962, и др.

⁸³ За власть Советов. Сборник воспоминаний. Тамбов, 1957.

свидетелей, в основном активных большевиков, передают общий «дух эпохи»⁸⁴. Нами учитывались, безусловно, возможная тенденциозность авторов в освещении событий, идеализация и преувеличение ими роли большевиков, включая собственную, навязывание сугубо негативного образа прежних партнеров, а затем противников по социалистической идеологии. Приведенные ими факты политического и общественного настроения в 1917 г., создания революционных органов власти (общественных комитетов, советов депутатов, милиции) и т.п. верифицировалась по архивным источникам и другим документами, когда в этом возникала необходимость.

Важным источником являются воспоминания дворян – очевидцев революционных событий в Тамбовской губернии. Все они были впервые опубликованы в 1990-е гг. Прежде всего, это написанные в эмиграции воспоминания князя С.М. Волконского, в прошлом директора Императорских театров, о своем имении Павловка Усманского уезда и происходивших там в 1917-1918 гг. событиях⁸⁵; это дневники князя Б.Л. Вяземского и воспоминания членов его семьи⁸⁶ о событиях лета 1917 г. в усадьбе Лотарево Борисоглебского уезда. Именно это небогатое мемуарное наследие тамбовских дворян помогло проследить их мысли, чувства, сопоставить различные точки зрения на то, что происходило в губернии в изучаемое время.

Борьба за власть в центральных и местных общественно-политических организациях в 1917 г. стала предметом размышлений эмигрантов первой волны – бывших руководителей и видных деятелей из числа кадетов, эсеров, народных социалистов, меньшевиков. В своих мемуарно-публицистических

⁸⁴ *Гаврилов И. А.* Борьба за Советскую власть на заводе № 43 и в Тамбове // За власть Советов. Тамбов, 1957. С. 7–27; Первые Советы и массы (из воспоминаний о 17-м годе) // Там же. С. 28–30; *Андреев Н.* Организация Советской власти в Усманском уезде // Там же. С. 68–76.

⁸⁵ *Волконский С. М.* Мои воспоминания. (Театральные мемуары). В. 2 т. Т. 2. М., 1992.

⁸⁶ Лотаревская «Книга судеб»: Дневник князя Б. Л. Вяземского «1917 год» // Наше Наследие. 1997. №39–40.

работах изгнанники пытались извлечь политические уроки с позиции «побежденных», оценить предпосылки и причины революционной смуты в России⁸⁷. Широкая советская общественность увидела эти труды только на рубеже 1980–1990-х гг. Этот источниковый жанр и сам по себе является памятником политической культуры своего времени.

Критический подход к мемуарам и опубликованным в советский период документам, освещающим те или иные проблемы революции, сопоставление источников между собой способствовали более объективному рассмотрению выдвинутых в исследовании вопросов.

Едва ли не высшую степень информативности по рассматриваемой проблеме имеет периодическая печать, особенно газеты. В них содержится сиюминутный отклик на те или иные «горячие» новости. Они также несут на себе печать своего времени, эмоциональны, порой намеренно сенсационны, как того и требует газетное дело. Вместе с тем, поскольку описываемые события произошли недавно и оперативно освещены (еще одно достоинство прессы), газетные публикации часто выступают первоисточником для историка.

В диссертации использованы многие издания центральной и местной прессы различных политических, общественных и партийных организаций⁸⁸. Газеты выступали рупором, посредством которого партии могли донести

⁸⁷ Александр Иванович Гучков вспоминает. М., 1993; *Вишняк М. В.* Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932; *Войтинский В. С.* 1917. Год побед и поражений. М., 1990; *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. М., 1991; *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. М., 1991; *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991; *Набоков В. Д.* Временное правительство. Воспоминания. М., 1924; *Родзянко М. В.* Крушение империи. М., 1992; *Суханов Н. Н.* Записки о революции. М., 1991-1992; *Чернов В. М.* Перед бурей. М., 1993; *Шульгин В. В.* Дни. 1920: Записки. М., 1989.

⁸⁸ Борисоглебская жизнь. Орган местной трудовой интеллигенции. 1917; Социал-демократ. 1917; Земля и воля. Известия Шацкого уездного Совета крестьянских депутатов, г. Шацк Тамбовской губернии. 1917; Козловская газета. 1917; Моршанский телеграф. 1917; Наша газета. Липецк. 1917; Солдат и рабочий. Издание Козловского Совета рабочих и солдатских депутатов и военного комитета гарнизона. 1917; Русское слово. 1917; Тамбовский земский вестник. 1917; Усманская газета. 1917; Факел. Борисоглебск. 1917 и др.

свою позицию до населения всех уездов губернии и, зачастую, были единственным регулярно выходящим изданием в уезде. Партийные газеты печатали речи своих лидеров, общероссийских и местных, оповещали о предстоящих партийных собраниях, публиковали воззвания и объявления, анализировали происходившие события в столицах и на местах. Подчас газета, выпускавшаяся местной исполнительной властью, переходила под контроль той политической партии, которая становилась ведущей в уезде – в итоге, материал газеты менялся под ее идеологию. В большинстве же своем газеты Тамбовской губернии были проэсеровскими, проводя политическую линию партии эсеров, доминировавшей в губернии.

Это ставит вопрос о степени достоверности и объективности прессы как массового вида источника, который в каждом случае должен решаться конкретно. Если аутентичность публиковавшихся на ее страницах официальных постановлений, воззваний правительства, партийных организаций, органов местного самоуправления не вызывает сомнений, то публикации о политическом и социально-экономическом положении, об отдельных политических событиях могли быть подчинены узко партийным интересам, становясь агитационным материалом значительной силы. Впрочем, и в данном случае субъективизм имеет и ту позитивную ценность, что сам приобретает функцию источника, являясь для исследователя «калькой» прошедших времен.

В целом, можно уверенно сказать, что рассмотренные источники, взятые в совокупности, позволяют достичь поставленные в диссертации цели и задачи.

ГЛАВА I. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНСТИТУТЫ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ (ФЕВРАЛЬ 1917 – МАРТ 1918 гг.)

1.1. Политические партии в 1917 г.: организация, кадры, формы деятельности

Февральская революция 1917 г. вызвала к жизни резкий всплеск общественно-политической активности. В стране в чрезвычайно короткий срок появляются десятки партий. Самая крупная из них переживала время бурного развития и роста своих рядов (социалисты–революционеры), другие – корректировали тактику, примеряясь к новой политической ситуации (большевики, меньшевики), третьи, оказавшись у руля центральной власти, спешили умиротворить общество и направить политическую борьбу в русло демократических реформ и законности (кадеты), наконец, четвертые (правомонархические партии) практически исчезли с политической сцены.

Примерно та же конфигурация партийных сил просматривалась и в Тамбовской губернии, с учетом обусловленных ее политическим прошлым особенностей.

Правящей, в первом составе Временного правительства, кадетской партии в политической жизни губернии, с ее региональной аграрной спецификой и непопулярностью «помещичьей» партии среди крестьян, историей была уготована довольно скромная роль.

Партия народной свободы (кадеты) весной 1917 г. активизировала свою деятельность, организовала Губернский комитет партии, но на власть явно не претендовала. Местные либералы ограничивали свою активность участием в работе городских дум, пытаясь повлиять на принимаемые ими решения не столько посредством подключения тех или иных слоев горожан, сколько путем публичных обсуждений на думских заседаниях. Принимая

решения, они предпочитали ориентироваться на мещанские слои, выставляя кандидатов на муниципальные выборы в «беспартийных» избирательных блоках. Так было на выборах летом в Тамбовскую городскую думу. То же было в Елатье («Список чиновников и мещан»), Темникове («Группа граждан-мещан») и ряде других городов, что позволило им получить места в думах¹.

Персональный состав губернского комитета партии по социальному происхождению не отличался от состава ЦК: разночинная интеллигенция, дворяне, мещане. Член кадетского ЦК А. С. Изгоев называл свою партию буржуазной, но не капиталистической, намекая на ее приверженность общедемократическим ценностям². Среди губерnskих деятелей Конституционно-демократической партии были известные в России как публичные политики А. Я. Тимофеев, член Центрального Комитета партии В. П. Ишеев, князь, городской голова Тамбова, члены Государственной думы Н. Н. Сатин, С. И. Комсин, А. К. Долгов. Все они получили юридическое образование в университетах, были судьями, присяжными поверенными. Как юристы, они отстаивали принципы неотчуждаемости гражданских и имущественных прав, были противниками революций, ломавших устои общества, с неизбежными при этом анархией, безвластием, человеческими жертвами.

Основой своей политики в 1917 г. кадеты провозгласили поддержку Временного правительства и созыв Учредительного собрания. Но, ведя страну к Конституанте, они намеренно тормозили процесс, ожидая спада революции, неизбежного, с их точки зрения, ослабления влияния социалистических партий и их дискредитации. На VII съезде партии в конце марта Ф. Ф. Кокошкин предложил перенести выборы на осень, напоминая о

¹ Тамбовский земский вестник. 1917. 28 июня, 1, 13, 25 июля.

² Изгоев А. С. Пять лет в Советской России // Архив русской революции. Т. 10. 1991. С. 17.

трудностях их организации по стране³. Свои политические расчеты кадеты, по мнению одних, искусно маскировали, по мнению других, искренне мотивировали заботой об обеспечении максимальной демократии при выборах Учредительного собрания.

Для тамбовских кадетов такая тактика предвещала негативные последствия. Работать в крестьянской губернии, не имея популярной аграрной программы, подменяя ее призывами к терпеливому ожиданию Учредительного собрания, значило окончательно настроить против себя деревню. Чтобы решить земельную проблему цивилизованно, не разоряя крупные помещичьи экономии и не подрывая производительных сил, они предлагали поэтапное решение в виде отчуждения за выкуп части земли у помещиков, ведущих самостоятельное хозяйство. Но этот выкуп должен был выполняться крестьянами при поддержке государства, что отвращало их от «буржуйской» партии.

Не вызывает сомнения мнение Т. В. Осиповой о том, что кадеты имели шанс побороться за политическую симпатию крестьян, если бы возглавляемое ими правительство прекратило войну и начало бы осуществлять земельную реформу поэтапно, пока патриархальная крестьянская община «не пошла за лозунгами левых экстремистов»⁴. Но они на это не пошли. Став министром земледелия, лидер эсеров В.М. Чернов сетовал, что «отсутствие новых законов обостряет обстановку в деревне»⁵.

8 августа в Тамбове открылось заседание обновленной городской думы. Хотя кадеты по итогам выборов и заняли в думе второе место после эсеров, их отставание от лидеров было велико (12 гласных против 41) и не обещало им прежнего влияния на принятие решений. Председательское

³ См.: *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание... С. 41-42.

⁴ *Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 10.

⁵ Цит. по: *Гинев В. Н.* Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л., 1977. С. 118.

кресло занял эсер М. К. Вольский⁶. Ключевой пост городского головы также был отдан эсеру А. Н. Алешковскому. Кадеты не нашли ничего лучшего, как заявить об отказе занимать места в президиуме Управы и вообще не принимать участие в заседаниях, предпочитая работать в изредка созываемых проблемных комиссиях, «так как она (фракция – Д.К.) будет испытывать влияние чужой фракции»⁷.

С этого момента кадетская политическая активность все более спадает, особенно после «корниловщины», которая социалистами напрямую была связана с действиями кадетского ЦК. Губернский комитет партии ограничил ее борьбой за голоса городского избирателя во Всероссийское Учредительное собрание. Авансцену провинциальной политической жизни полностью заняли социалисты: именно в их среде между умеренными и радикалами в сентябре-октябре 1917 г. разворачивается основная политическая борьба за власть в губернии, как и по всей России.

Социалисты весной 1917 г. превратились в самые крупные и влиятельные политические силы страны. Эсеры и меньшевики вели за собой большинство региональных Советов, имели представительство в исполнительных органах Временного правительства, городского и земского

⁶ Вольский Михаил Казимирович (26.02.1876, Тамбов-1962, Харьков). Из дворян, сын чиновника. Высшее образование (Московский университет, исключен, юридический факультет Казанского университета). Юрист. Вел политические и аграрные дела. Участник студенческого движения в 1898 г. («Союзный совет объединенных московских землячеств»). С 1900 г. эсер. В 1902 г. арестован и выслан на Север, досрочно освобожден. Один из основателей и руководителей Тамбовской группы, а затем и губернского комитета ПСР. В 1905 г. председатель губернского комитета. Негласный редактор «Тамбовского голоса». Арестован, выслан за границу, затем в Архангельскую губернию на 3 года. Делегат II съезда ПСР («Графский»). Кандидат во II Государственную думу от Тамбовской организации ПСР. В 1911 г. вернулся в Тамбов. С 1913 г. член комитета общества «Тамбовской библиотеки». В 1917 г. член губернского комитета, делегат III съезда ПСР от Тамбовской организации ПСР. Губернский прокурор. Депутат Учредительного собрания. В 1918 г. вышел из ПСР. В 1922 г. написал открытое письмо в «Известиях ВЦИК» с осуждением партии и партийного прошлого. Жил в Ставрополе, работал юрисконсультантом. Репрессирован в 1951 г. (5 лет исправительно-трудовых лагерей), в 1955 г. освобожден. (Пьяных Н. И. Тамбовские эсеры в конце XIX- начале XX веков: Дис... канд. ист. наук. Тамбов, 2012).

⁷ ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 5723. Л. 359 об., 360 об.

самоуправления, без их участия не обходилось решение важнейших политических вопросов в центре и на местах. Но к концу года, сохраняя оптимальную численность своих рядов, партии умеренно-социалистического толка стали терять влияние на широкие массы, уступая его большевикам. Одним из объяснений этого может быть назван характер повседневной деятельности этих партий в органах власти и самоуправления.

Пути решения назревших и поставленных революцией общественных проблем предлагались программными документами, принятыми для меньшевиков и объединённых социал-демократов Всероссийской конференцией меньшевистских и объединённых организаций РСДРП (май), для эсеров – III съездом ПСР (май-июнь), в которых участвовали тамбовские делегаты. Большевики руководствовались резолюциями VII (Апрельской) конференции и тактическими решениями в условиях текущей политики VI съезда РСДРП(б) (июль–август). Наиболее важными для социалистов были социальные вопросы, прежде всего земельный и рабочий. Социал-демократы ставили своей целью создание условий для физического и нравственного развития рабочих (8-часовой рабочий день, полное запрещение сверхурочных работ, ночного и детского труда, запрещение женского труда во вредных для них отраслях и пр.). Эсеры, разделяя основные социал-демократические требования по рабочему вопросу, ключом к социалистическому переустройству страны считали крестьянский вопрос, к тому же обещавший поддержку большинства населения страны. В программе ПСР было отмечено, что при решении вопроса о земле партия «стремится опереться ...на общинные и трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства»⁸.

На протяжении почти всего 1917 г. в Тамбовской губернии преобладало влияние эсеров и меньшевиков. Их представители имели

⁸ См.: Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1996. С. 145.

большинство мест в городских думах и советах всех уровней: от губернского до уездных и волостных. Этот факт в советской историографии трактовался, с «подачи» В. И. Ленина, как временный и негативный для революции политический момент, результат того, что мелкобуржуазная волна захлестнула сознательную рабоче-крестьянскую массу, еще не разобравшуюся в «соглашательстве» социалистов с буржуазией. В действительности же это был результат созвучности реформистских социалистических установок массовым общественным настроениям, особенно в крестьянской среде; в частности эсеровские заявления о том, что распределение земли должно быть уравнильно-трудовым, что везде «наделы должны давать при одинаковом труде одинаковый доход»⁹. Конкурировавшие с эсерами в деревне большевики не могли противопоставить ясной и близкой крестьянам программе социализации земли убедительную альтернативу. Их установка на ликвидацию помещичьего землевладения с последующей национализацией всей земли не могла привлечь крестьянство, которое всем своим опытом жизни питало к государству недоверие и старалось избавиться от его опеки. Большевистские призывы к немедленному захвату помещичьих земель, однако, оказывались на практике более действенными, чем эсеровские – ожидать решения вопроса Учредительным собранием, и, в конечном счете, увенчались тем, что Декретом о земле большевики просто на необходимое им время перехватили у эсеров их аграрную программу вместе с миллионами крестьян.

В историческом плане важно заметить, что в Тамбовской губернии на становление эсеровских организаций значительное влияние оказала деятельность в начале XX в. В. М. Чернова, с именем которого связано создание первого в России «крестьянского братства» – «Братства для защиты народных прав» в с. Павлодар Борисоглебского уезда. Его принципы впоследствии легли в основу первой всероссийской крестьянской

⁹ Там же.

организации – Крестьянского союза, созданного эсерами накануне революции 1905–1907 гг. В. М. Чернов считал одной из главных задач «братств» подготовку крестьянского восстания, для которого следует копить силы, не растрачивая их на отдельные вспышки. Память о деятельности «братств», об активной террористической борьбе эсеров с властью, их готовности к самопожертвованию за трудовой народ была сильна в 1917 г.

Реализуя свои программные и социальные установки, тамбовский комитет ПСР в лице своих лидеров принял активное участие в воссоздании Всероссийского Крестьянского союза в марте-апреле 1917 г.

Первый Тамбовский губернский крестьянский съезд состоялся 6-7 апреля по инициативе и под руководством местных эсеров, которые учредили бюро по подготовке съезда (председатель – Н. Н. Бобынин, секретарь – В. Г. Копаев), выработали обращение к крестьянам и кооператорам, приняли регламент работы съезда. На съезд съехалось свыше 300 делегатов из всех уездов губернии.

Съезд принял основные резолюции в эсеровском духе. Он призвал все народы мира заставить свои правительства «отказаться от милитаризма», но продолжать войну до победного конца вместе с союзниками, разделив идею «революционного оборончества». Съезд поддержал Временное правительство, отметив при этом ошибочность притязаний Петроградского Совета на власть. Тем не менее, деятельность совета съездом была одобрена с наказом «обезвредить призыв» большевиков к немедленной смене правительства и бороться с левой и правой опасностью.

Делегаты поддержали эсеровскую идею социализации земли, на которой, по их мнению, возможно создание «нового мира, построенного на общности, солидарности и всеобщем труде на всеобщую пользу», одновременно призвав население дожидаться созыва Учредительного собрания, не учинять разгромов и разграблений помещичьих усадеб, «как

крайне вредных для правильного решения земельного вопроса»¹⁰. Впрочем, в апреле ожидание, что созыв Учредительного собрания вместе с решением земельного вопроса будет скорым, было всеобщим.

По следам губернского, уже 9 апреля в с. Алешки Борисоглебского уезда состоялся первый уездный съезд крестьян. Заявив о поддержке действий Временного правительства, «направленных к благу народа», съезд выразил желание, чтобы Россия стала «свободным союзом свободных граждан». «Мы хотим, - говорилось в воззвании, - чтобы вся земля бесплатно сделалась общенародным достоянием. Пусть никто не имеет права собственности на землю. Всякий, кто хочет обрабатывать землю своим трудом и силами своей семьи, имеет право получить в пользование определенное количество десятин»¹¹.

Эсерами был организован и Второй губернский крестьянский съезд, проходивший 21-24 мая. На него съехалось около 720 делегатов¹². Им вновь руководил Тамбовский городской комитет ПСР. В связи с негативной позицией губернских властей в отношении решений первого съезда делегаты осуждали запрет губернским комиссаром деятельности волостных исполнительных комитетов. Когда один из ораторов привел в качестве примера усманского уездного комиссара, ярого противника комитетов, с мест раздались голоса: «А наш губернский комиссар Давыдов – разве не делает этого? Долой его!»¹³.

По земельному вопросу, ради которого созывался съезд, докладчиком и экспертом выступал эсер А. Т. Качаровский¹⁴. Он предложил отменить

¹⁰ Тамбовский земский вестник. 1917. 24 мая.

¹¹ Крошницкий П., Соколов С. Хроника... С. 10.

¹² Уточнить цифру не представляется возможным, так как в сохранившемся протоколе съезда указано: «явиться на съезд должно было по 2 представителя от каждой волости, т.е. 720 человек. Около этого количества и явилось» (Журналы, протоколы, доклады, наказания, резолюции и постановления... С. 87).

¹³ Там же. С. 89.

¹⁴ Качаровский Аркадий Трифонович (22.07.1888, Борисоглебск – не ранее 1930-х). Из дворян. Высшее образование (Московский университет). Юрист. С 1905 г. эсер. В 1907 г.

частную собственность на землю, признать ее общенародным достоянием и передать в уравнильно-трудовое пользование, что и вошло в итоговую резолюцию съезда, озвученную «под громкие аплодисменты всеми против двоих»¹⁵. Эсерами было публично высказано сокровенное желание сохранить патриархальную крестьянскую общину.

Съезд принял обращение к Временному правительству, в котором предлагалось все имущество помещиков (скот, хозяйственный инвентарь) передать в ведение крестьянских волостных и продовольственных комитетов, а луга, парки, сады и леса, которые помещики станут распродавать и вырубать, отдать в руки лесоохранительных учреждений. Но, главное, заявил съезд – передать всю предварительную подготовку до издания правительственного декрета о земле в его руки «под контролем и руководством губернского, волостных и уездных продовольственных, а когда образуются, – земельных комитетов»¹⁶.

Это решение фактически дало свободу рук волостным и уездным комитетам, которые, будучи крестьянскими, стали оправдывать им захваты имений. Как отмечал В. В. Шпаковский, «постановление съезда оказало большое революционизирующее влияние на крестьян», было «важной политической победой большевиков»¹⁷. А. С. Смирнов, поправляя его, указал, что все решения съезда были связаны с деятельностью тамбовских эсеров¹⁸. Оба исследователя, акцентируя внимание на борьбе партий, прошли мимо того, что лидеры тамбовских эсеров, желая завоевать симпатии

арестован, на суде оправдан. Солдат в Первую мировую войну, в 1917 г. подпоручик. В 1917 г. член Тамбовского губернского комитета ПСР. Заместитель городского головы Тамбова. Кандидат в Учредительное собрание от Тамбовского избирательного округа. (Пьяных Н.И. Тамбовские эсеры в конце XIX- начале XX веков: дис... канд. ист. наук. Тамбов, 2012).

¹⁵ Там же. С. 106.

¹⁶ Там же. С. 107.

¹⁷ Шпаковский В. В. Большевики Тамбовской губернии в период подготовки Октябрьской социалистической революции // Под знаменем Октября. Воронеж, 1966. Вып. I. С. 58.

¹⁸ Смирнов А. С. Крестьянские съезды в 1917 году. М., 1979. С. 60.

крестьянства и действуя под их нажимом, невольно разжигали стихийное антипомещичье движение, а потом пытались направить его в мирное русло.

Надо обратить внимание на различия в мотивах действий ЦК и тамбовских эсеров, различия в позициях и методах, которые все более расходились. Если лидеры ПСР руководствовались общеполитическими целями (межпартийные коалиции, определение тактики партии, борьба за созыв Учредительного собрания и пр.), то тамбовские эсеры, фактически оказавшиеся у руля местной власти и ответственные за нее, оказались под сильнейшим и прямым давлением со стороны крестьянства, требовавшего земли «здесь и сейчас». Это обусловило решения проэсеровских крестьянских съездов в апреле–мае, это породило в сентябре «Распоряжение № 3», когда обуздать погромное крестьянское движение одними уговорами было уже невозможно. Здесь линии поведения разошлись настолько, что эсеровскому руководству партии пришлось смириться, согласившись с разумным, но запоздалым решением тамбовских эсеров, и рекомендовать его другим провинциальным комитетам партии.

Эсеры контролировали в Тамбовской губернии большинство других общественно-политических объединений, существовавших до 1917 года и созданных на волне революции. Они инициировали воссоздание существовавшего еще во время Первой русской революции Крестьянского союза, как одного из отделений Главного комитета Всероссийского крестьянского союза. В новом виде союз полностью состоял из крестьян. Возник он в первые недели революции не только на губернском, но и на уездном и волостном уровнях. Сохранившиеся источники говорят о дружном одобрении крестьянами его создания, о массовом их вступлении в союз.

Так, представители всех 46 волостей Тамбовского уезда избрали 21 марта организационное бюро Крестьянского союза¹⁹. То же происходило и в

¹⁹ Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации (март–октябрь 1917). Материалы по истории советского строительства. М., 1929, т. I, ч. 1. С. 84.

других уездах. 3 апреля общее собрание граждан Сергиевской волости Козловского уезда единогласно присоединилось к Крестьянскому союзу²⁰. Учитывая атмосферу этих собраний, такое единогласие отражало заинтересованность крестьян в создании «своей», чисто крестьянской политической организации.

Тамбовское отделение Всероссийского крестьянского союза было учреждено на Первом губернском крестьянском съезде по докладу видного эсера Ф. П. Биценко²¹ о структуре и задачах союза²². «Новая-старая» организация призвана была помочь защите революции, воссоздав традиции 1905 г. Предполагалось в ее рамках объединить «большинство трудового народа», для чего председатель губкома ПСР Н. Н. Бобынин призвал съезд повсеместно воссоздавать либо организовывать заново крестьянские союзы.

Съезд поддержал новую общекрестьянскую организацию для закрепления свобод, борьбы за осуществление своих прав и решения насущных проблем народа, «всей земли и всей воли» и избрал временный губернский комитет Крестьянского союза. Его возглавили эсеры Бобынин и Копаев²³.

Делегаты Тамбовской организации ПСР участвовали в проходившем 12-17 апреля в Петрограде съезде делегатов крестьянских организаций, на который собрались представители губернских, уездных и волостных Советов крестьянских депутатов, Крестьянского союза. Съезд призвал создавать

²⁰ Крошицкий П., Соколов С. Указ. соч. С. 9.

²¹ Биценко Федор Петрович (1887-1937). Учитель, бывший муж эсерки А.А. Биценко (Камеристой), которая в 1906 г. застрелила усмирителя саратовских крестьян генерала Сахарова. Консультант по вопросам сельского хозяйства постоянного представительства Казахской ССР при Совнаркомом СССР. Арестован 27 сентября 1937 г., обвинен в принадлежности к Польской военной организации во время Первой мировой войны и контрреволюционной террористической шпионской деятельности. Приговорен Комиссией НКВД СССР 28 ноября 1937 г. к расстрелу. Расстрелян 4 декабря 1937 г. (<http://lists.memo.ru/d4/f338.htm>)

²² Журналы, протоколы, доклады, наказания, резолюции и постановления... С.41.

²³ Там же. С. 76.

«единую всероссийскую организацию», представителями которой должны были стать Советы крестьянских депутатов и Всероссийский Совет.

О своей поддержке Советов на общероссийском уровне эсеры заявили уже в марте 1917 г. По их мнению, они должны быть беспартийными, но действовать вместе с комитетами социалистических партий. Место Советов они отводили как «классовой организации трудящихся масс, могущей и долженствующей иметь огромный вес в политической и экономической жизни страны, но не являющейся составным элементом государственной организации демократической республики»²⁴. На деле же многие местные советы, особенно в первые месяцы 1917 г., находились под полным контролем эсеров, доминировавших в них.

Организация крестьянских советов, согласно выработанному Петроградским съездом регламенту, должна была осуществляться избранными крестьянством лицами, созданию советов должны способствовать органы Всероссийского Крестьянского союза, а в случае, если в губерниях есть оба типа этих организаций, им предлагалось объединиться, а органам Крестьянского союза переименоваться в советы крестьянских депутатов.

Телеграмма с постановлением съезда была получена Тамбовским Исполнительным бюро Крестьянского союза 20 апреля. Оно выпустило соответствующее обращение к крестьянам и крестьянским организациям, а секретарь бюро Копаев опубликовал статью, призвав в местах, где уже образованы крестьянские союзы, переименовать их в местные советы, а где отсутствуют – образовать сельские, волостные, уездные Советы крестьянских депутатов²⁵.

Отделения Крестьянского союза действовали в Тамбовской губернии под руководством эсеров до начала лета 1917 г., после чего были

²⁴ Дело народа. 1917. 6 октября.

²⁵ Журналы, протоколы, доклады, наказания, резолюции и постановления... С. 10.

переименованы в Советы крестьянских депутатов. Таким образом, между ними была преемственность, и противопоставление крестьянских союзов крестьянским советам в отношении Тамбовской губернии, как минимум, некорректно.

Образованным 24 мая губернским Советом крестьянских депутатов был избран исполнительный комитет из 11 человек, из них 10 были эсерами и сочувствующими им. Совет потребовал, чтобы все делегаты от волостей, вернувшись домой, сейчас же образовали у себя волостные и сельские Советы²⁶. Таким образом, действуя через крестьянские организации, эсеры всемерно расширяли свое влияние в селах и деревнях, создавали партийные группы и комитеты.

Говоря о преимущественном положении ПСР в Тамбовском регионе в 1917 г., следует отметить, что она, являясь, фактически, правящей, к осени окончательно заняла все ключевые руководящие посты. С сентября 1917 г. на пост Тамбовского губернского комиссара Временного правительства был избран старый член губернского отделения партии эсеров, присяжный поверенный К. Н. Шатов. Городским головой Тамбова в результате победы эсеров на муниципальных выборах и завоевания большинства мест в думе, был поставлен эсер К. Н. Алешковский (член партии с 1900 г.), председателем был избран также К. Н. Шатов. Судьба их оказалась трагична. С приходом к власти большевиков, оба отошли от активной политической деятельности. И, если Алешковский, став к концу 1917 г. беспартийным, занялся культурной работой (служил во внешкольном образовании в Ленинграде, экскурсоводом по Петропавловской крепости, сотрудничал с Тамбовским губистпартом, был членом Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев), то Шатов, опасаясь преследований, пустился с 1918 г. в бег. Дальнейшая судьба его неизвестна. Алешковский, как и многие

²⁶ См.: Там же. С. 118.

активные «противники» большевиков, был арестован в 1930 г. и расстрелян в 1938 г.

В межреволюционный период социал-демократическое движение в Тамбовской губернии пребывало в упадке. Февраль 1917 г. подтолкнул их к самоорганизации. Только 26 марта в Тамбове состоялось их первое собрание, на котором присутствовало 60 человек. Собрание учредило Тамбовскую объединённую группу РСДРП и избрало её руководящий орган – президиум, уже позднее переименованный в комитет²⁷. Большевик Е. М. Альперович, объезжавшие тогда центральные губернии с инспекционными задачами, сообщал: «Запись в организацию была массовой. В состав комитета входят исключительно местные интеллигенты из земских работников, все безнадёжные оппортунисты»²⁸.

В начале мая 1917 г. на Тамбовском пороховом заводе состоялось организационное собрание социал-демократов. С докладом о Всероссийском совещании Советов выступил меньшевик П. Ф. Истратов. Собрание приняло решение создать объединённую группу РСДРП Тамбовского порохового завода²⁹. В своих воспоминаниях И. А. Гаврилов³⁰ впоследствии утверждал, что объединённая организация РСДРП порохового завода проводила большевистскую линию, но, противореча себе, писал, что она принимала решения явно в духе меньшевистской тактики. Она поддержала «Займ свободы», выпущенный Временным правительством для военных нужд, и участвовала в его распространении³¹. Позднее современники событий В. Андреев и С. Кулаев не преминули заметить, что большевиков вплоть до

²⁷ Тамбовский земский вестник. 1917. № 69.

²⁸ Под знаменем Октября. Вып. 1. Воронеж, 1966. С. 26.

²⁹ Путь борьбы. Сборник статей. Тамбов, 1962. С. 10-11.

³⁰ Гаврилов И. А. (1891–1957) – большевик с 1910 г., рабочий, в 1917 г. организатор большевистской группы на Тамбовском пороховом заводе. Кандидат в депутаты Учредительного собрания по списку большевиков и интернационалистов. В 1918 г. – Тамбовский губернский комиссар печати, товарищ председателя губисполкома, председатель Тамбовского уездного Совета. Участник гражданской войны. (Морозов В. Ф. Указ. соч. С. 478).

³¹ Путь борьбы... С. 11.

осени 1917 г. в общественно-политических организациях либо совсем не было, либо они «скромно и боязливо ютились в организациях с.-д. меньшевиков, как это было, например, с большевиками завода № (Тамбовского порохового завода – Д.К.)»³².

Отношение меньшевиков к советам классически и образно выражено одним из их лидеров – И. Г. Церетели. Он назвал их «строительными лесами новой государственности России», намекая на их временный и подсобный характер в политической системе общества. До апрельского кризиса 1917 г. меньшевики квалифицировали их как органы революционной демократии, революционного контроля над Временным правительством³³. По мнению правого меньшевика А. Н. Потресова, Совет рабочих депутатов «смотрит за властью, но он сам при всей своей властности – отнюдь не есть власть»³⁴.

После вхождения социалистов в коалиционное правительство они рассматривали советы как органы «самоуправления по отношению к широким и политически в значительной степени не определившимся слоям демократии», как центры классового сплочения и организации пролетариата. На Всероссийской конференции меньшевистских и объединённых организаций РСДРП в мае меньшевистское руководство перенесло вопрос о полномочиях Советов в плоскость их взаимоотношений с партиями. Критиковалось «полустихийное, полусознательное стремление Совета политически замещать те левые партии, которые силой революции объединяются в нём, как в общем блоке»³⁵. В итоге, резолюция съезда признала необходимость для социал-демократов по возможности сохранять в Советах политическую самостоятельность. Лидеры меньшевиков считали, что Советы не выражали интересов всех слоёв населения, и поэтому могли

³² Андреев В., Кулаев С. Указ. соч. С. 26.

³³ Рабочая газета. 1917. 12 марта.

³⁴ Вперёд! 1917. 23 марта.

³⁵ Всероссийская конференция меньшевистских и объединённых организаций РСДРП. Пг., 1917. С. 17.

действовать от его имени лишь до тех пор, пока оно «не сорганизуется и не найдёт правильного выражения своей воли в Учредительном собрании»³⁶. Со временем они должны быть заменены органами местного самоуправления – городскими думами, земствами всех уровней и демократически избранным парламентом.

Во втором по величине городе губернии – Козлове объединённая группа РСДРП возникла 9 апреля и насчитывала первоначально 90 человек. Е. М. Альперович писал о ней: «Организация не оформлена, никакой определённой физиономии не имеет. Лидер местной организации – помощник присяжного поверенного Л. А. Фейгельсон – безусловный меньшевик»³⁷. В Моршанске организационное собрание социал-демократов состоялось в марте 1917 г., его инициаторами были находившийся здесь в ссылке известный большевик Н. А. Скрыпник и меньшевик-интернационалист Л. М. Кораблёв. Помимо них в организацию вошли меньшевики Е. Г. Парфёнов, А.С. Бобиков, стали записываться рабочие и солдаты. Всего в марте-апреле в губернии было создано 5 объединённых организаций РСДРП³⁸.

Характерной чертой губернии было наличие здесь только объединённых организаций РСДРП с явным лидерством меньшевиков. Большевиков были единицы, одиночки, не имевшие связи с центральными органами партии. Они охотно шли на объединение с меньшевиками и потому, что помнили о совместной борьбе с общим врагом – самодержавием, и потому, что политические разногласия между двумя течениями российской социал-демократии стали выявляться только с приездом В. И. Ленина из эмиграции, фактически с мая 1917 г., когда возникло коалиционное Временное правительство с участием меньшевиков.

³⁶ Рабочая газета. 1917. 11 апреля.

³⁷ Под знаменем Октября. Вып. 1. Воронеж, 1966. С. 25.

³⁸ Морозов В. Ф. Указ. соч. С. 122–123.

Лидерами тамбовских большевиков, как правило, были ленинцы «со стороны», подобно ссыльным Н. А. Скрыпнику и М. Н. Скрыпник. В частности, ими велась агитация против военного «Займа свободы». В результате Н. А. Скрыпник был исключен 14 марта из состава Моршанского уездно-городского исполнительного комитета³⁹ и вскоре уехал в Петроград. Руководителем местной объединенной организации стал левый меньшевик Л. М. Кораблев.

Объединенная организация РСДРП возникла 27 мая в Липецке. Как отмечал на ее первом собрании прапорщик 191-го пехотного запасного полка меньшевик И.З. Шишков, ближайшей целью было «улучшение положения рабочего класса при капиталистическом строе», содействие «максимальной организованности выступлений для предвыборной агитации с целью обеспечить в городской думе возможно больше социалистического элемента»⁴⁰. Деятельность липецких большевиков была, очевидно, более успешной. Пропаганда идей большевизма через распространение ими на липецких заводах газеты «Правда» имела результаты, которые летом 1917 г. признала эсеровская «Наша газета»: «Пропаганда идей большевиков благодаря “Правде”, находит своих последователей среди менее сознательных рабочих заводов... Уже раздаются призывы к неповиновению распоряжениям Временного правительства»⁴¹.

О влиянии партии на гарнизон писал большевик И. Розенфельд в письме 14 июня, адресованном Московскому областному бюро: «...Пока здесь (в Липецке – Д.К.) большевики пользуются непопулярностью, т.е. не сами большевики, мы, наоборот, очень популярны, а само слово “большевик”. ...Полк на нашей стороне всецело. Ежедневно мы устраиваем там митинги и лекции»⁴².

³⁹ Моршанский телеграф. 1917. 16 мая.

⁴⁰ Наша газета. Липецк. 1917. 18 июня.

⁴¹ Там же. 25 июня.

⁴² Цит. по: Морозов В. Ф. Указ. соч. С. 139.

Состоявшаяся 24-29 апреля VII Всероссийская конференция РСДРП(б) под нажимом Ленина высказалась против организационного объединения большевиков с меньшевиками⁴³, но на положение тамбовских организаций РСДРП это практически не повлияло. Только в Усмани она раскололась в июне: из 40 ее членов в большевистскую группу вошло 18 человек, в том числе Ф. И. Евсеев, московский рабочий-текстильщик, солдат местного гарнизона, Г. М. Овсянников, учитель, один из редакторов «Усманской газеты», М. А. Зайдес, член уездного исполнительного комитета⁴⁴. Усманская большевистская группа была утверждена через несколько дней Московским областным бюро ЦК РСДРП⁴⁵.

О влиянии большевиков говорит тот факт, что осенью уездным комиссаром стал большевик со стажем врач Н. Н. Исполатов, в их руках была и уездная «Усманская газета», выделявшаяся своим радикальным характером.

В Козловской объединенной организации РСДРП раскол произошел в сентябре 1917 г. Подготовку его провел приехавший на Тамбовщину разъездной инструктор Московского областного бюро большевиков А. К. Сафонов. На состоявшемся 21 сентября общем собрании Козловской организации большевистская группа заявила, что их «дальнейшая связь с меньшевистскими центральными органами недопустима», а Козловская организация должна поддерживать только интернационалистов-большевиков и «подчиняться всем решениям этих органов». Не согласившись с этим решением, меньшевики вышли из состава организации⁴⁶.

Летом-осенью 1917 г. социалистические партии активизировались в связи с намечающимися выборами в городские думы. В Тамбовской губернии существование объединенных организаций РСДРП предопределило

⁴³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. С. 347.

⁴⁴ Морозов В. Ф. Указ. соч. С. 481, 491.

⁴⁵ Там же. С. 137.

⁴⁶ Солдат и рабочий. Козлов. 1917. 29 сентября.

выдвижение общих списков на муниципальных выборах. В одних городах это были списки объединенной РСДРП, в других – эсеро-меньшеvistские «Социалистические блоки», как правило, без участия большевиков. Только в Козлове в «Социалистический блок», объединявший эсеров, меньшевиков, народных социалистов, бундовцев, входили два большевика⁴⁷.

Итоги выборов в городские думы и волостные земства⁴⁸ подтвердили влияние эсеров в губернии. Но к осени 1917 г. жители теряют интерес к политике, разочарованы властью. На этом психологическом фоне обещания большевиков дать народу немедленные мир и землю, созвать Учредительное собрание находят отклик у населения губернии. При относительной устойчивости социалистических симпатий в губернии замечался заметный рост большевистских настроений.

Большую пропагандистскую работу проводили большевики – депутаты Тамбовского Совета. На его заседаниях в Нарышкинской читальне кроме депутатов собирались солдаты и рабочие города. Большевики планировали вовлечь население в общественную жизнь и оказывать влияние на крестьян через солдат – выходцев из крестьян, представлявших из себя очень «текущую армию» недовольных продолжавшейся войной и жаждавших поскорее оставить ненавистную службу, вернуться домой, делить землю. Вследствие этой текучести солдат, которая увеличивалась благодаря постоянно растущему дезертирству, большевистские лозунги с легкостью проникали в тамбовскую деревню. Одновременно велось активное распространение большевистских идей среди рабочих.⁴⁹

К сентябрю 1917 г. среди горожан губернии ширится поддержка большевиков, которые обещали исполнения всех желаний немедленно, вне зависимости от противоречивости реальной жизни. Как явный симптом этого 24 сентября на митинге железнодорожных служащих и солдат 64-го и 216-го

⁴⁷ Там же. 27 июня.

⁴⁸ Подробнее об этом в следующей главе.

⁴⁹ Андреев В., Кулаев С. Указ. соч. С. 28-29.

запасных полков г. Козлова была принята резолюция со следующими требованиями:

«1) Немедленная передача власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов;

2) Немедленное издание декрета о передаче всех земель в ведение крестьянских земельных комитетов;

3) Решительные меры по прекращению человеческой бойни и к достижению скорейшего мира без аннексий и контрибуций при полном самоопределении народов»⁵⁰.

Подтверждая сказанное выше, «Козловская газета» отмечала, что идеология большевиков импонировала более активной в жизни части горожан: «Большевистская проповедь больше всего по душе приходится озорникам и громилам. ... Среди них самые ярые большевики – железнодорожники»⁵¹.

В отличие от эсеров большевики не вели целенаправленной идейно-организационной работы в деревне, если не иметь в виду солдат, которые все же действовали сами по себе. Но в «арсенале» их средств воздействия на крестьян было безотказно действующее оружие, которое в итоге и решило судьбу власти и революции в стране в их пользу. Князь С. М. Волконский, директор Императорских театров, один из образованнейших людей своего времени, образно выразил это в своих воспоминаниях. Приехав летом 1917 г. в родовое имение Павловка Борисоглебского уезда, он обнаружил, что павловские крестьяне, не видя сопротивления со стороны князя, решили не громить имение, а передать его под контроль волостного комитета. Члены комитета не раз приходили к князю, искали оружие, подспудно контролируя сохранность «своего» имущества. Во время обысков подчеркнуто издевательски обращались к князю «Ваше сиятельство». «”Это все будет

⁵⁰ Солдат и рабочий. 1917. 29 сентября.

⁵¹ Козловская газета. 1917. 23 августа.

наше”, - говорили мне некоторые крестьяне... И удивляло меня всегда, почему они говорят: “будет наше”, почему не говорят: ”это наше”?)», - недоумевал Волконский. И делает вывод: «Потребовалось некоторое время, чтобы они поняли, что это легче, чем им кажется... Эсеры им говорили: “Подождите, мы дадим, будет ваше”. Причем, большевики им сказали: “Чего вы, дурни, ждете, - берите” Могло бы и не быть большевиком, а большевизм все равно был бы».⁵²

Высшей формой политической культуры следует признать членство в партиях и участие в партийной работе. Расстановку и соотношение политических сил в губернии могли бы конкретизировать данные о численности местных партийных организаций. Но они почти отсутствуют, не считая отдельных случайных указаний. Дело не только в их плохой сохранности, но и в том, что для местных партийных лидеров это был побочный вопрос, поскольку акцент делался на текущую межпартийную борьбу. Отправной точкой для статистической оценки является информация о том, что на губернской конференции большевиков 1 октября 1917 г. в Козлове были 13 делегатов, представлявших 1109 большевиков Козлова, Тамбовского порохового завода, Кирсанова, Усмани и станции Грязи. Очевидно, что это минимальная цифра, в которой не учтены большевики Тамбова, Моршанска, Липецка и других мест. Отталкиваясь от нее, следует предположить, что число организованных меньшевиков было не меньше, если учесть, что в городах, являвшихся опорными пунктами их влияния, меньшевики получили (без учета гарнизонов) свыше 10 тыс. голосов – вдвое больше большевиков.

Иным должен быть принцип определения примерной численности эсеров, основная масса приверженцев которых находилась в сельской местности. Если исходить из того, что партия, в которой насчитывала до 1

⁵² Волконский С. М. Мои воспоминания: В 2 т. М.: Искусство, 1992. (Театральные мемуары). Т. 2. Родина. С. 241-242.

млн членов в 1917 г., получила на выборах в Учредительное собрание почти 20 млн голосов, и принять этот коэффициент 1:20 для Тамбовской губернии, то при любом допущении речь должна идти о десятках тысяч организованных членов ПСР.

1.2. Уездные и волостные исполнительные комитеты

Проблема власти является центральной в революции и, следовательно, в ее научно-историческом изучении. Подчеркивая непрочность и временность всяких властных структур, Д. С. Мережковский назвал революцию «расплавленной государственностью». Именно в это переходное время усиливается непосредственное влияние общества на образующиеся властные институты, которые, в свою очередь, следуя требованиям революционной действительности, кардинально меняют жизнь социума. Происходит взаимодействие общества и новых государственно-властных институтов с одновременной трансформацией в общественном сознании политических образов и политической культуры. Давая определение политической культуры, С. Верба утверждал, что она «имеет дело не с тем, что происходит в политике, а с тем, что люди думают об этом».⁵³ Люди начинают по-своему трактовать политический мир, создают свои образы власти и веруют в них. Начинает формироваться иная политическая культура, интерпретирующаяся как новая «коммуникативная модель политики, создаваемая людьми в процессе взаимодействия».⁵⁴

Сразу по получении известий о революционном перевороте в столице в Тамбовской губернии стали формироваться новые органы власти под названием общественных исполнительных комитетов. Стихийность и оперативность их создания произошли по нескольким причинам.

⁵³ Цит. по: *Глебова И. И.* Политическая культура России. Образы прошлого и современность. М., 2006. С. 12-13.

⁵⁴ Там же.

Во-первых, политическая пассивность губернатора и его администрации, скрывших известия о свержении монархии, вызвала опасение членов Тамбовской городской думы и чиновников, которых вечером 1 марта А.А. Салтыков пригласил для обсуждения ситуации, что это может привести к нежелательным эксцессам. Как отметил Архиепископ Тамбовский и Шацкий Кирилл, присутствующим казалось, что задержка этих телеграмм вызовет беспокойство населения, «...среди обывателей может появиться тревога, которую будут питать разные слухи, получаемые от приезжих, и другими путями»⁵⁵.

Во-вторых, возник реальный вакуум власти, который необходимо было заполнить. По оценке немецкого ученого М. Реймана, Февраль 1917 г. «не был только революцией, выступлением народных масс против старого режима; самостоятельным элементом событий было крушение старой административной и политической системы, начавшийся процесс быстрого распада прежнего строя жизни»⁵⁶. По мнению американского историка М. Флоринского, «немного есть примеров в истории человечества, когда слабость и непригодность политического режима выявились с такой поразительной силой»⁵⁷.

Наконец, появление новых органов местного самоуправления было форсировано прибывавшими из Москвы революционными элементами. Так, утром 3 марта в Козлове полиция и жандармы были обезоружены приехавшими из Москвы солдатами, а уже на следующий день был организован Городской исполнительный комитет и городская милиция⁵⁸.

Организация общественных комитетов в губернии уложилась в несколько дней: 4 марта был избран Временный исполнительный комитет в

⁵⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 295. Л. 2.

⁵⁶ Рейман М. Заметки по 1917 году // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 78.

⁵⁷ Florinsky M. The End of the Russian Empire. New Haven, 1931. P. 265.

⁵⁸ Тамбовский земский вестник. 1917. 9 марта.

Моршанске, 6 марта – Гражданский комитет в Усмани, 7 марта – Общественный комитет в Темникове и Борисоглебске, 9 марта – Шацкий исполнительный комитет и Комитеты общественной безопасности в Кирсанове и Лебедяни. Примечательно, что в промышленном селе Рассказово комитет был избран еще 3 марта⁵⁹, что было связано с близостью губернского центра.

На оперативность возникновения общественных комитетов влияло также наличие инициативных групп, в основном из политизированной интеллигенции и рабочих. В том же Рассказове, сразу по получении газеты «Тамбовский земский вестник» с изложением последних известий, местными общественными деятелями и фабричными рабочими было созвано собрание, которое избрало Комитет общественной безопасности и направило депутацию к воинскому начальнику за поддержкой⁶⁰.

В крупных селах исполкомы образовывались снизу, стихийно, во время общих собраний, как это произошло в с. Мучкап Борисоглебского уезда. 10 марта в присутствии 6 тысяч крестьян после агитации двух прибывших из Тамбова солдат был избран распорядительный комитет, село было поделено на 12 частей, и от каждой сотни дворов в комитет был избран представитель.⁶¹ В селе Уварово того же уезда исполнительный комитет сорганизовался 9 марта также на митинге.⁶²

Касаясь возникновения первых местных революционных органов, Г. А. Герасименко отмечал: «Народ властно вмешивался в дело создания нового аппарата управления и оказывал на него определяющее влияние».⁶³ Документы это подтверждают, да и невозможно было в несколько дней

⁵⁹ Крошицкий П., Соколов С. Хроника... С. 4–7.

⁶⁰ См.: Тамбовский земский вестник. 1917. 12 марта.

⁶¹ Там же. 18 марта.

⁶² Там же. 21 марта.

⁶³ Герасименко Г. А. Первый акт народовластия России: Общественные исполнительные комитеты (1917 г.). М., 1992. С. 39.

подготовить и провести столь сложное дело в процессуально-законодательном порядке.

9 марта Тамбовское губернское земское собрание направило приветственную телеграмму Государственной думе, высказав опасение за судьбу страны: «Все люди различного образования и профессий убеждены, что Россия находится в великой опасности и, чтобы её спасти, нужно действовать решительно и немедленно». Решимость выразилась в постановлении об учреждении Губернского исполнительного комитета, в составе 10 представителей от земства, по одному – от рабочих, городской управы, общественного комитета, военного ведомства, рабочих земских и городских союзов, военно-технического комитета и железнодорожников.⁶⁴ Губернский исполнительный комитет, хотя и был создан 4 марта, вновь собрался только 19 марта – он избирался из представителей комитетов уездных и не мог начать работу при их отсутствии.

По социальному составу комитеты строились на коалиционной основе, в них заседали представители различных общественных организаций. Так, в Уваровском исполнительном комитете из 16 членов 8 были крестьянами, по 1 – от купечества и судебных органов, а также агроном, земский врач и 3 разночинца.⁶⁵

В Лебедяни комитет общественной безопасности формировался постепенно, от заседания к заседанию, в обстановке споров и обсуждений. На первом заседании в состав вошли по 5 представителей от земства, творческой интеллигенции и мещан, по 3 – от служащих земства и казенных учреждений и от города, по 2 – от союза потребительских обществ, офицеров и солдат 213-го запасного пехотного полка и 1 железнодорожник. Ко второму заседанию в него были включены еще 5 представителей от «трудящегося населения», 3 приказчика и 1 – от Лебедянского кредитного общества. На

⁶⁴ Тамбовский земский вестник. 1917. 5 марта.

⁶⁵ Там же. 21 марта.

третьем заседании в комитет были добавлены 26 депутатов от 13 волостей, по 2 от волости, и 5 – от сельских учителей.

После споров о включении в комитет представителей духовенства было решено ввести в его состав 2-х членов от церкви. В итоге, Лебедянский КОБ вырос до 75 членов⁶⁶, что делало его малопригодным для текущей работы. Рыхлость состава при отсутствии единых норм представительства – характерная черта периода становления новых органов управления⁶⁷.

Такая картина вполне типична для первых недель революции. В небольшом Шацке (около 15 тыс. жителей) Исполнительный комитет состоял из 35 членов: 26 – от волостей (по 1 от волости), по 3 – от земства и города, 1 рабочий, 1 солдат, 1 кооператор.⁶⁸

В Кирсанове организовался комитет только из 8 представителей от горожан, в их числе 2 солдата, 1 офицер, по 1 месту было дано представителям от земства и города, 3 – от различных городских общественных организаций.⁶⁹ В данном «раскладе» явно проявилось то, что стоявший в городе и окрестностях 3-й запасный кавалерийский полк, численностью более 10 тыс. солдат и офицеров, немедленно примкнул к революции, расправившись с несколькими «старорежимными» командирами. Через два дня, 7 марта, уже по инициативе земских служащих, создается уездный исполнительный комитет, пополненный затем представителями волостей, земских и городских служащих (54 члена). Комитет покинули представители гарнизона.

Таким образом, общественные комитеты на уровне уездных городов и сел Тамбовской губернии строились на беспартийной, коалиционной основе, опираясь на все социальные слои. Вместе с тем, «дыхание революции»

⁶⁶ Там же. 25 марта.

⁶⁷ Пример, возможно, подавал Петроградский совет, который вначале насчитывал более двух тысяч депутатов, избранных на местах произвольно и часто – самовыдвиженцев.

⁶⁸ ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 25. Л. 22.

⁶⁹ Тамбовский земский вестник. 1917. 9 марта.

объясняет малую долю участия «старых» сословных организаций (мещан, купцов, приказчиков и др.), отсутствие духовенства. С другой стороны, в комитетах заметно представительство общественных демократических и буржуазных организаций (потребительских и кредитных сообществ), не имевших в губернии большого влияния ввиду их малочисленности (см. Приложение 1).

На этой почве неизбежно возникали местные конфликты интересов, борьба за лидерство, за свою долю власти. В Козлове уездное земское собрание 18 марта объявило себя уездным исполнительным комитетом, что, по сути, поставило городской комитет в подчинение уездному. По оценке современника, хозяина городской типографии Л.Р. Веллера, «означенное собрание не имело ни малейшего повода объявить себя Учредительным собранием. Как таковое оно является самозванным и служит не к укреплению нового строя, и вносит анархию в население»⁷⁰.

Не везде создание общественных комитетов получало широкую поддержку. В Борисоглебске, например, инициативу при его формировании проявили только рабочие, прислав 4 марта на заседание 13 своих делегатов, которые были вынуждены вернуться назад, оказавшись единственными. «От других организаций представители не избраны; граждане Борисоглебска не торопятся», - отмечало «Борисоглебское эхо»⁷¹.

20 марта в с. Сасово Елатомского уезда был образован Районный комитет, с перспективой его дальнейшего переформирования в уездный. Елатьму власти Сасова об этом факте решили не уведомлять ввиду давнего их противостояния. Оно заключалось в желании властей села преобразовать его в уездный город, что превращало Елатьму в заштатный город, лишенный прежнего административного статуса⁷². Большинство волостей уезда

⁷⁰ ГАТО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1033. Л. 24.

⁷¹ Борисоглебское эхо. Газета местной и областной жизни. 1917. 8 марта.

⁷² Эти претензии имели веские мотивы. Елатьма к концу XIX в. утратила свои экономические и географические преимущества перед Сасовом, что наглядно проявилось

экономически и культурно тяготели к Сасову. А в период весеннего половодья Елатьма оказывалась отрезанной разлившейся Окой, как это случилось в марте 1917 г., когда на организационное собрание уездного комитета не смогли попасть делегаты из 19 волостей. Организационное бюро Сасовского исполнительного комитета потребовало от губернского комиссара перенести центр уезда из Елатьмы в Сасово⁷³, на что был получен лаконичный ответ-отписка: «перемещение центра уезда... не в моей власти»⁷⁴.

Этот эпизод достаточно характерен для того периода революции, когда оформлялись новые системы власти, чьи функции не были разделены законодательно, а политические позиции не успели определиться, что неизбежно порождало неразбериху, которую не всегда следует принимать за политическую борьбу. С другой стороны, в 1917 г. чем дальше, тем больше местные конфликты принимал политический оттенок.

Деятельность созданных «снизу» местных комитетов не была закреплена законодательно, их инициативы воспринимались губернской властью с недоверием, а сами общественные органы воспринимались правительственными чиновниками как помеха.

Как известно, в начале марта 1917 г. распоряжением главы Временного правительства кн. Г. Е. Львова управление губерниями было возложено на председателей губернских управ, обязанности уездных комиссаров возлагались на председателей уездных земских управ. В результате стихийно возникшие комитеты конкурировали с комиссарами, с которыми вынуждены были считаться, не имея возможности их контролировать. Так, единственным выходом из описанного конфликта в Елатомском уезде оказалось

и в депопулизации ее населения. Сасово, напротив, связанное железной дорогой с Рязанью и Казанью, быстро развивалось (см.: Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 179-189).

⁷³ ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 25. Л. 125 об.

⁷⁴ Там же. Л. 11.

учреждение губернским комиссаром Давыдовым, с разрешения министра внутренних дел, должности сасовского помощника комиссара с наделением его всеми полномочиями и правами⁷⁵. Фактически с санкции губернских властей в Елатомском уезде возникло многовластие.

Теперь в Елатье заседал исполнительный комитет, формальная власть в уезде, поддерживаемая губернским комиссаром. Одновременно в уезде действовал «Районный комитет» с. Сасова, официально без властных полномочий в общеуездных вопросах, но поддерживаемый большинством населения уезда. В телеграмме от 22 марта 1917 г. на имя Ю. В. Давыдова отмечалось, что деятельность Сасовского комитета «является практически в данном районе руководящей»⁷⁶.

При всей локальности конфликта в отдаленном углу Тамбовской губернии он вполне показателен и достаточно типичен для провинции весной 1917 г. и потому заслуживает более детального разбора.

Нерешительные, осторожные действия Давыдова можно объяснить его довольно шатким положением, поскольку губернские комиссары, занимавшие высокие посты и прежде, во многих случаях воспринимались населением как обломки свергнутой царской власти. Разжигая эти настроения, газета московских большевиков «Социал-демократ» прямо указывала, что назначение «старых лиц» на должности комиссаров является, по сути, восстановлением «прежних полновластных “хозяев” губернии»⁷⁷. А с мест в МВД приходили сообщения, что кандидатуры председателей губернских и, особенно, уездных земских управ вызывают «особую ненависть» населения⁷⁸.

Собственно, и борьба за власть в Елатомском уезде возникла на почве недовольства жителей уездным комиссаром П. В. Неклюдовым, прежде

⁷⁵ ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 19. Л. 82.

⁷⁶ Там же. Л. 127.

⁷⁷ Социал-демократ. 1917. 12 апреля.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 107. Л. 115.

возглавлявшим уездное земство. Сасовский комитет потребовал замены его лицом, «пользующимся общественным доверием, не тайным противником нового строя»⁷⁹. После добровольной отставки Неклюдова Елатомский комитет без ведома губернского комиссара назначил уездным комиссаром учителя гимназии С. А. Макарова, а его помощником – студента Петроградского Политехнического института И. С. Сидорова⁸⁰. Однако 26 апреля экстренное собрание Сасовского комитета объявило себя законной властью в уезде и решило направить депутацию к Давыдову с требованием признать его таковым, пригрозив в случае отказа обратиться в Петроград к министру внутренних дел с жалобой⁸¹. Давыдов, понимая, что Сасовский комитет в уезде имеет большой политический вес, 29 апреля назначил уездным комиссаром землевладельца А. В. Ермолова – председателя Сасовского районного комитета.

Получив пост, Ермолов перестал считаться с Елатомским уездным комитетом, чем усугубил конфликт. В резолюции Елатомского земельного комитета отмечалось, со ссылкой на мнение уездной земской управы, что комиссар Ермолов «не считается с волей трудового народа, игнорирует его нужды, окружив себя сотрудниками, сочувствующими капиталистическим стремлениям», что им не были созваны представители волостных и городского исполнительного комитета для выражения доверия⁸². 17 августа Ермолов подал в отставку, через два дня освободившийся пост занял учитель Орлов⁸³. «Елатомский эпизод» показателен как пример того, как территориальные, местнические интересы и споры в обстановке революции принимали политические формы.

⁷⁹ ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 19. Л. 125об.

⁸⁰ Там же. Л. 181–183.

⁸¹ Там же. Л. 42–42об.

⁸² ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 20. Л. 220.

⁸³ Там же. Л. 221, 223–223об., 257.

Крупные уездные центры со сложившимися традициями городского самоуправления обычно вопросы организации новой власти решали в рамках установленных процедур. Так, в Моршанске созданный 4 марта Временный Исполком к середине марта был преобразован в уездно-городской, включив в свой состав представителей городского Совета солдатских и рабочих депутатов, набравшего популярность. Сотрудничество с Советом позволило комитету выглядеть в глазах жителей более легитимно, смягчало его «буржуазность», расширяло социальную базу. Объясняя источники власти объединенного комитета, его председатель поручик В. В. Кротков подчеркивал революционное происхождение и формирование комитета на коалиционной основе «путем принятия в свой состав представителей от существовавших ранее организаций г. Моршанска и его пригородов и от организаций, образованных под влиянием революции»⁸⁴.

Возникли споры о представительстве крестьян в объединенном Исполкоме. Было решено включить в него по 2 человека от волостных комитетов и по 3 – от волостей численностью более 10 тыс. жителей. Сложнее проходили выборы комиссара и членов Совета, занявшие несколько заседаний. На первом, учредительном, заседании объединенного комитета, проходившем при участии представителей Моршанского Совета солдатских и рабочих депутатов, уездным комиссаром и председателем Совета был избран беспартийный председатель городской думы землевладелец С. И. Попов, помощниками – эсер К. А. Мелиоранский и меньшевик Е. Г. Парфенов. Однако и Попов и Мелиоранский отказались от предложенных постов, и в итоге уездным комиссаром стал судья И. О. Яблонский, его помощниками – Е. Г. Парфенов и учитель А. Я. Овчинников⁸⁵. В президиум комитета вошли солдат А. Ф. Кокушкин, банковский служащий К. Ф. Левицкий, мануфактурный торговец Т.В. Попов. В составе комитета были

⁸⁴ ГАТО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 1. Л. 1об.

⁸⁵ Там же. Л. 8.

начальники уездной и городской милиции, земский агроном, лесничий и др.⁸⁶.

При обсуждении важных для жизни города и уезда вопросов громче всех раздавались голоса председателя объединенной группы РСДРП Скрыпника и его оппонента Парфенова.

Уже на втором заседании 17 апреля обсуждался вопрос об условиях аренды земель. Как признался член одного из волостных комитетов крестьянин И. Е. Кекишев, «мы смотрим на землю как на жирный пирог... Получив свободу, мы не разбираемся. Цель правительства и всех крестьянских съездов – чтобы не осталась земля не засеянной, а не соблюдение личных интересов... Надо запастись терпением до Учредительного собрания, до его решения, а пока надо поступиться своими интересами»⁸⁷. В том же духе высказались эсер Н. И. Иванов («не решать земельного вопроса без Учредительного собрания, а немедленно засеять землю, чтобы избежать голода»), меньшевик Парфенов («аграрные беспорядки будут негативно оценены союзниками»), лишь Н. А. Скрыпник призвал потребовать конфискации «всех удельных, кабинетских, церковных, монастырских, помещичьих и прочих земель в общую собственность государства». Показательно, что предложение Скрыпника было принято собранием единогласно – настолько далеким, вероятно, казалось это депутатам и не было связано с текущим моментом. Однако уже прозвучали в выступлениях крестьянина Т. Т. Попова и гласного уездного земства Кириллова сетования на то, что крестьяне ряда волостей недоверчиво воспринимают волостные и уездный комитет, чему способствуют разъезжающие по губернии солдаты – представители советов.

Общественные комитеты и сами зондировали отношение к ним населения. В анкетах Кирсановского уисполкома на вопрос «Как относится

⁸⁶ ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1, Д. 73. Л. 496об.

⁸⁷ ГАТО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 1. Л. 3об.

население к приезжающим ораторам?» жителями Богословской, Соколовской, Софьинской, Кобяковской и Ржаксинской волостей были даны ответы: «внимательно», «очень хорошо», «хорошо», «сочувственно». Респонденты из Золотовской и Арбеньевской волостей отметили, что на заезжих пропагандистов смотрят «с уважением, *если не замечают политическую пропаганду*» и «слушают внимательно, но *понимают разное*» (курсив – мой Д.К.)⁸⁸. То есть, только менее трети опрошенных отнеслись к ним критично.

Жившие в условиях господства обычного права с его доминантой искать примирения сторон крестьяне не понимали и не одобряли, особенно поначалу, конфронтации между правительственными органами и советами. Так, в селе Большие Острожки Усманского уезда сельский комитет постановил обратиться «к Советам рабочих и солдатских депутатов всех русских больших городов принять меры к прекращению пропаганды против нового Временного Правительства»⁸⁹.

Не было единства и в самих властных структурах, где конфликты возникали как на почве политики, так и на почве неразграниченности полномочий старых и новых учреждений. Члены Моршанского исполкома, усомнившись в необходимости созыва нового состава уездного земства, поставили вопрос ребром: «подчиняемся мы новому правительству или нет?». В результате было решено, по предложению В.В. Кроткова, потерпеть 3-4 месяца «ненавистное земство», дополнив его представителями от общественных организаций уезда, включая рабочую и солдатскую секции Совета, кооперативы, торговцев и пр.⁹⁰

Вопрос о месте земства в новой системе власти поднимался и в Шацке. 14 марта на имя губернского комиссара было подано прошение 46 земских служащих, из числа т. н. «третьего элемента», дать им право голоса в

⁸⁸ ГАТО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 10. Л. 2об., 4об., 8-9об., 11, 12об.

⁸⁹ Усманская газета. 1917. 17 мая.

⁹⁰ ГАТО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 1. Л. 9-9об.

уездном комитете, земском собрании и других местных общественных организациях. Хотя уездный комиссар Стахеев отказал им в этой просьбе, ввиду отсутствия новой законодательной базы в отношении земств, Давыдов одобрил прошение⁹¹ и в Исполнительный комитет вошли два земских делегата.

Ближе к лету деятельность исполнительных комитетов все более переключалась на административно-хозяйственные дела; и без того немногочисленные политические вопросы отошли на второй план. К началу июля работа уездных исполнительных комитетов начинает угасать, депутаты теряли к ним интерес, как к органу, способному решить проблемы политического характера, а хозяйственные вопросы решались городскими думами и волостными комитетами на местах. Борьба за политическое влияние переместилась в Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Сообщения о событиях в Петрограде в дни июньского политического кризиса и особенно о вооруженном выступлении большевиков и анархистов против Временного правительства 3–4 июля усилили беспокойство уездных исполкомов за судьбу демократии в стране. Вернувшийся из Петрограда с 1-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов Парфенов на заседании Моршанского исполнительного комитета 8 июля предложил «обсудить свое отношение к большевикам и сказать им, что их деятельность преступна пред революционной демократией». Тут же при обсуждении частного вопроса о железном ломе из собрания исключили единственного большевика Буковского, протестовавшего против разрешения министром В. М. Черновым купли-продажи вторсырья из опасения, что это вызовет спекуляцию. После этого исполком осудил действия большевиков, выразив

⁹¹ ГАТО. 1058. Оп. 1. Д. 25. Л. 77-77об.

«полное доверие Временному правительству за то, что оно приняло решительные меры к подавлению контрреволюции»⁹².

Действия Моршанского комитета легче понять на фоне событий, которые произошли в Липецке 6-7 июля, где в ходе массовых беспорядков при активном участии солдат был разгромлен ликерный завод. Предполагалось, что выступление инспирировали местные большевики, которым, по заявлению главы Липецкого городского Исполнительного комитета Ларина, при ликвидации беспорядков в Ельце пришлось убираться отсюда, и они перебрались в Липецк.

Депутаты липецкого Исполкома не чувствовали настроений уезда. На одном из заседаний отмечалось, что в деревнях «идет призыв запасаться посудой для водки», в городе нарастает недовольство нехваткой товаров первой необходимости. Однако делегат полка в комитете Носарь подтвердил, что настроение солдат мирное, многие разъехались в отпуска перед предстоящим отправлением на фронт. Его поддержал Бутягин: «Пока полк свободен, бояться нечего». Развития бунта ожидали со стороны городских обывателей и крестьян окрестных деревень, рассчитывая, что защитником города в случае погрома может выступить полк, солдаты которого, вопреки ожиданиям, оказались зачинщиками и руководителями погрома⁹³, подавленного с помощью войск из Москвы.

Становилось очевидным, что общественные исполкомы не могут полностью контролировать ситуацию в уездах. Поэтому Временное правительство в конце июля объявило о скорой их ликвидации после выборов в демократизированные органы городского и земского самоуправления.

Хотя упоминания о деятельности отдельных уездных комитетов встречаются и в октябре-ноябре, их существование к тому времени было

⁹² Там же. Л. 30-31.

⁹³ ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 22. Л. 7об.-12об.

номинальным. Стремительно меняющаяся общественно-политическая ситуация в стране выдвигала другие органы, более гибкие, более политизированные, ближе связанные с политически активным населением и непосредственно отражающие его растущие требования.

1.3. Советы депутатов и общественное самоуправление

С первого дня победы Февральской революции в столицах и на местах начинают создаваться новые институты общественного самовыражения – Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Возникавшие рядом с исполнительными комитетами советы, по определению философа и экономиста А. А. Богданова, были учреждением революционно-правовым, а не государственно-правовым, являясь «органами революционной борьбы», пригодными только делу революции, способными «вынести новых людей на надлежащее место». Для дальнейшей жизни и строительства нового государства они не годились, но, как выборный орган, представитель классов и групп, советы были самым подходящим управляющим органом в революции⁹⁴. Советы, по мнению ряда современных авторов, были выразителями общинного характера русского народа, являлись результатом «самобытного народного творчества»⁹⁵.

Уже 4 марта в Тамбове организовались Совет рабочих депутатов и Совет солдатских депутатов, 6 марта они слились в единый совет. Главной особенностью новой общественной организации было участие представителей «третьего элемента», городских и земских служащих, «как лиц, наравне с рабочими у станков, продающих свой труд капиталу». Заседания совета в зале городской Нарышкинской читальни проходили в

⁹⁴ Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М., 1990. С. 344–345.

⁹⁵ См.: Малышева Е. П. Формирование и функционирование партийно-советской политической системы // Представительная власть в России: История и современность. М., 2004. С. 382.

нервной для депутатов, насчитывающих до 100 человек, обстановке. Позади них, «как сельдь в бочке, теснилось человек до пятисот революционно настроенных рабочих и солдат», и любой вопрос, проблема обсуждались не только народными избранниками, но и праздношатающимися по залу, часто вооруженными, зрителями, что, несомненно, могло влиять на результат обсуждения. Вопрос о войне, обсуждавшийся на первых заседаниях совета, особенно волновал солдат. Как только им казалось, что депутаты склоняются решить столь волнующую проблему не в их пользу, отправив их в действующую армию, тотчас же с задних рядов раздавались недовольные голоса, перераставшие в гневный шум. Участник тех событий вспоминал, будто «поднималась буря, казалось – все будет сметено»⁹⁶. Лишь со временем заседания совета перестали привлекать публику. Большинство в совете с самого начала принадлежало эсерам и меньшевикам, меньшинство было беспартийным.

4 марта на Тамбовском пороховом заводе (ныне г. Котовск) организовались Совет рабочих и Комитет служащих (при совете). По прошествии лет рабочий-большевик И. А. Гаврилов, один из организаторов совета, констатировал в нем засилье меньшевиков, а позже вспоминал, что к революции на заводе насчитывалось около 20 рабочих-эсеров, сумевших убедить в правильности своего курса большую часть из восьми тысяч рабочих завода.

Успех эсеров у рабочих-пороховиков легко объясним крестьянским происхождением последних, тесной связью с деревней, желанием обобществить землю, что и обещали выполнить эсеры. Как вспоминал позже металлист Баранов, он вошел в партию эсеров «потому, что, во-первых, здесь губерния крестьянская, а, во-вторых, потому, что *другой партии на заводе*

⁹⁶ Первые Советы и массы. (Из воспоминаний о 17-м годе) // Путь борьбы. Сборник первый. Тамбов, 1923. С. 28.

пока нет, а в такое время быть вне рядов хоть какой-нибудь революционной партии – *преступно* (курсив мой – Д.К.)»⁹⁷.

Другой фундаментальной причиной прихода в руководство городских советов в губернии меньшевиков и эсеров было преобладание среди горожан выходцев из деревни, средних социальных слоев. В Тамбове из 12 тыс. избирателей от учреждений и предприятий города в марте-апреле 1917 г. по меньшей мере 7,5 тыс. относились к приказчикам, низшим почтово-телеграфным служащим, прислуге, мелким производителям, интеллигенции, студентам. Они избрали 63 % членов Совета рабочих депутатов⁹⁸.

К 20-м числам марта Советы рабочих и солдатских депутатов возникли в Козлове (первоначально именовался железнодорожным исполнительным комитетом) и Моршанске. В первом председательствовал меньшевик Лодыгин, во втором – большевик Н. А. Скрыпник. Моршанский совет объединил 10 тысяч железнодорожников, заводских рабочих, приказчиков и ремесленников. 20 марта образовался Совет воинских чинов, или Совет солдатских и офицерских депутатов Моршанского гарнизона⁹⁹, который в тот же день принял решение о слиянии с Советом рабочих депутатов. В объединенный совет вошли представители и от солдат, и от офицеров. Создание совместной солдатско-офицерской организации выделяло Моршанск на фоне остальных городов, включая Тамбов, в котором был создан, отдельно от солдат, Совет офицерских депутатов. По наблюдениям Л.Г. Протасова, смешанных солдатско-офицерских советов в провинции было немного, и соотношение солдат и офицеров в них варьировало в пределах от 4:1 до 2:1. Причем, во многих крупных промышленных уездных городах (Шуя, Кинешма, Острогожск), а также в Тамбове, офицерство в солдатских советах не было представлено даже в августе 1917 г.¹⁰⁰

⁹⁷ Там же. С. 9.

⁹⁸ ГАТО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–31.

⁹⁹ ГАТО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 10. Л. 5об.

¹⁰⁰ Протасов Л. Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе... С. 49.

В «Проекте организационного Устава Тамбовского Совета рабочих и солдатских депутатов» отмечалось, что «делегаты от рабочих избираются таким образом: а) каждое предприятие, имеющее от одного до 100 человек (в других экземплярах «Проекта» – от 25 до 100 человек – *Д. К.*) дает одного представителя, от 100-200 – двух представителей и т.д. до 1000, каждая следующая тысяча, кроме первой, дает одного представителя»¹⁰¹. Такие нормы представительства ставили в более выгодные условия мелкие трудовые коллективы. В итоге, в Тамбовский совет от 1,3 тыс. занятых на 18 мелких предприятиях и организациях города был избран 21 депутат, а от 2 тыс. рабочих вагоноремонтных мастерских – только 18¹⁰².

Сохранившиеся документы не содержат сведений о партийном составе советов губернии в 1917 г. Отчасти это было проявлением «беспартийной революционности», характерной для этого времени. Лишь затем, по примеру столичных советов, в них стали появляться партийные фракции, с членством, фракционной дисциплиной, и то не везде. К тому же в тамбовской провинции советы организовывались не столько для решения общеполитических задач, что более характерно для столиц и промышленных центров, сколько для объединения и мобилизации трудовых слоев населения во имя защиты революции и выражения конкретных социально-экономических интересов.

Такой вывод напрашивается при изучении документации о текущей деятельности советов. Рабочие, солдаты, крестьяне завалили их массой жалоб и обращений по поводу нового для них революционного быта. Доверительно называя депутатов «товарищами», «защитниками», «дорогими товарищами», они подчеркивали социальную близость к ним как гарантию понимания и решения насущных проблем. Только на конец июля нами зафиксировано 14 прошений, поступивших в Кирсановский совет. 3 прошения были от погорельцев, с мольбой не лишать семейство

¹⁰¹ ГАТО. Ф. Р-2. Оп. 18. Д. 2. Л. 50.

¹⁰² *Шпаковский В. В.* Большевистские организации ЦЧО в борьбе за установление Советской власти. М., 1968. С. 11.

единственного работника-мужчины. Примечательно, что не выявлено ни одного подобного документа в бумагах исполнительных комитетов, в материалах губернского и уездных комиссаров. В то же время, советы воспринимались «своей», в отличие от «буржуйской» власти. Вера в «свою» власть была настолько сильна, что подобные прошения поступали спустя недели и месяцы после официального запрета Кирсановским советом продления отпусков, с требованием ко всем солдатам вернуться в свои воинские части¹⁰³.

Обычным приемом является противопоставление «своих» и «чужих», «бедных» и «буржуев», как заведомых врагов революции. Характерный пример. В мае в губернский Совет рабочих и солдатских депутатов поступила жалоба, походившая больше на донос: «Обратите Ваше внимание на бедных больных, войдите в их защиту, посмотрите сами, что делается у дверей доктора богача буржуя Богородицкого, какая несправедливость и жестокость. Ведь, больные стоят у его двери и ждут записи, их даже на крыльцо не пускают, а, между тем, плата объявлена не менее трех руб[лей]»¹⁰⁴.

Привычно не доверяя государственным учреждениям, крестьяне, мещане, рабочие, солдаты больше полагались на советы, обращаясь к ним по всякому поводу. Сельский или городской обыватель, наблюдая рост числа за взятки освобождаемых от призыва на воинскую службу («белобилетники»), уже выражали свою новую гражданскую позицию тем, что реагировали на это валом доносов. «Покорнейше просим вызвать крестьян Трескинской волости Антонинского поселка Якова Гаврилова и Василия Александровича Пришиных, – писали односельчане в мае 1917 г. в Кирсановский совет, – ... они от службы отвлекают всю войну, считаются по комиссиям больные, но

¹⁰³ ГАТО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 11. Л. 74об.

¹⁰⁴ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 4. Л. 44.

они совершенно здоровые».¹⁰⁵ Аналогичное послание поступило в тот же совет от трех солдат-крестьян Чернавской волости, находящихся в отпуске, на побывке. В письме высказывалась угроза, что если их письмо будет оставлено без внимания, они будут жаловаться выше («дальше пойдет это дело»).

Советы считали своей главной задачей распространять революционные идеи среди городских жителей. Для этого практиковались гала-представления, концерты, лотереи, народные гуляния, в ходе которых проводился сбор средств «в пользу революции». Борисоглебским советом по выходным ставились спектакли на революционную тематику, а по воскресеньям еженедельно у Народного дома устраивались митинги.¹⁰⁶ С 18 мая при совете действовало Агитационное бюро, задачами которого были «пропаганда в народе идей социализма», «подготовка к выборам в Городские Думы и Учредительное собрание, и освещение вопросов, связанных с войной». На организованных им митингах звучали просветительские речи на политические темы: «Слово о Чернышевском и роли революционного движения в России», «Новые Думы и роль демократии в них – муниципальный социализм», «Основы и идеалы социализма и тактика социалистов в настоящий момент» и др.¹⁰⁷

Такого рода деятельность советов Тамбовской губернии была характерна вплоть до июльских событий в Петрограде. Данный период в советской историографии, с «легкой» руки Ленина¹⁰⁸, обозначался как «двоевластие», акцентируя противоречия между органами Временного правительства и советами (во главе с Петроградским советом) и наличие властей официальной и неофициальной. Однако такая дефиниция, возможно, применимая в отдельных конкретных случаях, не отражает реальное

¹⁰⁵ ГАТО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.

¹⁰⁶ Голос труда. Борисоглебск. 1917. 10 июня.

¹⁰⁷ Там же. 17 июня.

¹⁰⁸ О двоевластии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.31. С.145–148.

состояние власти в провинции в целом. В городах Тамбовской губернии отчетливо просматривается, особенно на персональном уровне, переплетение функций и действий различных институтов, но трудно усмотреть какие-либо притязания советских лидеров на власть, которая их, скорее, пугала своей непомерной ответственностью, чем притягивала.

В повседневности между местными органами Временного правительства и советами имелись достаточно тесные связи, обусловленные необходимостью преодолевать надвигающуюся хозяйственную разруху, умирять анархию аграрных погромов, разгромов винных складов и прочих проявлений, скорее криминальных, чем политических. Этому способствовали и личные унии – обмен представителями. К примеру, в Моршанский уездный исполком, главный распорядительно-исполнительный орган уезда, входили и активно в нем участвовали члены совета рабочих Е.Г. Парфенов, солдаты В. В. Грязнов и А. Ф. Кокушкин (товарищ председателя Исполкома).

Стоит заметить, что и общеполитическая позиция обеих институций в губернии вплоть до осени мало различалась, поскольку и советы и исполкомы выступали за продолжение войны, поддерживали общественное спокойствие и переход к демократической республике. В советских газетах регулярно печатались призывы к трудящимся поддерживать Временное правительство, подписываться на «Займ свободы».¹⁰⁹

Структуры советов и исполнительных комитетов не могли удовлетворять желания всех своих избирателей. Многие общественные группы либо вообще не имели своих представителей в советах, либо их представительство было чисто декоративным.

Так, в апреле 1917 г. организовалось Тамбовское общество техников для защиты ее членов «от всех давлений и правонарушений извне», а также для «освещения политических, экономических, социальных и правовых

¹⁰⁹ Земля и воля. Шацк. 1917. 17 июня; Голос труда. Борисоглебск. 1917. 10 июня; Наша газета. Липецк. 1917. 28 мая, и др.

вопросов». 22 апреля Общество обратилось в Совет рабочих и солдатских депутатов с просьбой предоставить право командировать своего представителя для участия в заседаниях, «чтобы организованная рабочая секция могла слышать голос организованных техников». 30 апреля совет отказал обществу в этом¹¹⁰, и вопрос больше не поднимался.

Июльские события показали слабость и разобщенность системы самоуправления. Не были исключением и советы. Они не смогли найти пути выхода из политического кризиса на общенациональном уровне, не предотвратили массовых беспорядков на почве растущего недовольства населения во многих местах. Возник вопрос о перевыборах советов.

В Тамбове перевыборам предшествовал погром рынка 12-13 сентября, когда голодные толпы, руководимые кучкой пьяных солдат, обнаружив в продаже испорченную рыбу, разгромили продовольственные лавки и магазины в центре города, на Гимназической улице. Волнения были широки, к ним подключились солдаты пехотных полков, потребовав освобождения арестованных товарищей, кавалеристы отказались применять вооруженную силу, и властям пришлось вызвать отряд казаков и юнкеров с броневиками из Москвы. Показательно, что именно Тамбовский совет принял на себя ответственность за восстановление порядка, обещая вплотную заняться учетом продовольствия и справедливым его распределением.¹¹¹

Беспорядки пошли на убыль, однако 18 сентября на городском собрании полковых и ротных комитетов Тамбовскому совету рабочих и солдатских депутатов было выражено недоверие. Депутаты были вынуждены сложить полномочия и объявить перевыборы, признав потерю доверия со стороны части населения¹¹².

¹¹⁰ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 4. Л. 59-59об., 66.

¹¹¹ Там же. 1917. 14 сентября.

¹¹² В «Открытом письме Исполнительного Комитета Тамбовского Совета рабочих и солдатских депутатов и большинства его активных сотрудников по поводу беспорядков 12-13 сентября к рабочим, солдатам и всем гражданам Тамбова» было отмечено:

Перевыборы, проходившие 30 сентября – 1 октября, вновь дали большинство эсерам, занявшим 69 из 156 мест, или 44%. Большевики получили 38, большевики – 24 места, увеличив свое представительство. Остальные 25 мест заняли депутаты, не указавшие своей партийности. В избранный 2 октября исполком совета вошло 8 эсеров, 4 большевика и 4 меньшевика, председателем стал меньшевик А. К. Чарноцкий, замещал его большевик И. В. Илюшин.¹¹³

В Лебедянском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов также доминировали эсеры. Точных данных о его партийном составе нет, но, известно, что один из двух делегатов, избранных им на II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, был эсер.

Тем не менее позиции эсеров в советах Тамбовской губернии пошатнулись. На проходившем 30 сентября – 5 октября 2-м Московском областном съезде советов от губернии были 2 делегата от эсеров и 4 большевика. В самой эсеровской среде проходило политическое расслоение и росло левое крыло, смыкавшееся с большевиками по основным вопросам текущего момента.

Глубоких, непреодолимых противоречий во взаимоотношениях и деятельности образованных в результате Февральской революции общественных исполнительных комитетов и советов в провинции не проявлялось. Первые были, в сравнении с самочинными советами, более легитимны ввиду их признания Временным правительством и более широкого социального представительства от всех слоев населения. И хотя советы и исполкомы придерживались разной политической ориентации

«Советом были посланы на место погрома депутаты, но слова убеждения не достигли цели. Этих депутатов не только не слушали, но в отдельных случаях над ними производили насилие». (ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 180. Л. 143).

¹¹³ Борьба рабочих и крестьян под руководством... С. 50.

(первые представляли леворадикальный, вторые – центристский лагерь¹¹⁴), в реальных условиях острой нехватки подготовленных управленцев, растущего объема задач, изменчивости политической обстановки и спорадически возникавших массовых волнений их совместная работа была важным фактором достижения необходимых результатов в стабилизации общественно-экономического положения губернии, до тех пор, по крайней мере, пока в едином фронте социалистических партий не произошел глубокий и окончательный раскол по принципиальным вопросам политики.

Отражая и выражая растущее нетерпение и недовольство широких масс нерешительной политикой официальной власти во главе с Временным правительством, советы со временем неизбежно воспринимались ими как власть альтернативная и вынуждены были стать на этот путь даже вопреки своему желанию. Определенным показателем снижения авторитета советов, роста политической апатии стало и падение депутатской дисциплины в них. И если советы на летних заседаниях еще набирали необходимый для принятия решений кворум¹¹⁵, то к осени заседания иной раз срывались ввиду их игнорирования депутатами. Кадетская газета «Моршанский телеграф» с сарказмом отмечала 2 сентября: «Экстренное заседание Исполнительного Комитета (Советов рабочих и солдатских депутатов – *Д.К.*), назначенное на вчера в 6 часов вечера за отсутствием кворума не состоялось. Это невольно наводит на мысль о том – “как хороши, как свежи были розы” в марте месяце... Через полгода... обыватель... стал менее интересоваться тем, чем был захвачен в первые дни революции». Стало очевидно, что наступает кризис доверия советам.

¹¹⁴ Герасименко Г. А. Трансформация власти в России в 1917 году // Отечественная история. 1997. № 1. С. 64.

¹¹⁵ Хотя, уже летом возникали определенные трудности с явкой депутатов на заседания. Так, на повестке дня в Моршанском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 19 июня ставился вопрос «О мерах к побуждению членов Совета посещать заседания». (Ф. Р.-20. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.).

Первые крестьянские советы появились в губернии летом 1917 г.¹¹⁶ Документально можно говорить только о Кирсановском уезде, возможно, им дело и ограничилось. Главное было в том, что эти советы не могли ничего добавить к традиционной системе сельского самоуправления, а к политической борьбе деревня не была готова. Поэтому и возникшие тогда советы крестьянских депутатов не оставили ощутимых следов своей деятельности.

Положение резко изменилось с приходом к власти большевиков, которым предстояло завоевать крестьянство политически, отвоевать, говоря словами В. И. Ленина, крестьян у эсеров.

Для того чтобы население приняло организацию советской власти в деревне, губернские комиссариаты внутренних дел направляли своих агитаторов. В их обязанности входило ознакомление крестьян с декретами Совнаркома и задачами, стоявшими перед советами. В частности, 14 агитаторов работало в Тамбовском и Лебедянском уездах, а результатом стала организация каждым по 4-6 волостных и несколько десятков сельских советов¹¹⁷. Иногда, правда, при голосовании вопроса о признании или подчинении советам некоторые воздерживались, как, например, в Лебедянском уезде (несогласные были сразу же выведены из состава совета). Остальная масса присутствующих, как правило, голосовала «за» признание и подчинение новой власти.

В губернии бывали агитаторы из Петрограда и Москвы. С октября 1917 г. по июнь 1918 г. оттуда на места было послано 4700 агитаторов и 1250 комиссаров, инструкторов и эмиссаров¹¹⁸. Эмиссарами из Петрограда было организовано два волостных совета Тамбовского уезда – Ивановский и

¹¹⁶ Так, известно о создании советов крестьянских депутатов в Кирсановском уезде в июне-июле (ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3. Л. 34; Д. 10. Оп. 1. Л. 25, 26, 30, 164; Д. 12. Л. 38, 63, 64).

¹¹⁷ ГАТО. Ф. Р – 394. Оп. 1. Д. 3. Л. 83–104.

¹¹⁸ *Селунская В. М.* Рабочий класс и октябрь в деревне. М., 1968. С. 103.

Каменский¹¹⁹. Чаще всего инициаторами создания сельских советов были демобилизованные солдаты. Заметим, что образование советов в волостях часто зависело от времени установления власти советов в уездных центрах.

Массово в тамбовской деревне советы стали появляться к началу 1918 г. О времени и обстоятельствах их созыва, практической деятельности, характере взаимоотношений с населением и земствами позволяют судить опросные листы-анкеты волостных советов. В конце 1950-1960-х гг. они впервые были введены в научный оборот, восполняя отсутствие обобщающих материалов.

Начало было положено В. В. Гришаевым, который опубликовал сведения о создании 280 волостных советов Центральной России¹²⁰. Вскоре П. Н. Абрамов обнаружил сведения о времени организации 1926 волостных советов центральных губерний. Согласно им, в Тамбовской губернии к апрелю 1918 г. был сформирован 81 волостной совет. До этого только по одному совету было создано в октябре и декабре 1917 г. – остальные возникли зимой-весной 1918 г.: 22 (27,1 %) – в январе, 28 (34,5 %) – в феврале, 24 (29,6 %) – в марте, 5 (6,1 %) – в апреле¹²¹.

Более точные и полные сведения о времени создания волостных советов Тамбовской губернии были представлены Г. А. Протасовым; из них видно, что основная масса советов была образована в январе-марте, а пик процесса приходится на февраль 1918 г.¹²²

О времени создания сельских советов нет единой точки зрения, поскольку анкета Мособлисполкома не требовала точной датировки. В отчетах уездных и губернских органов, занимавшихся организацией советов,

¹¹⁹ *Сельцер Д. Г.* Волостные Советы на Тамбовщине в докомбедовский период // Вопросы исторического краеведения Тамбовской области. Тамбов, 1986. С. 30.

¹²⁰ *Гришаев В. В.* Указ. соч. С. 45.

¹²¹ *Абрамов П. Н.* Указ. соч. С. 159.

¹²² *Протасов Г. А.* Сведения о времени организации волостных Советов Тамбовской губернии... С. 83–86.

есть указание на создание волостных и сельских советов, но датировки также нет¹²³.

По мнению П. Н. Соболева, волостные и сельские советы возникали одновременно¹²⁴. В. Р. Герасимюк полагал, что сельские советы в ряде случаев организовывались раньше волостных¹²⁵. П. Н. Абрамов, напротив, считал, что сельские советы возникли позже волостных¹²⁶, а В. В. Гришаев полагал, что сельские советы возникли одновременно с волостными, но их политическое развитие было более медленным¹²⁷.

Как ни странно, но все авторы по-своему правы, делая вывод на ограниченном источниковом материале. Так, в Талицкой волости Усманского уезда советы организовались 10 февраля, а волостной – тремя днями позже¹²⁸. В Котелинской волости Елатомского уезда совет возник 7 марта, к тому времени в волости уже работало 12 сельских советов¹²⁹. С другой стороны, из источников видно, что оформление сельских советов Шалинской волости Темниковского уезда растянулось со 2 февраля по 5 марта, а волостной совет был создан 27 февраля¹³⁰. Советизация тамбовской деревни была сложным, многообразным процессом, растянувшимся до апреля 1918 г.

По документам трудно установить партийный состав низовых советов, и он, конечно, сильно изменился по сравнению с серединой и даже концом 1917 г. Тем не менее, Д. Г. Сельцер выявил политическую принадлежность

¹²³ Революционное движение в ЦЧО. Т. I. С. 37.

¹²⁴ Соболев П. Н. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в Октябрьской революции. М., 1958. С. 128.

¹²⁵ Герасимюк В. Р. О количестве волостных и сельских Советов в 1917-1918 гг. // Вопросы истории. 1961. № 8. С. 205.

¹²⁶ Абрамов П. Н. Опросный лист волостного Совета // Исторический архив. 1960. № 3. С. 200.

¹²⁷ Гришаев В. В. Строительство Советов в деревне в первый год социалистической революции. М., 1967. С. 28.

¹²⁸ ГАТО. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 93. Л. 17.

¹²⁹ Там же. Д. 85. Л. 68.

¹³⁰ Там же. Д. 92. Л. 11.

208 членов исполкомов волостных советов губернии применительно к февралю–марту 1918 г.: 44 депутата причисляли себя к большевикам, 16 – к левым эсерам, 6 – к эсерам, 4 назвались демократами, 2 – социал-демократами, 2 – социалистами. Остальные 134 человека, объявившись беспартийными, тяготели к одной из партий: 74 сочувствующих большевикам, 15 – левым эсерам, 10 – тем и другим одновременно, 6 – эсерам. 9 человек заявили о сочувствии Советской власти¹³¹.

Заметим снова, что анкеты рассылались на места в конце марта 1918 г., а заполнялись в апреле-сентябре, поэтому не могут отражать реальной партийной палитры в советах на время их создания. Тем более, что весной 1918 г. проводилась кампания по перевыборам советов, фактически – изгнание меньшевиков и эсеров, а после 6 июля – и левых эсеров.

Полнее в анкетах освещены взаимоотношения волостных советов с губернскими и уездными инстанциями, что было равносильно их вовлечению в текущую политику новой власти. 13 волостей Тамбовского, Кирсановского, Козловского и Моршанского уездов указали на «устойчивую связь» с уездными и губернскими советами, 8 – на «случайную», остальные взаимодействия с вышестоящими советами не имели. 4 волости подтвердили, что к ним приезжают делегаты столичных советов, которые, видимо, и доставляли периодичку из Москвы и Петрограда, 16 советов подтвердили, что регулярно получают газеты, из них 6 – столичные¹³². Таким образом, волостные советы губернии, формально став властью на местах, не до конца вписались в новую политическую систему, что довольно скоро обнаружила «Антоновщина».

Большевизированные советы в деревне в тот период, по сути, продолжали эсеровскую линию земельной политики – эсеры своим Распоряжением № 3 начали это движение, в свое время предполагая через

¹³¹ Сельцер Д. Г. Крестьянское движение в губерниях Черноземного Центра России (март 1917 - март 1918 гг.): Дис... канд. ист. наук. Тамбов, 1990. С. 192.

¹³² Там же. С. 159.

земельные комитеты постепенно передать землю крестьянам. Теперь это работало на большевиков. Посетивший Моршанский уезд агитатор ВЦИК сообщил 1 февраля 1918 г. в Петроград, отмечал, что советы крестьянских депутатов к рабоче-крестьянскому правительству «обращаются доверчиво». Крестьяне не желали политизироваться, им была нужна земля. Недаром А. В. Шестаков назвал первых сельских большевиков «стихийными»¹³³. На вопрос анкеты «Как отнеслось население к выборам Совета и упразднению земства?» из 55 опрошенных волостей 29 ответили «равнодушно», 23 – «сочувственно», 2 – «сочувственно и равнодушно». Рязненский волостной совет (Моршанский уезд) отметил, что к выборам совета население отнеслось равнодушно, а назначение жалованья членам исполнительного комитета было встречено «враждебно»¹³⁴. Показательная черта общинной ментальности: даже небольшая финансовая прибавка односельчанину за выполняемое общественное дело воспринималось соседом-крестьянином как вопиющая несправедливость.

В анкетах содержался любопытный вопрос «Как поняло население различие между волостными земствами и Советами?». Из 55 волостей 21 словами «не поняло», «поняло мало», «безразлично», «одинаково» не обнаружила разницы между новыми и старыми органами деревенской власти. Однако некоторые волости представили развернутые ответы, дав свое понимание политического курса. Салтыковский волостной совет (Моршанский уезд) отмечал, что, по мнению жителей, «Совет относится к учреждению нового порядка, земство – старого порядка»¹³⁵. В 6 волостях создание совета было расценено как переход власти к бедному трудовому народу, а в 4 волостях посчитали, что новая организация власти более демократична, чем земство. Население остальных 18 волостей надеялось, что

¹³³ Шестаков А. В. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма, Вып. 1, Воронеж, 1930. С. 62.

¹³⁴ ГАТО. Ф. Р – 394. Оп. 1. Д. 90. Л. 24 об.

¹³⁵ ГАТО. Ф. Р – 394. Оп. 1. Д. 92. Л. 40 об.

с работой новых советов «улучшится самоуправление», «улучшится быт». Имелось в виду, что совет обойдется по расходам дешевле, чем земство, снизит либо отменит налоги, обеспечит всех хлебом. Жители Ермоловской волости Елатомского уезда, напротив, разочаровались в совете, так как он не обеспечил всех продовольствием¹³⁶. Это замечание особенно ценно, поскольку задачей советов было именно предотвратить голод. Об этом говорил посетивший I губернский учредительный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов эмиссар ЦИК Патутин, напомнив, что голод сверг с престола Николая II, и он же «может свергнуть и Советскую власть»¹³⁷.

Касаясь социального состава волостных советов, еще П. Н. Абрамов отмечал, что деревенские «советы в значительной степени были органами общекрестьянской борьбы против помещиков»¹³⁸. В. П. Семьянинов полагал, что в советах заседали, в основном, «беднота и та часть середняков, которая еле сводила концы с концами»¹³⁹.

Таким образом, волостные советы объединили в первой половине 1918 г. всех крестьян Тамбовской губернии. Психологически деревня приняла новые советы как продолжателей разумной земельной и экономической политики. Тем более, что новая форма организации волостной власти должна была заменить отжившие земельные комитеты, созданные еще Временным правительством, олицетворявшие пережившую самое себя революционную власть.

¹³⁶ Там же. Д. 85. Л. 86 об.

¹³⁷ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 12. Л. 10 об.

¹³⁸ Абрамов П. Н. Опросный лист... С. 198.

¹³⁹ Семьянинов В. П. Советы крестьянских депутатов в 1917 - первой половине 1918 гг. в исторических исследованиях // История и историки. Историографический ежегодник. М., 1986. С. 36.

ГЛАВА II. ДИНАМИКА И СТРУКТУРА МАССОВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

2.1. Эволюция политического сознания населения в 1917 г.

Исследование политической культуры российского общества в революции 1917 г. невозможно без анализа политического сознания отдельных его страт и сословий, самым многочисленным из которых было крестьянство¹.

Крушение монархии и смена государственного строя в России в феврале 1917 г. не оставили равнодушным крестьянский мир. И, хотя вера в царя была уже внешне утеряна, «наивный монархизм» еще не был стерт из крестьянского сознания и проявлялся, прежде всего, в характере восприятия крестьянами новой власти в лице Временного правительства. В первых телеграммах, присланных на имя министра-председателя князя Г. Е. Львова, крестьяне выражали готовность следовать новому политическому курсу, об отречении царя даже не вспоминалось, некоторые современники отмечали только отдельные высказывания в пользу Михаила², которые не могли повлиять на мировосприятие всей сельской общины.

Поземельная, соседская община обуславливала характер политического воспитания российского крестьянства. Несмотря на формальное отсутствие у большинства подданных Российской империи гражданских прав и свобод, низкий общекультурный уровень, крестьяне все же обладали, хоть и неразвитым, политическим и правовым сознанием, достаточным для должного существования в рамках крестьянского «мира». Домохозяева участвовали в управлении общиной на сходах путем избрания

¹ Так, к 1914 г. крестьянство составляло 85% населения России (Статистический ежегодник России. 1914 г. Пг., 1915. Отд. I. С. 61).

² См., напр.: Курск в революции. Сборник материалов по истории Октябрьской революции в Курском крае. 1917 – 1918 гг. Курск. 1927. С. 28.

представителей волостной администрации (волостных старшин, писарей и т.д.), в результате реформ 1860–1870 гг. крестьяне получили право участвовать через сельские общества в выборах гласных в уездные и губернские земства. Им не возбранялось обсуждать царские манифесты об объявлении войны и мира и прочих событиях, зачитанные в церквях либо на центральной площади села. Наступивший XX век, русско-японская война и революция 1905–1907 гг. вовлекали крестьян в политическую жизнь империи, а после провозглашения населению гражданских свобод (Манифест 17 октября 1905 г.) – в избрание выборщиков Государственных дум от сельских обществ, а косвенно – и в работе самих Дум, куда они посылали свои «приговоры» и наказания. Весьма показательны, что в составе 1-й и 2-й Государственных дум, выборы которых проходили относительно свободно, без применения властями избирательных технологий, 20 из 24 тамбовских депутатов были крестьянами. Просуществовав как высший представительный и законодательный орган власти до 1917 г., Думы способствовали введению политики в жизнь российской деревни, содействовали трансформации общинной крестьянской культуры, изменению политического сознания. По-своему, через обострение внутрикрестьянских противоречий, способствовало этому и столыпинское аграрное переустройство.

Первоначальная реакция крестьян на известие о свержении монархии, пришедшее в тамбовскую деревню в начале марта 1917 г., была шоковой, наступила растерянность в обстановке внезапно наступившего безвластия. Но уже вскоре они сориентировались в ней и, действуя не столько по политическому расчету, сколько руководствуясь мужицким практическим умом, стали изгонять из своей среды лиц, настроенных против общины, негодных им сельских должностных лиц, обычно ставленников крупных землевладельцев. Так произошло в с. Конобееве Шацкого уезда, где волостной сход 15 марта 1917 г. потребовал уволить управляющего имением

князей Воронцовых-Дашковых. Скорее всего, это объяснялось его неуступчивостью в вопросах аренды земли и найма батраков, но за первым актом вмешательства крестьян в то, что составляло прерогативу помещика, неизбежно следовало и покушение на его собственность, ибо сельский мир воспринял крушение монархии и местной власти как санкцию на самостоятельные действия. Днем ранее крестьяне с. Липяги Спасского уезда потребовали от управляющего имением землевладелицы Жилинской выселить из усадьбы всех служащих и передать все имение в пользование сельского общества. В ряде имений без предъявления каких-либо требований крупным землевладельцам крестьяне уже к 20 марта начали массовые порубки частного леса, как то было в имении Белоусова в Темниковском уезде³.

Аналогичные случаи были и в других местах. Крестьянский сход с. Петрово-Соловово (Кирсановский уезд) составил приговор об удалении из села управляющего имением графа Перовского, служившего и прожившего рядом с ними более 40 лет⁴. Нежелание крестьян находиться рядом с людьми, которых они воспринимали если не чужими по жительству, то чуждыми общине по духу, выразительно и многозначительно проявленными в этом чертами общинного сознания: это и стремление избавиться от вмешательства в ее дела извне, будь то городская власть или соседний помещик, это и желание не упустить момент для решения своих проблем, это и растущее понимание собственной силы и значимости, позволяющих диктовать власти свои условия. От этого не так уж далеко было до выступления крестьянства как самостоятельной политической силы, что оно и продемонстрировало в Тамбовской губернии осенью 1917 г., затем весной 1918 г., наконец, размахом крестьянского повстанческого движения («Антоновщина») в 1920–1921 гг., когда усвоенный тамбовскими мужиками революционный

³ Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917 – 1918): Документы и материалы. М., 2003. С. 30, 32.

⁴ ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 21. Л. 113 об.

политический опыт проявился и в создании своих организационных структур (Союзы трудового крестьянства) и в выдвижении собственных политических лозунгов («За советы без коммунистов», «Вся власть Учредительному собранию!»).

Конечно, не стоит за каждым конкретным, пусть и самым радикальным, крестьянским действием искать глубинный политический смысл – в конечном счете, в подоснове социального поведения крестьян лежали все те же продиктованные природой и условиями жизненного существования принципы «моральной экономики», психологии выживания. Но решения, проходившие через общинные сходы, сельские и волостные правления, как, впрочем, и обнаружившееся вскоре бессилие вышестоящих властей в их попытках умиротворить деревню, придавали крестьянам уверенность если не в полной законности производимых ими действий, то, во всяком случае, в своей безнаказанности. Крестьяне уже в марте 1917 г. ощутили вкус «черного передела» земли и собственности и только заверения власти и обещания партийных агитаторов сделать это скоро и надлежащим образом удержали их от того, чтобы осуществить это немедленно.

Как и в некоторых других губерниях, в Тамбове прошли губернские крестьянские съезды. Первый состоялся уже 6–7 апреля 1917 г. Он был созван деятелями оргбюро Всероссийского крестьянского союза, в нем участвовало свыше 300 делегатов от волостей. Партийный состав съезда неизвестен, но, судя по его резолюциям, он был проэсеровским. Принятая резолюция об образовании местных земельных комитетов обязывала их разрешать конфликты между помещиками и крестьянами, возникавшими на почве «непомерно высоких арендных цен» на землю и оплаты труда батраков, принимать меры к обработке незасеянных земель, включая

помещичьи и монастырские⁵. Съезд избрал совет Крестьянского союза Тамбовской губернии.

Уже 21–24 мая в Тамбове состоялся 2-й губернский крестьянский съезд с участием до 600 делегатов. Он проходил уже под налаженным контролем губернского комитета эсеров, о чем свидетельствовал Я.Э. Рудзутак, известный впоследствии большевик, а в ту пору разъездной инструктор Московского областного бюро советов. 22 мая в своем отчете он сообщал: «Наконец добился пропуска на Тамбовский губернский крестьянский съезд. Причиной недопущения меня на съезд с самого начала послужила боязнь тамбовских с.-р. влияния посторонней публики на крестьян. Главным образом опасаются большевиков. На самом съезде наблюдается недоверие крестьян к интеллигенции. В некоторых волостях крестьяне дали своим выборным очень радикальные наказаы: немедленную конфискацию земель и даже капиталов, хотя как будто большинство высказывается за оставление решения земельного вопроса до созыва Учредительного собрания»⁶. Бурно приветствовали многие делегаты призыв солдата Морозова к немедленному захвату земли помещиков.

22 мая съезд принял резолюцию, которая требовала от Временного правительства немедленно запретить помещикам продавать землю, постройки, скот, инвентарь, дать право волостным и уездным комитетам взять на учет все имущество помещиков, использовать по мере надобности их инвентарь, регулировать условия аренды земли. До издания правительственного постановления по этому вопросу съезд установил, чтобы подготовку и проведение этих мер взяли на себя волостные и уездные продовольственные и земельные комитеты⁷.

Таким образом, самочинные действия крестьян получили политическое оформление и некую правовую санкцию, становясь следующей ступенью в

⁵ Смирнов А. С. Крестьянские съезды в 1917 году. М., 1979. С. 58.

⁶ Там же. С. 59.

⁷ Там же.

развитии политического сознания крестьянской массы. Это решение съезда оказало «большое революционизирующее влияние на крестьян. Во многих селах Кирсановского, Усманского, Козловского, Тамбовского и других уездов они отказывались от арендных платежей и самовольно захватывали помещичьи земли»⁸.

Держа в уме привычное имущественное деление крестьян на «кулаков», «середняков» и «бедняков», исследователь не может применить его к политической культуре крестьянства, ибо она не поддается количественному измерению. Степень политической активности крестьян, по-видимому, в большей мере, особенно в первые месяцы революции, определялась их приобщенностью к городской жизни, к каким-то внедеревенским формам общественного бытия. Заметно, что первыми проводниками политического влияния в деревне стали солдаты близлежащих гарнизонов либо солдаты-отпускники – те же крестьяне, но уже «революционно подкованные». В крестьянской среде они воспринимались как «свои», что придавало их словам и делам особый авторитет, часто непререкаемый. Начиная с апреля 1917 г., по мнению О. А. Суховой, «крестьянское “неведение” и растерянность, вызванные отсутствием достоверной информации о событиях февраля – марта 1917 г., постепенно сменялись, как следует из воспоминаний крестьян, утверждением в коллективном сознании “солдатской правды” о перевороте»⁹. Именно их приезд в родные села и пропаганда революционных идей свободы стали результатом «интерпретации факта свержения самодержавия как сигнала к “черному переделу”»¹⁰. Эти сигналы, призывы солдат к активным захватным действиям как бы легитимизировали в глазах крестьян дальнейшие погромы барских усадеб. С другой стороны, требования крестьян о передаче им земли без выкупа с условием, что в

⁸ Очерки истории Тамбовской организации КПСС. Воронеж, 1970. С. 58.

⁹ Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства. М., 2008. С. 442.

¹⁰ Там же.

дальнейшем ей будет иметь право пользоваться «...тот, кто сам ее обработал», с отменой частной собственности на землю, «...чтобы земли нельзя было продавать и покупать»¹¹, звучали уже политическим вызовом помещикам, церковникам и прочим крупным земельным собственникам.

Синкретизм крестьянской ментальности наглядно проявился и в том, что в сферу его политического сознания легко вписалась такая патриархальная черта как ожидание «пророка», толкователя действий власти. В высшей степени выразительно, что в Учредительное собрание именно крестьяне, давшие до 90% всех поданных голосов в Тамбовской губернии, составившей отдельный избирательный округ, избрали 8 своих братьев, вернувшихся с многолетней политической каторги только в марте 1917 г. (П. И. Ильин, В. Д. Киселев, Г. Н. Кондратенков, Е. Н. Меркулов, И. Д. Набатов, А. Г. Одинцов, И. И. Рябов, Ф. Д. Чернышев), явно отдав им предпочтение перед публичными, идейно подготовленными политиками. «Страдание за народ» в их глазах было высшей аттестацией для будущего парламентария и знаком доверия.

«Большая» политика, проводимая новыми революционными властями, российскую деревню по-настоящему не занимала. Она была куда больше встроена в природу, чем в государственную и общественную жизнь, события которой тоже воспринимала сквозь призму своего мировосприятия как напасти, к которым надо примениться, притерпеться, если уж нельзя их избежать. «Лапотную», «мужичью» деревню в имперской России высшие сословия не просто не допускали к обсуждению вопросов общегосударственного масштаба, но и решали за нее, на каких условиях ей существовать. Поэтому Февраль 1917 г., не вызвав в крестьянской среде восторгов по поводу свобод гражданских (их крестьянам еще нужно было разъяснить), пробудил ее к активным погромным действиям, в рамках особого понимания пришедшей «свободы» как вседозволенности.

¹¹ ГАТО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 2.

Такое понимание свободы выразилось, в частности, в том, что они ощутили ее как законное право на месть или возмездие, находя его справедливым и осуществляя его в самых разнообразных формах. Так, в соседней Саратовской губернии крестьяне имение князя В. В. Сабурова сожгли, а его самого изрубили топорами за то, что его сын, будучи земским начальником, в 1906 г. публично повесил 12 крестьян¹². В Абакумовской волости (Тамбовский уезд) крестьяне публично осквернили прах Г.Н. Луженовского, убитого М. А. Спиридоновой в январе 1906 г. за издевательства над бунтовавшими мужиками. В других случаях дело ограничивалось угрозами. Так, Княже-Богородицкий волостной старшина Ильин потребовал от землевладельца Н. Ф. Хвоцинского «под страхом ответственности даже до расстрела» сведения о количестве скота¹³.

Стоит отметить, что месть осуществлялась не только по социальному признаку: общинники могли поиздеваться и над односельчанином, если тот нарушил основные принципы мирного соседства. Так, в мае крестьяне с. Коробовки (Усманский уезд) поймали вора-односельчанина и, сильно избив, запрягли в телегу и заставили его катать всех по селу¹⁴. Ритуальная жестокость крестьянских самосудов сохранялась и при новых порядках как норма обычного права.

Вообще, крестьяне не «впускали» политику глубоко в себя и зачастую играли на этом, используя свой аполитизм как защитное средство. Производя погромы, они оправдывали их своей безграмотностью, отсутствием кругозора, темнотой, не без политического лукавства перекладывая вину за содеянное на царя и его чиновников. «Мы крестьяне, труженики на своей земле, люди несведущие, темные, не знаем, что творится на белом свете, газет не читаем, никто нам не привозил книг, чтобы познакомить нас с переворотом старого режима», – оправдывались жители с.

¹² См. *Булдаков В. П.* Красная смута... С. 181–182.

¹³ Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918). С. 25.

¹⁴ Усманская газета. 1917. 9 мая.

Козьмодемьяновки перед Кирсановским советом за разгром имения помещицы А. В. Апушкиной (август 1917 г.)¹⁵.

Примечательно, что подобные документы-оправдания встречаются с конца лета – начала осени, когда в губернии окончилась властная неразбериха и крестьяне почувствовали, что за свои неправомерные действия нужно будет нести ответственность. И хотя некоторые исследователи считают, что крестьяне не задумывались о коренном институциональном переустройстве общероссийской власти¹⁶, они, по своей расчетливости, боязни власти как силы принуждения, старались «на всякий случай» снять свою вину перед нею за прошлые прегрешения.

Вспышки «стадной» ярости, вымещавшейся на находившихся рядом объектах (будь то господский дом, сам помещик или даже его скот, служащие и т.п.) с последующим коллективным «признанием вины», были явным следствием общинной крестьянской психологии, отмененной законом, но сохранившейся в умах и сердцах крестьян круговой поруки. Наличие предрасположенности на роль жертвы (виктимность) было для крестьянина гарантией того, что он сможет выжить и в общине, и при конфликте с государством, снимало лично с него моральную ответственность.

Сознавая низкий уровень политической грамотности населения, новая революционная элита возлагала большие надежды в политическом просвещении народа на интеллигенцию, особенно сельскую. К примеру, Липецкий совет, по мнению редакторов «Нашей газеты», мог бы работать более плодотворно, будь в его составе достаточное количество интеллигентных сил. В обязанность им вменялись культурно-просветительская деятельность, организация профессиональных союзов и

¹⁵ ГАТО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 14. Л. 94.

¹⁶ *Телицын В. Л.* Октябрь 1917 г. и крестьянство: переосмысление историографической традиции // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в. Тамбов, 2001. С. 85.

оказание помощи в создании провинциальных газет¹⁷. Однако сельская интеллигенция не оправдала возложенных на нее ожиданий из-за её отторжения крестьянским обществом. Она зачастую сталкивалась с крестьянской враждебностью, которая выражалась либо в пассивном безразличии, либо, что встречалось чаще, в угрозе физического насилия. На заседании Борисоглебской уездной земской управы 20 декабря 1917 г. учитель народной школы Чивилев жаловался, что народ считает учителя маленьким буржуем¹⁸. А еще 22 марта «Тамбовский земский вестник» отмечал, что в одном из сел Козловского уезда учителю пришлось из-за опасения для себя неприятностей перебраться из села в Козлов. В другом селе крестьяне чуть не учинили буйства против учительницы...»¹⁹.

Сельская интеллигенция (учителя и врачи), оставшись один на один с темной, непросвещенной массой, оказалась в сложном положении. К интеллигенции, как отмечала «Усманская газета», крестьяне относятся с подозрением, недоверием, так как они «как-то мало принимают участия в жизни деревни»²⁰. Немного позже Кирсановским уездным исполнительным комитетом по волостям были разосланы анкеты, которые должны были помочь губернской власти уточнить состояние общественного настроения. Среди ответов на вопрос «Как относится население к интеллигенции?» были получены ответы: «недоверчиво», «недружественно», «отрицательно»²¹.

Современники отмечали и порой поражались, сколь различным было поведение крестьян соседних уездов, подчас и деревень, пытаясь найти этому разумное объяснение. «Иногда приходится удивляться, какая разница в понятиях и во взглядах двух рядом лежащих деревень. Одна – довольно хорошо разбирается в событиях: с ней легко говорить; другая – смотрит на

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 28. Л. 163.

¹⁹ Тамбовский земский вестник. 1917. 22 марта.

²⁰ Усманская газета. 1917. 9 мая.

²¹ ГАТО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 10. Л. 2об., 8об. – 9, 10, 11, 12об. – 13.

тебя недоверчиво и подозрительно. Расстояние от города не играет в этом большой роли», - отмечал репортер «Козловской газеты» после поездки по уезду. И делал вывод: «Разницу эту делают... один-два сознательных человека, живущие в деревне, будь то учитель или учительница, вернувшийся с фронта умница-грамотей солдат или кто другой... Деревне нужны книги и люди!»²²

В селе Мучкап Борисоглебского уезда произошла попытка захвата власти представителем местной интеллигенции, который, обладая бóльшей по сравнению с другими информацией, пытался воздействовать на собравшуюся на базарной площади толпу, говоря, что он демократ, «...объявил всю остальную интеллигенцию врагами нового строя, себя стал величать мужиком». Этими действиями он вызвал удивление жителей, некоторые были ошеломлены столь резкими и наглыми заявлениями. Оратору ничего добиться не удалось, но общественность осознала ограниченность своего политического мировосприятия, все «...увидели как теперь легко какому-нибудь субъекту настроить темную массу»²³.

Рассматривая коды политического поведения крестьянства в революционное и постреволюционное время, С. В. Яров полагает, что на основе многочисленных свидетельств не приходится говорить о разных типах его политического поведения (поясним: соответственно имущественному или партийному делению), а только об особенностях «отклоняющегося» политического мышления и политического поведения отдельной их части. Термин «отклоняющиеся» здесь условен: он лишь подчеркивает меньшую распространенность новых форм поведения по сравнению с обычными²⁴. Сделанное на основе северо-западного региона России, это наблюдение в еще большей мере справедливо для черноземной

²² Солдат и рабочий. 1917. 14 июня.

²³ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 4. Л. 17.

²⁴ Яров С. В. Человек перед лицом власти 1917–1920-е гг. М., 2014. С. 11.

деревни с ее устойчивыми традициями общинного быта, в которой участие в политике было, прежде всего, борьбой не за абстрактный новый общественный порядок, а за вполне конкретные экономические и правовые привилегии, и в основе ее лежали не столько имущественные, сколько противоречия групповых и личных интересов крестьян. Революция предоставила им такую возможность, и они ее не упустили. Видный экономист Л. Н. Литошенко, один из теоретиков чаяновской «организационно-производственной школы», отмечал, что «по отношению к внешнему миру каждая волость выступала самостоятельной единицей, считавшей полной своей собственностью всю землю, находящуюся в ее пределах. Благодаря волостному сепаратизму помещичьи и казенные земли захватывались, как правило, только близлежащими селами»²⁵.

Причиной особого азарта крестьян Тамбовской губернии во время дележа имений осенью 1917 г. было известное и одобряемое крестьянами, изданное губернскими властями в середине сентября 1917 г. «Распоряжение № 3». Оно стало своеобразным предвестником ленинского Декрета о земле, фактически отдавшего все земли помещиков во власть волостных земельных и продовольственных комитетов с последующей передачей угодий крестьянам на условиях аренды. Уверенность крестьян в том, что земля находится уже в их распоряжении, предохраняла имения от разгрома, а то и полного уничтожения²⁶. Внутренняя организованность действий крестьян, руководимых общиной, при полнейшем их безразличии к закону, предопределила характер их взаимоотношений с землевладельцами. Общинные захваты помещичьих земель были «стихийным большевизмом»,

²⁵ Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 536.

²⁶ «Среди общего разгрома имений остались совершенно нетронутыми два крупнейших имения – Вырубова и Рымарева. ...Вырубовцы и бибикивцы (жители близлежащих к имениям сел – Д. К.) на все покушения дали энергичный отпор и заявили, что с изданием закона о переходе всей земли к народу эти имения перейдут к ним, а расхищать и портить свое имущество они не позволят», - писала газета «Русское слово» о ситуации в Козловском уезде 2 октября 1917 г.

одобряемым крестьянами. Крестьянство не желало жить по указке сверху. Оно «было далеко от таких абстрактных ценностей, как государственность, демократия, парламентаризм, стремилось жить своей жизнью, спеша воспользоваться плодами революции»²⁷.

Если бы, говоря гипотетически, у крестьян была возможность выбирать, они, не исключено, высказались бы против всякой центральной власти. Во всяком случае, «крестьяне менее всего склонны были придавать самодовлеющее значение форме государственных учреждений, и это видно уже на примере их отношения к Советам»²⁸.

В целом они вполне благосклонно отнеслись к их созданию, сознавая их революционное происхождение и подлинно демократический состав. Не будет преувеличением сказать, что Тамбовский губернский Совет крестьянских депутатов смог организовать и охватить своим влиянием огромную крестьянскую массу. Правда, лишь до определенного времени и предела. В известной мере это относилось и к уездным советам до той поры, опять же, пока их деятельность устраивала крестьян.

В мае 1917 г. губернский крестьянский съезд постановил организовать на местах волостные советы крестьянских депутатов. В Государственном архиве Тамбовской области нами выявлены более 20 волостных советов крестьянских депутатов, возникших летом-осенью 1917 г.²⁹ Все они относятся к Кирсановскому уезду, подобных сведений по другим уездам нет, и потому судить о степени их распространенности в губернии нельзя. Сами материалы об их деятельности сводятся обычно к протоколу организационного собрания, не позволяя судить о других формах деятельности. Лишь Соколовский волостной совет в составе 9 членов собирался довольно регулярно (последний протокол от 26 октября имеет

²⁷ Протасов Л. Г. Крестьяне голосовали за землю (деревня на выборах во Всероссийское Учредительное собрание) // Крестьяне и власть. М., Тамбов, 1996. С. 75.

²⁸ Там же. С. 15.

²⁹ См.: ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 10, 12.

порядковый № 10), обсуждал вопросы о борьбе со спекуляцией, с самогоноварением³⁰. По-видимому, и сами депутаты советов и крестьяне плохо представляли себе роль и место советов, воспринимали их как дополнение к уже существовавшим органам сельского самоуправления, к которым осенью 1917 г. добавилось еще и волостное земство.

Вместе с тем несомненно, что с ростом политического авторитета советов в общегосударственном масштабе и в качестве альтернативной Временному правительству власти крестьяне все охотнее апеллируют именно к ним. На общем собрании крестьян деревни Красный Яр Темниковского уезда 4 июля было принято постановление с выражением доверия уездному Совету рабочих и солдатских депутатов и «горячим пожеланием успеха для окончания кровавой бойни, которая уже 3 года уносит миллионы человеческих жизней». Находясь под влиянием агитации заезжих агитаторов, скорее всего, большевиков, все 80 домохозяев *потребовали* от совета *заставить* (курсив мой – Д. К.) Временное правительство прекратить войну «без аннексий и контрибуций, на самоопределениях наций».³¹

Большевистский захват власти в стране крестьяне восприняли довольно равнодушно. Но спустя некоторое время, с проникновением в российскую глубинку известий о принятии большевиками двух важнейших для жизни крестьянина декретов – «О мире» и «О земле» – российская деревня на деле стала поддерживать новую власть. Разумеется, крестьян не интересовала мировая революция, которой грезили лидеры большевизма. Главное, что «большевизм» понимался крестьянами как оправдание своих погромных действий, грабежа и раздела угодий крупных земельных собственников. Так,

³⁰ ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

³¹ Установление Советской власти в Мордовии. Документы и материалы. Саранск. 1957. С. 99.

в ноябре 1917 г. «вспыхнул» Усманский уезд³², причем крестьяне заведомо выбирали жертвы и, по предварительной договоренности между селами, поочередно делили богатые помещичьи имения, громили зажиточных хуторян, растаскивали имущество священников³³. Со своей стороны, центральная власть, представленная в Совнаркомом большевиками и левыми эсерами, до весны оставила деревню в покое, вплотную занявшись укреплением собственных позиций в городах.

В «связке» с крестьянством логично обратиться к политическому сознанию солдат, чья политическая роль в событиях 1917 – начала 1918 гг. на Тамбовщине ныне выглядит неоспоримой. Более того, подобная корреляция обозначит стимулирующее влияние иных условий общественного бытия на формирование политического сознания тех же крестьян, но уже в солдатских шинелях.

Тыловая Тамбовская губерния, входившая в состав Московского военного округа, в 1917 г. была наводнена войсками, чему благоприятствовали выгоды географического положения, природно-климатические условия, довольно развитая сеть железных дорог. В ее гарнизонах стояли 11 пехотных (из 189 в России) и 3 (из 9) кавалерийских запасных полка, несколько сводных эвакогоспиталей, множество мелких воинских частей и команд различного назначения. По оценкам Г. А. Трукана, к декабрю 1916 г., в центральном районе России, куда входила и Тамбовская губерния, находилось 702 тыс. солдат³⁴, по мнению Л. Г. Протасова, к началу 1917 г., когда общая численность войск в Центральной России была наивысшей, она составила до 1,5 млн. военнотружущих списочного состава. В любом случае она была огромна, в некоторых городах солдат было больше,

³² «Декрет Ленина о земле вызвал в Усманском уезде крупные аграрные беспорядки, ибо крестьяне поняли этот декрет как призыв к грабежу помещичьих экономий», - сообщила 17 ноября одна из наиболее уважаемых российских газет – «Русское слово».

³³ Булдаков В. П. Красная смута... С. 205.

³⁴ Трукан Т. А. Октябрь в Центральной России. 1967. С. 32.

чем горожан. Так, в Тамбове в гарнизоне насчитывалось свыше 50 тыс. солдат и офицеров, в Козлове, Борисоглебске, Моршанске, Кирсанове – от 10 до 30 тыс.³⁵ Уже сам факт размещения такой массы войск за тысячи верст от театра военных действий, перегруженность запасных полков бесполезными для фронта людьми обнаруживает кризисное состояние военного организма страны.

История солдатского движения в Тамбовской губернии основательно изучена в ее конкретных действиях и проявлениях, но не в сфере политического сознания. В поле зрения попали в основном те действия солдат, которые квалифицировать как революционные, хотя далеко не все они были таковыми. Между тем эта сфера заслуживала особого внимания, о чем свидетельствовало учреждение в июле 1917 г. военно-политического отдела штаба Московского военного округа (по инициативе нового командующего войсками округа эсера полковника А. И. Верховского) и ежемесячные отчеты офицеров связи при управлениях запасных бригад. На их основе составлялись для служебного пользования бюллетени о событиях в войсках округа³⁶.

В целом массовое сознание солдат было изоморфно крестьянскому. Это подчеркивал еще В. И. Ленин в статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции». На опыте солдатских восстаний 1905–1907 гг. он указывал на такие черты схожести как быстрая смена настроений и психических состояний, готовность к бунтарству и полная покорность и обреченность при неудаче. Однако в 1917 г. было уже и другое: опыт прямого участия армии в свержении традиционной многовековой власти и бесконечное славословие со стороны левых партий в адрес «революционной армии». Опыт петроградского гарнизона, который за свои «революционные заслуги» был освобожден от фронта, быстро усвоили и другие гарнизоны, которые тоже

³⁵ Протасов Л. Г. Солдаты гарнизонов... С. 14-16.

³⁶ См.: Кузьмина Т. Ф. Революционное движение солдатских масс Центра России накануне Октября. М., 1978. С. 110.

дружно стали «на стражу революции» в своих городах, отказываясь высылать маршевые роты.

Симптомы падения дисциплины и разложения армейского организма проявлялись еще до Февральской революции. Одним из проявлений нежелания солдат сражаться на фронте было повальное дезертирство, о чем в конце 1916 г. постоянно сообщалось тамбовскому губернатору в рапортах из городов и уездов³⁷. Революция освободила войска от присяги, приказом № 1 Петроградского совета и другими актами противопоставила друг другу рядовую массу войска и командный состав. Армия, прежде всего ее тыловые гарнизоны, стала открытой ареной партийной борьбы, что, по сути, довершало ее коллапс.

Несомненно, именно солдаты подогревали градус политической обстановки в губернии своими настроениями и действиями в деревне, о чем говорилось выше, а еще более – в городах. Здесь они находились в прямой досягаемости партийных агитаторов, в гуще текущих политических событий, втягивались в них и становились их катализаторами. Если по степени политизированности солдатская масса превосходила не только крестьян, но и сравнительно инертную рабочую массу, то этого нельзя сказать однозначно об уровне их политического сознания. Вынужденный отвечать на обвинения в том, что большевики дезорганизуют армию своей антивоенной пропагандой и призывами к братанию с солдатами противника, Ленин признал, что под знамена большевизма идет всякий недовольный, всякий шкурник³⁸. Если для интеллигенции, в том числе военной (офицеры, чиновники, врачи), обращение к политике было чаще всего идейным, то солдатско-крестьянская масса в основном приобщалась к ней импульсивно, под влиянием и с учетом текущего момента.

³⁷ См.: ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9658. Л. 1; Д. 9659. Л. 8; Д. 9662. Л. 4; Д. 9664. Л. 3; Д. 9692. Л. 3.

³⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 256.

Специфика тыловых гарнизонов заключалась в том, что общую картину умонастроений в них формировали две категории солдат – «эвакуированные» и «старики». Первые были фронтовиками, поступившими из госпиталей и последующих отпусков в воинские части для отправки в действующую армию. Нахлебавшись трехлетнего военного «лиха», они готовы были на все, чтобы задержаться в тылу. Риск дисциплинарного наказания их не пугал – он не был связан с опасностью для жизни, как на фронте. Фронтовики держались сплоченно, сохранив эту спайку и после войны. «Старики» – солдаты старше 40 лет, уже не подлежавшие отправке в окопы и нетерпеливо ожидавшие демобилизации. Они были выходцами из Тамбовской и соседних губерний, их жизнь также подчинялась природно-хозяйственному ритму: с наступлением полевых работ они настойчиво добивались своего участия в них, готовые разойтись самочинно.

Именно солдаты (отпускники, посланные на полевые работы ополченцы, партийные агитаторы, наконец, дезертиры) с лета 1917 г. широко распространяли в тамбовской деревне разрушительный вирус анархизма, который мог подаваться и в большевистской и в эсеровской трактовке, но воспринимался крестьянами прежде всего как призыв к немедленным действиям. По замечанию Д. И. Люкшина, «дезертиры как бы легализовались, и смогли вновь включиться в структуры крестьянских общин»³⁹. Именно они внесли в общину беспокойный нрав, смогли убедить крестьян в необходимости не только захватов земли, но и поджогов, и разгромов крупных землевладельцев, особенно против разбогатевших (по мнению «мира») во время войны хуторян, что общины вполне устраивало.

Характер подобной «разъяснительной работы» иллюстрирует следующий эпизод. В июле в с. Мордово (Усманский уезд) приехал на побывку матрос, объявивший себя большевиком и настроивший других находившихся здесь солдат против местных учителей, возглавлявших

³⁹ Люкшин Д. И. Указ. соч. С. 100.

продовольственный комитет и потребительский кооператив. 13 июля ими был произведен обыск в кооперативной лавке в поисках сахара для производства самогона. На другой день они учинили суд над обоими учителями. В описании «Гамбовского земского вестника» это выглядело так: «Председательствовал сам большевик, он же ораторствовал:

Правительство ими, кронштадтцами, уже свергнуто, законы они также все пожгли... И вот теперь народ сам должен судить виновных. А виновные, оказывается, главные, – это учителя. Они должны были разъяснить народу, что земля отдана последнему еще в марте месяце и т. д.»⁴⁰

Тем не менее, из «суда» ничего не вышло. «Стыдно солдатам, - заявил один из них, только что прибывший с передовой, - здесь в тылу заниматься такими постыдными делами, когда ваше место на фронте, когда армия гибнет!». «Суд» отложили, а матрос-«большевик» был арестован прибывшим из Борисоглебска патрулем, его, однако, крестьяне отбили⁴¹.

Хорошо известно, что более всего армию разлагает безделье. Быстрое и полное падение авторитета командной власти, а с нею – и военной дисциплины привело к тому, что уже летом 1917 г. занятия в войсках прекратились или превратились в формальность, и солдаты были предоставлены сами себе. Определенным влиянием среди них еще пользовались младшие офицеры, ближе связанные с ними и импонировавшие демократизмом и своей, как правило, социалистической ориентацией, участием в войсковых комитетах, а также уговорами как главным методом воздействия. Попытки высшего командования отправить в полном составе на фронт в связи с июньским наступлением несколько полков (в том числе 204-

⁴⁰ Гамбовский земский вестник. 1917. 27 июля.

⁴¹ Там же.

й пехотный запасный полк из Тамбова и 212-й – из Усмани) едва не привели к бунту⁴².

Такова была питательная среда для политизации солдат, в которой трудно провести грань между идейностью и животным инстинктом самосохранения. По воспоминаниям И. И. Мейснера, в Тамбовском гарнизоне до лета 1917 г. было всего три большевика⁴³, но уже осенью большевистское влияние в гарнизоне доминировало, а в январе 1918 г. именно солдаты во главе со штабс-капитаном Зерендорфом переломили ситуацию в Тамбовском совете, побудив его взять власть в городе. На выборах в Учредительное собрание в Тамбовской губернии 62% солдат голосовали за партию большевиков, видя в ней «партию мира», в первую очередь.

Вместе с тем, говорить о большевизации солдатской массы как некоем оформленном и завершенном применительно к ее политическому сознанию процессе нельзя. Более того, большевики стали заложниками солдатского племса, приспособивая свою политику к его требованиям и спонтанным действиям. Солдаты же в большинстве своем поддержку новой власти считали условной. Как выразился один из них на тех же выборах, «если Ленин обманет и мира не даст, мы его на одну веревочку с Керенским повесим. Сила за нами. Что захотим, то и сделаем»⁴⁴. Эту зависимость новых властителей России от солдатчины подмечали их оппоненты. «Русская революция 1917 года – это революция солдатская. Опасность этого солдатского характера нашей революции вытекает прежде всего из того, что подавляющая масса наших солдат – крестьяне, класс, неспособный к

⁴² В июне 1917 г. Тамбов посетил командующий войсками МВО эсер А.И. Верховский, который оперировал той же самой революционной риторикой, что и солдаты, но все же добился выполнения приказа.

⁴³ Мейснер И. И. На защите революции от врагов Октября // За власть Советов. С. 81.

⁴⁴ Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 250.

организованным формам движения, всегда в периоды революций склонный к бунтарству и с трудом воспринимающий... идею государственности»⁴⁵.

Разовьем эту мысль. Приняв присягу, поступив в распоряжение командиров, крестьянин с его общинной психологией был вынужден приспособливаться к новому быту, отвечать лично за свои поступки, не имея возможности списать их на «общество». При этом сам казарменный быт, пребывание рядом с совершенно незнакомыми людьми, трансформировал общинное сознание крестьянина-солдата. Он уже с большой долей равнодушия относился к соседу по окопу или казарме. Эти условия существования вкупе с неизбежными на войне разнообразными фобиями порождали в «человеке с ружьем», с одной стороны, озлобление, враждебность ко всему, что поставило его в эти экстремальные условия, с другой – убежденность в своем праве на ответное насилие в самом широком смысле слова.

Сняв шинели, большинство солдат растворилось в крестьянской среде, относясь к текущей политике вполне по-крестьянски. Однако пережитый политический опыт не прошел даром. Он проявился в том, что в ряде мест в начале 1918 г., после демобилизации старой армии, возникли союзы фронтовиков. Один из них сложился в Кирсановском уезде, и 18 апреля 1918 г. уездный совет обсуждал вопрос о нем. Член союза Емельянов, взывая депутатов к моральной поддержке, говорил, что организация преследует не политические цели, а только борьбу с безработицей и оказание помощи бывшим фронтовикам. В подтверждение этого они просили совет разрешить им создать кооператив и артельные мастерские. Однако Кирсановский совет, состоявший к тому времени из коммунистов и левых эсеров, не только не дал такого разрешения, но и потребовал немедленного роспуска союза «ввиду того, что под флагом данных союзов ютились явно контрреволюционные элементы и были случаи, что союзы фронтовиков вели борьбу с оружием в

⁴⁵ Цит. по: Там же.

руках против советской власти»⁴⁶. И в самом деле, союзы фронтовиков стали кадровым ядром антибольшевистского повстанчества во многих регионах – от Ижевска и Воткинска до Западной Сибири. Бывшие фронтовики составили унтер-офицерский костяк «Антоновщины». Между тем не приходится сомневаться, что очень многие из них в 1917 году были большевиками или с большевиками.

Особого внимания в разрезе дискурса «политическая культура» заслуживает, несомненно, офицерство, как по своей величине, так и по командной функции. В гарнизонах губернии оно представляло собой внушительную силу: если учесть, что в штате запасного полка состояло 150–200 офицеров, а в Тамбове находились управления 28-й пехотной и 2-й кавалерийской запасных бригад, то очевидно, что общее количество офицеров измерялось не сотнями, а тысячами. Впоследствии, уже в январе 1918 г., когда окончательно решался вопрос о власти в Тамбове, слухи об офицерском «ударном» батальоне серьезно смущали большевиков, но оказались сильно преувеличенными.

События Февральской революции застigli командный состав провинциальных гарнизонов врасплох. Лишенное указаний и приказов сверху, оно не решилось применить имевшиеся превентивные меры против массовых выступлений и основные усилия направило на то, чтобы изолировать войска от внешних источников информации, заперев их в казармах и не допуская к ним разносчиков газет. Это дало исчисляемый часами эффект, но имело долгосрочные последствия в виде недоверия солдат к своему начальству. В отдельных гарнизонах (Кирсанов, Моршанск) произошли расправы с офицерами, хотя источники не дают понять, было ли это связано с их действительным монархизмом или просто сведением счетов с чрезмерными службистами, что бывает во всех армиях мира.

⁴⁶ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 11.

Априорно понятно, что офицерский корпус русской армии, потерявший в боях кадровый костяк и размытый призывом офицеров запаса, вчерашних студентов и даже политических ссыльных, утратил свою гомогенность. Однако скудные источники указывают на попытки офицеров сорганизоваться в новой реальности, сохранив влияние на солдатскую массу и удержав свои командные позиции. 22 марта в Тамбове был создан Союз офицеров-республиканцев, целью которого провозглашалась защита слабых, убеждение «плохих» граждан, просвещение необразованных, а также борьба за «Русскую Демократическую республику». По образцу явочно возникавших солдатских комитетов⁴⁷ в Тамбове был образован Совет офицерских депутатов. Судить о характере его деятельности не приходится, поскольку он вскоре растворился в общей системе советов солдатских депутатов, куда включались и офицеры.

Однако политической консолидации офицерства не было и быть не могло, напротив, в нем усилились центробежные тенденции на почве политизации, особенно по мере «углубления» революции. Демократически настроенные офицеры охотно включились в работу всевозможных советов и комитетов, пытались установить товарищеские отношения с солдатами в духе нового времени, вошли в социалистические партии, другая часть, не обязательно монархическая, имела веские основания видеть в этом разрушение армии, подрыв ее боеспособности, подозревать коллег в заигрывании с солдатами ради карьеры. Фактов такого рода достаточно. В Моршанске по требованию офицеров был удален из гарнизона прапорщик Плешивин, произведенный в офицеры уже в ходе войны. 27 апреля он был избран митингом солдат 65-го полка командиром полка вместо полковника Лелюхина. По словам офицера штаба МВО Миляшкевича, «Плешивин впитал в себя беспочвенные большевистские лозунги и ими создал себе

⁴⁷ В Тамбове солдатами уже 5 марта был избран центральный солдатский комитет, позднее – низовые комитеты (Там же. С. 5).

популярность в известных кругах солдат»⁴⁸. В Тамбове были удалены из гарнизона прапорщик Поливанов, который первым вывел свой 204-й пехотный запасный полк под красным знаменем, в 60-м полку – выборный ротный командир подпоручик Агеев. Инцидент обычно разрешался переводом офицера в другую часть. В подобных случаях частым было обвинение в том, что те настраивают солдат против офицеров и командного состава, в большевизме, хотя, скорее всего, это были солдатские вожаки без четких политических взглядов.

Попытки офицерства настоять на своих властных прерогативах, даже самые осторожные, вызывали в солдатской среде растущий протест, неизменно принимавший политическую окраску. Показателен инцидент в 60-м запасном пехотном полку (Тамбов) при оглашении принятой по инициативе военного министра А.Ф. Керенского «Декларации прав солдата-гражданина», устанавливавшей права и обязанности солдат. Когда капитан Кащенко пункт о запрете выборности командного состава трактовал как недопущение права солдат обсуждать и контролировать действия начальства, это возмутило солдат. 9 июня на полковом митинге ими была арестована группа офицеров, включая Кащенко, которым было приказано покинуть город⁴⁹.

Выявить спектр партийных предпочтений офицерства в гарнизонах губернии сложно. Ясно лишь, что значительная его часть, по убеждению или в силу обстоятельств, примкнула к левым партиям, остальные затаились под маской беспартийности. После корниловского мятежа (август 1917 г.) рядовая масса открыто не повиновалась командному составу, касалось ли это усмирения аграрных беспорядков или перемещения войск в другие пункты дислокации. Солдатское возмущение, вызванное обнаруженными на базаре в

⁴⁸ Протасов Л. Г. Борьба солдатских масс за Советскую власть в Черноземном центре. Канд. дис. М., 1965. С. 38.

⁴⁹ Протасов Л. Г. Тамбовский гарнизон в борьбе за власть Советов // Под знаменем Октября. Вып. II. 1971. С. 5.

Тамбове 13 сентября негодными продуктами, вылились в многодневное волнение пехотных полков, принявшее отчетливо политический оттенок, поскольку солдаты требовали освобождения арестованных по подозрению в большевизме товарищей. Для усмирения бунта пришлось вызывать отряд юнкеров с броневиками из Москвы под командой штабс-капитана Мироновича. Любое действие командира могло вызвать огульное обвинение в сочувствии корниловцам и кадетам и спровоцировать солдатский взрыв. Тем не менее, при тайном голосовании в Учредительное собрание в ноябре кадетская партия получила в гарнизонах от 3% в Моршанске до 5% в Тамбове. Несомненно, это голоса, поданные офицерами.

В качестве же представителей корпорации военной интеллигенции офицеры были активными участниками политической жизни в городах губернии. В Тамбове видным деятелем был меньшевик прапорщик Леонов, член Московского областного бюро советов, в Моршанске – беспартийный поручик Кротков, руководивший Исполкомом, в Усмани – меньшевик-интернационалист прапорщик Б. И. Моисеев, возглавивший полковой комитет 212-го пехотного запасного полка и Совет солдатских депутатов, вплоть до лета 1917 г., когда он был избран во ВЦИК и перебрался в Петроград⁵⁰.

Вопреки историографической традиции, отдававшей рабочим политический приоритет, в нашем исследовании они занимают подчиненное место. В отличие от промышленных центров России, рабочих кадровых, оторванных от крестьянского надела, здесь было мало. Их ментальность и политическое сознание во многом было обусловлено сельскими корнями – крестьянским происхождением и сохранением тесной связи с крестьянской общиной, членами которых они продолжали оставаться, проживая в городах. Этому же способствовала сельскохозяйственная специализация

⁵⁰ Б. И. Моисеев был избран в Учредительное собрание от Тамбовской губернии по совместному списку большевиков и интернационалистов.

промышленности и, соответственно, ее внегородское размещение. До 70% рабочих на Тамбовщине располагалось в селах и заводских поселках, из них около 20% занималось переработкой сельскохозяйственного сырья⁵¹. Распыленность по мелким предприятиям, отсутствие крупного фабричного производства в ряде административных центров предопределили положение обитателей поселков при заводах, которые не являлись горожанами, но вынуждены были жить укладом, отличавшимся от деревенского. Самым крупным центром закрытого типа в губернии, ориентированным на военную промышленность, был поселок порохового завода под Тамбовом (ныне г. Котовск), основанный в 1915 г. и отчасти укомплектованный кадровыми рабочими из Петрограда и Прибалтики.

Оставаясь, по своей сути, более урбанизированными крестьянами, нежели городскими рабочими⁵², они и смену власти восприняли в общинном ключе. Отречение царя не вызвало в их среде особой реакции. На митингах были посланы телеграммы о лояльности Временному правительству. Про политику речь не заходила, но выражалась готовность продолжить войну до победного конца и поддержать демократическую республику. В телеграмме от 17 марта 1917 г. Тамбовский губернский комиссар заверял министра внутренних дел: «Крестьянство с радостью приняло весть о свободе, рабочие показывают замечательную дисциплинированность»⁵³.

С революцией и свободой практически во всех рабочих коллективах возникают профессиональные союзы. Но первое, что бросается в глаза, это выдвигаемые ими требования экономического, а не политического характера. Резолюции союзов и комитетов рабочих (позднее, и служащих

⁵¹ Орлова В. Д. Рабочие и власть в 1917 – начале 1918 г.: по материалам Центрально-Черноземных губерний // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в. Тамбов, 2001. С. 108–109.

⁵² По подсчетам В.Д. Орловой, среди рабочих черноземных губерний 58,7% сохранили за собой дома в деревнях, причем 47% в них и жили, в отличие от столичных рабочих и рабочих промышленных городов, которые были вынуждены снимать комнаты, а то и углы в специально выстроенных для этого казармах при заводах и фабриках. (Там же).

⁵³ ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 2. Л. 99.

общественного питания) стилистически схожи, принимались единогласно всем собранием, что наводит на мысль о неучастии многих рабочих в их разработке и обсуждении. С другой стороны, никаких принципиально новых требований рабочие не предъявляли. При их обращениях к властям содержалось неременное указание на поддержку правительства. Если же рабочие обращались к работодателю, хозяину фабрики, то требовали от него того же, что и прежде, до Февраля: сокращения рабочего дня до 8 часов, увеличения жалованья, твердых цен на продовольствие и т. д. Причем, требования эти не менялись на протяжении всего 1917 г., несмотря на смену политических ситуаций в стране⁵⁴. Нами не выявлено ни одного документа, отражающего желание рабочих уяснить политическую сторону деятельности комиссаров Временного правительства, городских дум, управ.

Отметим, что различные общественные комитеты мелких фабрик со временем вошли как представители в советы депутатов, практически полностью в них растворившись. Напротив, бросается в глаза «стойкость» союзов разных категорий служащих (правительственных и общественных), которые, в отличие от рабочих на производствах, смогли сохранить самостоятельность и отстаивать интересы своих членов вплоть до весны 1918 г. Через год, впрочем, они были ликвидированы большевиками без какого-либо сопротивления их участников⁵⁵.

Захват власти в стране большевиками в октябре 1917 г. не был поддержан рабочими губернии. Общее собрание железнодорожников крупного Козловского узла на митинге 7 декабря весьма недвусмысленно заявило: «Мы протестуем против захвата власти козловским советом и

⁵⁴ См. напр.: ГАТО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 3. Л. 47. Тем не менее, многие работники понимали, что мужчины как военнообязанные, в случае прекращения работы, в обязательном порядке будут отправлены на фронт и, чтобы этого избежать, они устраивали «итальянскую забастовку». (См.: *Крошницкий П., Соколов С.* Указ. соч. С. 19).

⁵⁵ Стойкость и организованность проявил союз швейцаров, рассыльных и прочих служащих г. Тамбова. Образованный 9 апреля и собиравшийся неоднократно, вплоть до 1918 г., союз со временем даже расширился, включив в свой состав швейцаров и поваров г. Тамбова и его окрестностей в виде автономной секции. (Там же. С. 10, 15).

требуем, чтобы совет рабочих депутатов отказался от такого захвата, ибо брать тяжелую ответственность в такой момент на свои плечи мы, рабочие, одни не можем». Они потребовали создания коалиционной власти с участием советов, органов самоуправления, профсоюзов, всех социалистических партий⁵⁶. Склонность к политическому компромиссу была характерной чертой тамбовских рабочих.

Исключение составили рабочие порохового завода № 43 под Тамбовом. Именно на них местные большевики делали основную ставку, склонив на свою сторону большинство активных рабочих и организовав Совет рабочих и солдатских депутатов завода под председательством И. А. Гаврилова. В сентябре совет 37 голосами против 5 осудил направленную против большевиков статью губернского прокурора эсера М.К. Вольского⁵⁷, 8 октября рабочие завода приняли участие в организованной эсерами демонстрации в поддержку «Распоряжения № 3», но шли фактически под большевистскими лозунгами. Наконец, 26 октября общее собрание рабочих завода приветствовало победу восстания большевиков в Петрограде, выразив уверенность, что «дело русской революции пойдет быстрыми шагами вперед и скоро воссияет заря социализма»⁵⁸.

Пафос приветствия нетрудно объяснить надеждами, связанными с приходом новой власти, в отличие от старой, в которой рабочие успели разочароваться. Мало сказать, что рабочим импонировали лозунги большевиков – РСДРП позиционировала и подавала себя в массовой работе именно как партия рабочих. Однако стоит заметить, что на ноябрьских выборах в Учредительное собрание в заводском поселке большевики получили 1352 голоса (40%), меньшевики – всего лишь 90 (2,6%) а эсеры – 1668, или 50% всех поданных избирательных записок. Картина упрощается тем, что это было преимущественное голосование за левых эсеров, которые

⁵⁶ Тамбовский земский вестник. 1917. 12 декабря.

⁵⁷ Дело деревни. Тамбов. 1917. 6 сентября

⁵⁸ Крошницкий П., Соколов С. Указ. соч. С. 22, 32-33.

имели сильное влияние в заводском коллективе, но шли по общим эсеровским спискам. В любом случае рабочие-пороховики стали основной ударной силой при взятии большевиками власти в Тамбове в январе 1918 г.

Поняв устойчивость и решительность новой власти, рабочие приняли ее, не втягиваясь в политику. Их инертность убедительно подтверждается крайне слабым участием заводских коллективов в органах управления губернией при коммунистах, когда рабочее происхождение стало весомым карьерным фактором, открывая «путь наверх». Рабочих в местных властных структурах почти не было, процент их участия в решениях политически важных для региона вопросов балансировал на уровне статистической погрешности, стремясь к нулю. Так, в 1918 г. рабочих, занимавших важные, либо значимые общественные должности, в Тамбовской губернии было 2,4% от всех рабочих, женщин и того меньше – 0,7%. По остальным губерниям Центрального Черноземья наблюдалась подобная картина: от 2,4% в Воронежской до 4,3% в Курской губерниях⁵⁹. Со временем, не видя представителей «своей» власти, рабочие воспринимали новые советы так же равнодушно, как и местную власть периода революции.

С восторгом встретила и с энтузиазмом приняла Февраль интеллигенция, особенно средние и низшие ее слои, куда входили народные учителя, работники искусств, средний медицинский персонал, мелкие служащие правительственных, общественных и частных учреждений, находившиеся в тяжелом материальном положении.

Практически сразу стали возникать профессиональные союзы учителей Тамбова, Козлова, Кирсанова, Моршанска. Появились объединенные союзы учителей и родителей (Борисоглебское педагогическое общество, Моршанское общество преподавательниц и др.)⁶⁰. Несколько союзов

⁵⁹ Подсчитано по: Всероссийская промышленная и профессиональная перепись: Фабрично-заводская промышленность в 1913-1918 гг. С. 166-167.

⁶⁰ Тамбовский земский вестник. 1917. 21 марта; ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 945. Л.2; Д. 420. Л. 3.

возникало, иной раз, в стенах одной школы с разными уставами, составом, целями и задачами, что вносило неразбериху и сумятицу в их деятельность.

С большой осторожностью профсоюзы обращались к политическим вопросам. Ориентируясь на защиту экономических и трудовых прав своих членов, они прибегали к острым формам борьбы (бойкоты, забастовки), но для разрешения именно хозяйственных проблем. Исключения были редки. Так, Союз учителей начальных училищ Шацкого уезда включил в свой устав в качестве одной из многих своих целей «активное участие в политической жизни страны на началах демократизма»⁶¹.

Осторожное отношение интеллигенции к политике, нежелание их ввязываться во властные вопросы, тем не менее, не могли оставить профсоюзы в стороне от политической жизни. Так, состоявшийся в мае 1917 г. губернский учительский съезд одобрил деятельность Временного правительства и выразил готовность поддержать Учредительное собрание. А 10 сентября Козловский учительский союз на общем собрании поддержал Демократическое совещание, собравшееся в Петрограде, коалиционное Временное правительство и выразил готовность продолжать войну.

Вместе с тем очевидно, и это многократно отмечалось в докладах тамбовских историков на конференциях по средним городским слоям, что интеллигенция все более охладевала к политике, по мере того как обнажался неприглядный лик революции в виде всевозможных эксцессов, материальных лишений, растущей анархии и обострялось ожидание твердой власти в стране. Это наглядно иллюстрирует динамика голосования летом–осенью 1917 г. в городах от выборов в городские думы до выборов в Учредительное собрание, о чем пойдет речь в другом разделе главы

Сообщение о победе октябрьского вооруженного восстания большевиков в Петрограде интеллигенцией было встречено настороженно, если не враждебно. Так, Тамбовский педагогический союз заявил о

⁶¹ Шацкий народный листок. 1917. 14 сентября.

непризнании большевиков и о готовности «бороться с ними всеми мерами». Такую же резолюцию принял Союз инженеров Тамбовского пригородного завода⁶². 171 голос за кадетскую партию, поданный в Учредительное собрание в заводском поселке (5% от общего числа), явно принадлежал им. Однако реальные действия интеллигентских организаций не шли дальше пассивного сопротивления в виде антибольшевистских заявлений или актов саботажа со стороны служащих.

Если политическая активность тамбовской интеллигенции, как и всей российской, обозначалась синусоидой, то ее идейная и организаторская роль в местной политической жизни была константной, ведущей. Выходцы из интеллигенции возрождали и возглавляли партийные комитеты всех политических направлений – от кадетов, чьи партийные кадры были почти исключительно интеллигентскими, до большевиков, определяли формы деятельности, готовили пропагандистскую литературу, обслуживали партийную прессу.

Средние слои, ставшие в 1980-е годы объектом пристального изучения тамбовских историков, составляли большинство обывателей городов губернии. Их социальное положение было промежуточным и двойственным, что определяло и их общую политическую позицию как колеблющуюся, адаптивную. Они были заинтересованы в стабильности, в сохранении своего неустойчивого положения и потому они поддерживали ту власть и те партии, которые гарантировали им это. При этом они олицетворяли собой обывательскую среду, которую постоянно обличали за ее аполитизм и в 1917 г. местные публицисты, пользуясь известными щедринскими образами. Определяющей в их политическом поведении была психология выжидания и выживания. Подчинившись внешне новой, большевистской власти, они затем активно использовали ее бюрократический аппарат в своих интересах.

⁶² Тамбовский земский вестник. 1917. 14 ноября; *Крошицкий П., Соколов С.* Указ. соч. С. 40.

Революция создала условия для приобщения к политической жизни женщин. О том, какова была в этом общественная потребность, свидетельствует стремительность, с которой создавались в губернии женские общественные союзы. Уже 8 марта в Тамбове состоялся первый губернский съезд крестьянок-общественниц⁶³. 15 марта в Тамбове состоялось первое собрание солдаток в присутствии 400 человек. 18 марта Елатомский женский союз ходатайствовал перед губернским комиссаром о допущении женщин к участию в выборах в городские комитеты наравне с мужчинами, а 26 марта на втором собрании Тамбовского союза женщин присутствовало до 1 тыс. делегатов⁶⁴.

Отсутствие документальных свидетельств о деятельности женских общественных организаций на протяжении всего революционного 1917 г. может быть частично компенсировано сведениями об участии женщин в главном политическом событии года – выборах во Всероссийское Учредительное собрание. Женщины заметно преобладали среди избирателей, что легко объяснимо военными мобилизациями: 918 тыс. женщин, 762 тыс. мужчин. При этом и явка на избирательные участки в целом по губернии у женщин составляла 75%, среди мужчин – только 68%. Наблюдатели отмечали заметную разницу между городскими и сельскими женщинами: в городах голосовали 47% женщин, в сельской местности – 77%⁶⁵. Несомненно, своим политическим выбором губерния обязана в значительной степени женщинам.

Революция не могла в одночасье побороть свойственное обществу, особенно менее образованной его части, давнее предубеждение о неспособности женщин к пониманию сложных общественных проблем. Конечно, развитие феминистского движения в России вкупе с мировой

⁶³ К сожалению, материалы съезда, опубликованные отдельной брошюрой, не сохранились (См.: Крошницкий П., Соколов С. Указ. соч. С. 7).

⁶⁴ Тамбовский земский вестник. 1917. 25 марта.

⁶⁵ ГАТО. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 85. Л. 48.

войной сделали женщину самостоятельнее, заставляли проявлять бóльшую активность, особенно на сельских общинных сходах. Тем не менее, как свидетельствовал репортер «Усманской газеты», крестьяне были недовольны тем, что женщины будут иметь теперь такие же права, как и мужчины, будут принимать участие в выборах в Учредительное собрание и т. п.⁶⁶ А мужики Кобяковской волости Кирсановского уезда на вопрос уездного исполкома комитета «Как относятся крестьяне к участию женщин в общественных делах?» (июнь 1917 г.) отвечали: «Неохотно»⁶⁷.

Обращает на себя внимание следующий факт: хотя женщины стали обладать всей широтой политических прав наравне с мужчинами, нет ни одного документального свидетельства женского представительства в советах губернии, ни в губернском, ни ниже⁶⁸.

Важнейшим компонентом, ядром политической культуры, несомненно, является массовое политическое сознание. В целом, революция 1917 г. резко активизировала общественное сознание населения Тамбовской губернии, втянула широкие его слои в текущую политику, но она не смогла отменить лежавшие глубоко в его основе архетипы, связанные с условиями сложившегося столетиями раздельного общественного и социального бытия городских и сельских жителей. Несомненно, общее его состояние определялось крестьянской средой, вписанной в природу и существовавшей по законам замкнутого хозяйственного цикла. Патернализм, основанный на природно-климатическом хозяйствовании, закрепился и в крестьянской культуре. С другой стороны, очевидно, что основы гражданского общества культивировались урбанизированным обществом, городом. Горожане

⁶⁶ Усманская газета. 1917. 28 июня.

⁶⁷ ГАТО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 10. Л. 11

⁶⁸ По воспоминаниям А. П. Иванова, на состоявшемся в Борисоглебске 4 июня собрании женщин после его речи был организован Совет женских депутатов с представительством от домохозяек, прислуги, портних и пр. Своей целью совет провозглашал «разбор всяких недоразумений», связанных с притеснениями женских профессий. (Голос труда. Шацк. 1917. 10 июня). Но архивными источниками этот факт не подтвержден.

тамбовских городов, при всей своей относительной малочисленности, были кадровой базой партийных комитетов. Еще более в этом отношении показательно, что политическая реальность в губернии определялась главным образом внешними факторами – присутствием, исторически вполне случайным, огромной деклассированной массы военнослужащих («человека с ружьем» с общинной крестьянской психологией) и прямым административным диктатом столичных властей. В результате в губернии сложился симбиоз солдатско-крестьянско-городской политической культуры революционирующегося провинциального социума.

С ослаблением или исчезновением этих факторов оживали подавленные архетипические черты общественного сознания, давая такие мощные политические «выбросы» как июньское восстание 1918 г. в Тамбове, массовое антибольшевистское повстанчество («Антоновщина») – событие общероссийского значения и резонанса.

2.2. Общественное восприятие власти

В последнее время вопросу репрезентации власти в России в научной литературе уделяется пристальное внимание. Особенно плодотворно проблему обыденного восприятия власти на общероссийском уровне изучает Б. И. Колоницкий⁶⁹.

⁶⁹ См.: Колоницкий Б. И. «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции // Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997; *Он же*. «Политическая порнография» и десакрализация власти в годы Первой мировой войны (слухи и массовая культура) // Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998; *Он же*. К изучению механизмов десакрализации монархии. Слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны // Историк и революция. СПб., 1999; *Он же*. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001.

Изучение вопроса на региональном уровне вызывает у исследователя общественных настроений в революционном 1917 г. дополнительный интерес. При сравнительной отдаленности Тамбовской губернии от столиц и преобладании сельского населения, доверительное отношение к новостям, порой не подтвержденным, создавало благоприятную почву для особого восприятия власти населением.

Уже к 1917 году в условиях затяжных и казавшихся бесперспективными военных действий, тяжелой экономической ситуации, кризиса поземельных отношений в обществе сложился негативный образ власти, олицетворением которой выступал Николай II, члены императорской семьи и приближенные к венценосной фамилии.

Недовольны были, в первую очередь, императрицей Александрой Федоровной, немкой по происхождению, злые языки называли ее «гессенской мухой», считалось, что она не говорит по-русски. Ходили слухи об ее германофильстве. С неудачами на фронтах усиливается недовольства верховным главнокомандующим императором Николаем II. Его нерешительность, мягкий характер вызывали раздражение и гнев сельских жителей. Тамбовский уездный исправник в июне 1916 г. сообщал, что крестьянин села Абакумовки Петр Тимофеев в разговоре с раненым солдатом Федором Нечаевым ругал его, говоря: «...служил ты дураку Царю Николашке [брань], он [брань] почти уже продал всю Россию, продал Варшаву и весь Польский край; за это было бы нужно вначале повесить [брань] Царя Николашку. а потом, заследом, повесить и другого командующего Николашку [брань], а уж потом повесить и всех Вас волков [брань], чтобы вы не продавали Россию»⁷⁰.

По авторитетному мнению психоаналитика Э. Фромма, «недостаток силы служит... безошибочным признаком вины и неполноценности»⁷¹.

⁷⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9494. Л.1.

⁷¹ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1995. С. 148.

Проявляющая признаки слабости власть вызывает у авторитарных масс презрение и ненависть. Эта черта массовой психологии взаимодействовала с архетипом сознания народа, в соответствии с которым серьезные бедствия и неудачи страны рассматривались как следствие и подтверждение греховности высшей власти. Крупные неудачи на фронте и неурядица в тылу наносили удар по монархическим чувствам народа, подрывая, в совокупности с другими факторами, веру в святость власти.

К концу 1916 г. на императора население уже не смотрело как на «Божественного спасителя». По мнению В. П. Булдакова, он мог бы избежать общественного недовольства, если бы доказал жизнеспособность власти с помощью двух древнейших способов – мудрым правлением, ощутимым через рост всеобщего достатка; умением победить врага в войне. Первый способ был практически невыполним в связи с социальным напряжением в крестьянстве. Второй мог бы оказаться спасительным, но в свете поражения в русско-японской войне требовалась быстрая, молниеносная победа, что было практически невозможно осуществить. Все это понимали, однако, император «взвалил на свои слабые плечи весь груз провалов власти, вместо того, чтобы поддерживать иллюзию самодержавного правления»⁷².

У Николая II был шанс опереться на образованные слои общества, буржуазию и дворянство, поддержки он предложенную Московской городской думой 18 августа 1915 г. идею создания «министерства общественного доверия» для сплочения всех сил народа. Верховная власть, по мнению Б. Н. Миронова, сравнительно редко отклонялась от того, чего желало большинство из числа дворянства, верхов буржуазии и образованных слоев, которые в ее глазах олицетворяли общество и общественное мнение⁷³. Однако требования оппозиции были неприемлемы для коронной администрации. Николай II меньше всего хотел и меньше всего был готов в

⁷² Булдаков В. П. Красная смута... С. 48.

⁷³ Миронов Б. Н. Социальная история России. В 2-х т. Спб., 2000. Т. 2. С. 227.

сложившихся условиях проводить политические реформы. Он был убежденным сторонником самодержавия, статус ограниченного в правах государя не соответствовал его характеру, воспитанию и мировоззрению.

Негативное отношение российского населения к царю подогревалось слухами о тайных связях императрицы и Григория Распутина и его возможном влиянии на Николая II. В городах и селах Тамбовской губернии со вниманием читались и обсуждались газетные статьи, в которых выражения «темная сила» и «неведомая рука» намекали на Распутина. «Везде открыто только и слышны... всеобщие возмущения и разговоры о Распутине со всевозможными и грустными прибавлениями»⁷⁴, - докладывал темниковский исправник губернатору 4 декабря 1916 г.

Убийство Распутина в том же декабре уже не могло изменить восприятие населением царствующего дома. В делах Тамбовского губернского жандармского управления и Канцелярии губернатора сохранились рапорты исправников и отчеты приставов Лебедянского уезда, указывающие на брань крестьян в адрес императора. Теперь с антихристом начинает ассоциироваться Николай II, а не Распутин: «а какой идол служит то, он и царь то антихрист, все воует, а дела хорошего нет, он всех сокрушил», - кричала крестьянка при задержании дезертира⁷⁵. В другой деревне в императора летели проклятия с пожеланиями насильственной смерти (расстрела), причем обвиняемый крестьянин Матвей Князев от слов не отказывался и «вину свою не отрицал»⁷⁶. «Я Бога и царя Вашего [брань]», - кричал тамбовский мещанин, когда его обвинили в краже церковной утвари в селе Лысые Горы.

Как видно, простолюдины в большинстве случаев осуждали не проводимую императором политику, а его моральные и профессиональные качества. Вера в богоизбранность императора пропадает, фигура самодержца

⁷⁴ ГАТО. Ф.4. Оп. 1. Д. 9498. Л. 4, 4 (об.).

⁷⁵ Там же. Д. 9679. Л. 51.

⁷⁶ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 2005. Л. 2.

перестает внушать трепет и смирение. При этом монархия как форма правления фактически не критиковалась. По замечанию Б. И. Колоницкого, с которым нельзя не согласиться, антимонархические настроения населения были обусловлены патриархальной (монархической) ментальностью. «Императору в вину вменялось то, что он не был настоящим Царем. В основе его “должностного преступления” лежит профессиональная непригодность»⁷⁷.

Население Тамбовской губернии восприняло весть об отречении императора с ликованием, но за всеобщей эйфорией иногда можно было услышать робкие крестьянские голоса: «а как мы теперь без царя-то!» И все же большинство проклинает его, - отмечал «Тамбовский земский вестник», - «несутся проклятия Сухомлиновым, Протопоповым, Воейковым, всем продажным душам старого режима»⁷⁸. «Народ рад, что свергнут внутренний его враг – деспотическая власть и внутренний немец с его покровителями»⁷⁹. Тамбовский губернский комиссар отмечал, что в некоторых местах «были случаи насильственного уничтожения портретов и бюстов лиц бывшей императорской фамилии», и велел их убрать в архивы, чтобы предупредить общественные волнения. Впрочем, в деревнях Усманского уезда портреты императоров видели и в июле 1917 г. Однако этот факт можно принять за простое снижение интереса крестьян к дореволюционной власти. Нами не выявлено ни одного документа, который бы содержал протест или недовольствие крестьян свержением царского строя, либо в нем выражалось сомнение в необходимости смещения прежней администрации.

К середине 1917 г. интерес к бывшему императору в тамбовском обществе падает. Участие в выборах революционной власти, повседневные заботы о «хлебе насущном» отдалили, а по прошествии времени полностью стерли его императора из сознания российского обывателя.

⁷⁷ Колоницкий Б. И. «Политическая порнография» и десакрализация власти... С. 72.

⁷⁸ Тамбовский земский вестник. 1917. 19 марта.

⁷⁹ Тамбовский земский вестник. 1917. 28 марта.

Новая, революционная центральная власть населением губернии в первые, мартовские дни одобрялась и воспринималась как желанная, народная, созданная для решения первоочередных и насущных проблем (крестьянству будет возвращена земля, окончится ненавистная всем «имперская» война). «Моршанский телеграф» передал картину происходящего на улицах города во время получения первых известий из столицы: «Выпускаемые бюллетени Петроградского агентства с напечатанными в них первыми действиями Временного исполнительного комитета Государственной Думы вызывает у населения города нескрываемое ликование. Чувствуется картина народного праздника. ...У всех повышенное настроение и жажда работать на благо дорогой родине».⁸⁰

Крестьяне благожелательно относились к Временному правительству и его органам на местах, что зафиксировано в приговорах сельских и волостных сходов, выражали готовность поддержать новую власть, лишь бы она была крепкой. «Выражаем настоятельное желание, чтобы вся полнота власти была в руках Правительства и чтобы признаки двоевластия и могущей от того последовать внутренней разрухи и анархии не омрачали светлого горизонта великого будущего России», - обращался Спасский исполнительный комитет в телеграмме на имя председателя Временного правительства князя Г. Е. Львова⁸¹.

Высокую активность проявляли солдаты местных крупных и мелких гарнизонов, явно вдохновленные примером Петроградского гарнизона, чей переход на сторону восставшего народа определил победу революции.

3 марта Тамбовский городской комитет, под угрозой проводимой солдатами перед зданием городской думы, где заседал комитет, манифестации, заменил (по требованию солдат – Д.К.) лицом, «более соответствующим» начальника гарнизона генерала Г. Л. Рындина, у которого

⁸⁰ Моршанский телеграф. 1917. 4 марта.

⁸¹ ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 26. Л. 398 об.

сложились напряженные служебные отношения не только с солдатами, но и с офицерским составом. 5 марта Рындин вместе с командиром дислоцированного в Тамбове 60-го запасного пехотного полка Г. М. Старчинским были отстранены от должностей⁸².

Революции не обходятся без крови – она сплачивает ее участников общей ответственностью, отрезает пути назад. По законам революционного жанра с падением ненавидимого режима гнев толпы обрушивается на тех, кто рядом олицетворял его и уже не защищен им. Это классически проявилось в событиях в Кирсанове.

К 3 марта до командования 3-го кавалерийского запасного полка в Кирсанове дошли слухи о перевороте в столицах. На следующий день все офицеры «единогласно изъявили желание встать на сторону народа и отдать себя в распоряжение Временного правительства»⁸³. Такое единодушие и коллективный отказ от воинской присяги были, конечно, вынужденными в обстановке политического хаоса и добровольного отречения императора. Полученную во время офицерского собрания телеграмму с подтверждением новости об этом было решено огласить перед строем на плацу на следующий день, 5 марта в 11 часов утра.

Это был просчет. Кавалеристы полка были расквартированы не в казармах, а по окрестным деревням и пригородам Кирсанова и о революции узнали не от своего начальства, сразу заподозрив его в монархизме и контрреволюционности.

Утром 5 марта, когда должно было состояться оглашение телеграммы, солдаты нестроевой команды пытались расправиться с корнетом Нуманом, который спасся от самосуда в помещении арестантской. Другим офицерам повезло меньше. Подполковника Корвин-Беньковского солдаты сбили с ног и избивали кулаками, сапогами и поленьями. Командир полка подполковник

⁸² Крошицкий П., Соколов С. Указ. соч. С. 4–5.

⁸³ ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 21. Л. 8.

Зеленко был убит толпой солдат, одетых в штатское, около своей квартиры в Кирсанове. Усилия новосозданного Комитета общественной безопасности по умиротворению обстановки в полку не помогли. Только после того как обезумевшая солдатская толпа буквально растерзала еще двух офицеров, коллективный психоз стал спадать⁸⁴.

Волнения в полку перебросились на город. Солдаты врывались в булочные, требуя снизить цены на продукты, смещали должностных лиц. 5 марта были арестованы полицмейстер со штатом, полицейский участок был разгромлен, бумаги и документы уничтожены. К вечеру часть солдат разбрелась по уезду, грабя имения, наводя панику на население⁸⁵. Ощущение вседозволенности и безнаказанности и даже праведности совершаемых действий давало выход низменным страстям и инстинктам, жертвами которых чаще оказывались просто случайные люди, попавшие «под горячую руку», например, жесткие и требовательные офицеры, столь же далекие от политики, как и сами солдаты. Обследовавший события офицер для поручений штаба МВО Орешкин писал в своем рапорте: «Этому послужило очень плохое отношение офицеров к ним, а кроме того запоздалое и нерешительное осведомление солдат о случившемся перевороте»⁸⁶.

Насилия солдат над офицерами, их обезоруживание, срывание погон были зафиксированы в Моршанске⁸⁷ и других местах. Далее события приняли более спокойный и мирный характер, реализуясь в требованиях солдат убрать тех или иных командирах, попытках ввести выборное начало в своих воинских частях.

Насильственное свержение монархии, имевшей ореол сакральности, не могло не дать многочисленные метастазы в виде попыток сделать то же самое на местном уровне, не осложняя дела судебными процедурами. Так,

⁸⁴ Там же. Л. 8об.

⁸⁵ Крошницкий П., Соколов С. Указ. соч. С. 5-6.

⁸⁶ РГВИА. Ф. 1606. Оп.1. Д. 439. Л.8.

⁸⁷ Крошницкий П., Соколов С. Указ. соч. С. 7.

уже в начале апреля по требованию граждан был арестован и заключен в тюрьму городской голова Шацка. В том же апреле Усманский крестьянский съезд потребовал смещения уездного комиссара Охотникова и добился этого. Порой это происходило в трагикомических формах, намекающих на обострение коллективного или индивидуального психоза. Так, в марте–апреле в с. Верхнее-Спасском (Тамбовский уезд) дьякон Меркулов, в прошлом черносотенец, объявил себя «главным комиссаром» волости, не признавая губернскую и уездную власть. В мае посудный торговец Трунин (кстати, товарищ председателя Исполнительного комитета) объявил себя генерал-прокурором Кирсанова. У него нашлись сторонники, которые отбили его после ареста, произведенного по распоряжению Тамбовского совета. Арестовать его вторично удалось отряду солдат после перестрелки, в которой было 8 убитых и много раненых⁸⁸. Власть стала доступной и уязвимой.

Еще более показательны то, что происходило с властью на низовом уровне – в сельской местности, подчиненной органам крестьянского самоуправления. В первые же дни в селах по инициативе жителей упразднялись старые органы власти, организовывалась народная милиция. Так, разоружение полиции с одновременным созданием милиции произошло 6 и 9 марта в больших селах Мучкап и Уварово (Борисоглебский уезд), Инжавино (Кирсановский уезд), Рассказово⁸⁹ и других населенных пунктах.

20 марта усманский уездный комиссар Охотников телеграфно известил губернского комиссара Ю. В. Давыдова о «повальной смене волостных и сельских властей и писарей»⁹⁰.

Причина ненависти крестьян к писарям крылась в особенностях их взаимоотношений. Сельские и волостные писари сосредоточивали в своих руках довольно обширные административно-управленческие функции, становились, по сути, собирателями государственной «дани» с крестьянского

⁸⁸ Там же. С. 12.

⁸⁹ Тамбовский земский вестник. 1917. 9, 12, 18, 21 марта.

⁹⁰ ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 24. Л. 13.

населения. При частой смене сельских старост писарь, как документовед, был на их фоне наиболее дееспособным. Со временем к нему переходила фактическая власть в селе, он «обрастал связями», общаясь с представителями уездной и губернской администрации, становился недосягаемым для односельчан. Узнав о переходе в «новый строй», о свободе, крестьяне стали изгонять сельскую администрацию, где наивно, где лукаво связывая ее со старым режимом.

Подобное происходило во всех уездах губернии. «Тамбовский земский вестник» писал 22 марта, что «всюду крестьяне сменяют волостных старшин, писарей, сельских старост. – “При новом правительстве пусть будут новые начальники”, - простодушно говорят они».

26 апреля сход 398 крестьян-домохозяев села Братки Борисоглебского уезда вынес приговор о выселении волостного писаря И. М. Качалина с семейством «как вредного человека». «Вредность» Качалина выражалась в неуважительном отношении к односельчанам – он «...постоянно каждому члену общества наносил личное и дерзкое оскорбление»⁹¹. Копия приговора была отправлена губернскому комиссару, который вернул решение схода уездному комиссару с требованием разобраться в конфликтной ситуации и объявить гражданам села, что «при Новом строе личность каждого неприкосновенна и потому выселять кого-либо без суда по приговору обществ никакая власть, в том числе и губернский комиссар, не имеет права»⁹².

Разогнав писарей, крестьяне со временем понимали, что вести делопроизводственную переписку в волостных правлениях надо, но некому, и пытались «на миру» разрешить эту проблему. Так, в августе 1917 г. в селе 1-е Малые Алабухи того же уезда крестьяне собрались на сход, чтобы решить, где взять писаря, потому что, как заявил сельский комиссар

⁹¹ ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 35. Л. 159–159 об.

⁹² Там же. Л. 160.

Пересыпкин, «волостное правление на 1500 домохозяев страдает письмоводством, дела застаивают, писарей нет». Приговорили пригласить на эту должность прибывшего в отпуск односельчанина Чернышева с освобождением его от военной службы. Губернским комиссаром просьба крестьян была отклонена. «В подобных случаях военнослужащие не подлежат освобождению», - гласила его резолюция. Видимо, «подобные случаи» были часты, так как, по замечанию губернатора, военный министр уже не раз отказывал в удовлетворении аналогичных прошений⁹³.

Логично было бы предположить, что вслед за писарями крестьяне начнут изгонять и сельских старост. Но этого практически не происходило. По мнению В. П. Булдакова, крестьяне избавлялись лишь от отдельных «плохих» начальников волостного и сельского уровня, которые не уживались с сельским сходом или пытались встать над ним⁹⁴.

В этой связи следует обратить особое внимание на сохранившиеся в некотором количестве приговоры сельских и волостных сходов, цель которых совершенно очевидна – крестьяне, прежде всего, хотели обезопасить себя от «старых отживших элементов», под которыми они подразумевали представителей прежней администрации и полицейского надзора. В этом заметна потребность крестьян и их впечатляющая способность к самоорганизации, причиной которой, опять же по мнению В. П. Булдакова, стала готовность новой власти решить земельный вопрос в пользу крестьян, «руководствуясь... не только соображениями целесообразности, но и началами справедливости (в их народническом понимании)»⁹⁵. И, чтобы помочь властям осуществить заветный справедливый передел, крестьяне (может, сами того не подозревая), начинали «расчищать», освобождать путь к цели, пытаясь убрать людей, которые вызывали у них ненависть, людей,

⁹³ Там же. Л.395–396 об.

⁹⁴ См.: Булдаков В. П. Красная смута... С. 103.

⁹⁵ Там же. С. 104.

ассоциировавшихся в крестьянском подсознании с несправедливостью, угнетением и унижением.

К неугодным крестьяне порой относили и представителей религиозного культа, местный церковный причт, который был органично «встроен» в старый государственный порядок. В селе Красная Дубрава Спасского уезда сход 25 марта ходатайствовал перед уездным комиссаром о замене церковного причта новым в связи с его отказом явиться на сход и признавать новое правительство⁹⁶.

Если причт не удавалось заменить на более сговорчивый или вовсе сместить, лишив его доходов и возможности пользоваться церковной землей, сельчане могли запахать землю причта. «Прихожане отбирают причтовую землю. Помогите», – взывал священник Скворцов села Кочетовки того же уезда в июле 1917 г. архиепископу Тамбовскому и Шацкому Кириллу⁹⁷. Подобные жалобы поступали из разных уездов губернии.

Нельзя утверждать, что такого отношения к себе удостоивались только представители религиозного культа. Крестьяне делили также землю крупных земельных собственников, отрубников и, естественно, помещиков. «Убедительно прошу... распорядиться местным властям разъяснить обществу возможность сдачи части пара лишь при условии согласия владельца по добровольной сделке без вмешательства волостного комитета, так как и без аренды всю землю могу обработать сам, - обращался землевладелец Е. Бутлер (с. Никольское Спасского уезда) к губернскому комиссару, - общество принуждает меня сдать паровую землю под угрозой самовольного раздела, устанавливая через волостной комитет разорительную низкую цену»⁹⁸.

Решения по земельным вопросам в большинстве случаев принимались на собраниях волостных комитетов, учрежденных Временным

⁹⁶ ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 26. Л. 96.

⁹⁷ Там же. Л. 165.

⁹⁸ Там же. Л. 115.

правительством 19 марта 1917 г. По замыслу, функции волостных правлений переходили к волостным комитетам, избранным волостными сходами. Предполагалось, что в них будут участвовать местные землевладельцы и сельская интеллигенция, но на самом деле они стали выразителями воли крестьянства, как и стихийно возникшие сельские комитеты⁹⁹. Причинами их создания были нерегулярность волостных сходов, трудность их созыва, особенно весной, когда половодьем оказывались отрезанными от мира целые селения. К тому же волостные сходы были более громоздки. Сказывалась и традиция, требовавшая решать на местном, сельском «миру» общинные проблемы, в том числе по вопросам, возникающим во взаимодействии с государственной машиной. К тому же сельский сход позволял крестьянам отстаивать свою независимость в решении местных проблем.

«Сельские комитеты образовались сами по себе для охраны порядка с первых дней революции, компетенция их ничем не определена. Часто допускаются самоуправные действия...», - отвечал губернский комиссар на запрос губернского земского отдела «На каких основаниях организованы сельские комитеты»¹⁰⁰. Эта переписка губернских властей в июле (!) ясно показывает, что глубинка управлялась фактически местными властями. Причиной расцвета самоуправлений при почти полном отсутствии авторитета власти губернской, как считает Д. И. Люкшин, стало уничтожение новым правительством корпуса жандармов и департамента полиции: «Утратив это “государево око”, правительство как бы враз ослепло, лишившись не только контроля над деревней, но и просто возможности получать и анализировать информацию о жизни большинства населения страны»¹⁰¹.

Деревня откликнулась на ослабление власти массовым движением за ликвидацию царской полиции, заменяя ее народной милицией. Тем не менее,

⁹⁹ Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания... С. 446.

¹⁰⁰ ГАТО. Ф. 1058. Д. 40. Л. 306 – 308.

¹⁰¹ Люкшин Д. И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006. С. 99-100.

стоит заметить, что крестьянство при этом не боролось с административной политикой Временного правительства, которое, как в свое время отмечал исследователь А.В. Седов, стремилось подчинить себе сельскую милицию «путем внедрения в нее бывших полицейских»¹⁰². Однако нами не выявлено ни одного случая такого «внедрения», что было заранее обречено на провал. Тамбовский губернский комиссар 6 марта приказал уездным комиссарам переформировать полицию, создать милицию, которую «учредить должны местные самоуправления». В тот же день в ряде уездов приказ был исполнен. Правительственные органы инициировали, а народ поддержал замену старых силовых структур путем демократизации. В итоге, созданная милиция, скудно оплачиваемая, недисциплинированная, не могла справиться со своими задачами, а иногда и поддерживала решения сельских сходов, что было одним из факторов общинного правотворчества.

Постепенно привыкая к новой власти, тамбовский обыватель, сельский и городской, начинал сравнивать ее со старой, и часто такие сравнения были не в пользу новой власти. «Поверьте, что крестьяне до сих пор в деревне не знают: есть ли теперь какие законы у нас на Руси или нет; у кого искать защиты, управы на обидчиков... “при царе-то, все-таки, какие-никакие порядки, а были, а теперь и куда оборотиться – неизвестно!”»¹⁰³

В этой обстановке деревенского «информационного голода» крестьяне начинают фантазировать по поводу возможного переустройства не только местной власти, но и власти центральной на деревенских сходах, и пишут о своих решениях в губернские газеты. В мартовском номере «Тамбовского земского вестника» было опубликовано письмо читателя под псевдонимом «Деревенский старик», в котором сжато и эмоционально описывались деревенские пасхальные празднества, трансформировавшиеся с приходом

¹⁰² Седов А. В. Социально-политический аспект крестьянского движения 1917 года // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С. 262.

¹⁰³ Там же.

сенсационных известий из Тамбова в революционный митинг: «Собралось нас много: тысяч пять... Мы пели – Христос воскрес. Как мы все были рады. А когда нам сказали, что царь арестован, мы еще пуще обрадовались.

Какой позор! Ведь это самое скверное слово: арестовали! Ах!».

В этих нескольких строках переданы все чувства, которые испытали крестьяне, узнав о свержении монархии. Радость освобождения от царской опеки сменяется коллективным чувством стыда за происходящее в России. Сам факт применения ареста по отношению к *царю*, вызывал недоумение у крестьян. Ведь, раньше полиция арестовывала государственных преступников, настроенных против государя. В селе Талицкий Чемлык Усманского уезда, узнав об этом, крестьяне «никак не могли примириться с мыслью, что теперь у них нет “Царя-батюшки”... Никто из них никогда не верил, что он мог делать что-либо нехорошее». Получалось, что, арестовав монарха, революционная власть покусилась на святое, на заместника Бога, совершив святотатство во время светлого праздника Пасхи.

Тем не менее, поняв, что нужно жить дальше, крестьяне задумываются о дальнейшем пути движения России и, желая принять активное участие в обсуждении этого вопроса, выносят постановления, в которых излагают свое видение будущего государственного устройства. Учитывая, что крестьяне только около полувека назад получили право участвовать в жизни государства путем выборов в волостные и уездные земства, они в силу ограниченных знаний, не могли в своем сознании в 1917 г. подняться выше известных им правовых понятий. Поэтому известная крестьянам выборная должность сельского старосты соединилась в их сознании с фигурой монарха, как олицетворение власти верховной, породив причудливый политико-управленческий сплав – символ нового претендента на пост главы государства: «Мы теперь хотим, – продолжал крестьянин излагать коллективное мнение деревни, – чтобы царя избрали как старосту на три

года. Так и постановили на сходе. Будет хорош, избрать опять на три года, а не хорош – долой».¹⁰⁴

Требование деревенскими мужиками выборности нового «царя» показывает их желание политических перемен, которые должны проходить при их главном и первоочередном участии. Патриархальное крестьянское сознание уже в марте 1917 г. выдвинуло подлинно народную демократическую идею построения Новой России.

С другой стороны, государственный переворот, не вызвав никакого массового протеста, не отменил монархической традиции. Приведенные нами выше выдержки из крестьянских писем и разговоров свидетельствуют, что традиция сохранилась, но в иных формах. Так, исследуя народное восприятие политических лидеров, О. Файджес и Б. И. Колоницкий делают вывод, что «многие крестьяне, согласно наблюдениям, верили, что Керенский был “новым царем”»¹⁰⁵. В городах во время манифестаций его портреты выставлялись в витринах магазинов, были распространены и пользовались спросом открытки с его изображением, а также значки в форме медалей, копировавших медали и жетоны с портретами царской семьи¹⁰⁶.

Отношение к власти у рабочих выражалось, прежде всего, в резолюциях и постановлениях общих собраний. Как нами отмечалось выше, смена власти рабочими Тамбовщины была воспринята положительно. Так, 4 марта на Тамбовском пороховом заводе организовался Комитет рабочих и служащих и совет рабочих, которые в телеграмме на имя председателя Временного комитета Государственной думы М. В. Родзянко заверяли, что будут работать до окончания победы над врагом. Но экономические права волновали рабочих куда больше политических. Так случилось и на этот раз: рабочие, не захотев мириться со сложившейся в стране непонятной

¹⁰⁴ Тамбовский земский вестник. 1917. 23 марта.

¹⁰⁵ *Figes O., Kolonitskii B.* Interpreting the Russian Revolution. P. 74-96.

¹⁰⁶ *Колоницкий Б. И.* Культ А.Ф. Керенского: образы революционной власти // Отечественная история. 1999. № 4. С. 107.

политической ситуацией, не стали пассивно ожидать её разрешения, а сразу приступили к созданию своих властных органов, нацеленных на «охрану и поддержание порядка..., разрешение продовольственного вопроса и пр.»¹⁰⁷.

Главным раздражающим фактором была продолжавшаяся война. Все первые резолюции рабочих в адрес Временного правительства касались военного вопроса. На митинге в Моршанске один из рабочих призывал свергнуть милитаризм, олицетворял который Вильгельм, ради борьбы за свои экономические права и «доверять правительству до тех пор, пока оно верно своим обещаниям»¹⁰⁸. Однако в мае обращения рабочих к правительству сменились требованием его отставки. А к июню появились первые резолюции в поддержку Петроградского совета. К сентябрю все так же в резолюциях рабочих митингов звучат требования окончить «человеческую бойню»¹⁰⁹. Причем, в этих резолюциях нет обращений ни к каким известным российским политическим деятелям. Некоторые решения рабочими отправлялись как в адрес Временного правительства, так и в адрес Петроградского совета. Видимо, столичная власть воспринималась ими как единое целое.

Осенняя избирательная кампания в Учредительное собрание и склонение выбора населения (в большей степени, крестьян) в сторону большевиков, могло быть, по замечанию Л. Г. Протасова, «одновременно выражением симпатии к монархии... Голосуя за большевиков, некоторые считали, что голосуют за монархию, поскольку их политический опыт знал лишь две формы власти: монархия и Временное правительство»¹¹⁰. Приняв новую форму власти, население не видело во главе государства никого, кроме монарха.

¹⁰⁷ Тамбовский земский вестник. 1917. 9 марта.

¹⁰⁸ Моршанский телеграф. 1917. 14 апреля.

¹⁰⁹ См. напр.: Солдат и рабочий. 1917. 29 сентября.

¹¹⁰ Анатомия революции. 1917 г. в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 173.

Учитывая патерналистский тип массового сознания населения, особенно в сельской местности, можно согласиться с суждением, что насильственное свержение сакральной монархической власти было одновременно и мощным ударом по авторитету верховной власти вообще, как таковой. Как отмечал философ А. С. Ахиезер, «крах царской власти в 1917 году был в глазах народа не гибелью особой формы государственности, которую народ хотел заменить другой, например, монархию республикой, а крахом государственности вообще, результатом стремления... разметать всякое начальство и всякую власть»¹¹¹.

В этом также, а не только в «антинародной» политике Временного правительства состоит одно из объяснений стремительного падения его авторитета уже к осени и безразличия общества к его судьбе. Свое отношение к «рабоче-крестьянской власти» тамбовские «революционные массы» довольно скоро и вполне очевидно продемонстрировали в 1918 году всеми формами – от саботажа служащих до вооруженного сопротивления продотрядам и мобилизациям в Красную армию. Но большевики, к их несчастью, не страдали интеллигентской раздвоенностью, душевной слабостью, интеллектуальной рефлексией в достижении тех целей, которые наметили перед собой.

2.3. Электоральное поведение тамбовского избирателя (лето–осень 1917 г.)

Одним из главных индикаторов политической культуры общества признана система демократических выборов. Общеизвестно, что в условиях резких социальных перемен наблюдается заметный рост политической и

¹¹¹ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т.1. 1997. С. 559.

гражданской активности населения. Революционный 1917 г., открыв перед российским обществом альтернативный авторитарному демократический путь развития, способствовал работе гражданских институтов. В то же время, смена общественно-политического строя и взятый Временным правительством курс на демократизацию страны выявили проблемы во всей системе органов государственного и местного самоуправления. Стало очевидно, что прежние городские думы, губернские и уездные земства, хотя и всесловные, но подконтрольные царской администрации, в значительной степени потеряли общественный авторитет. Демократизации государственного аппарата и местного самоуправления требовали все задействованные в революции политические партии, либеральные и социалистические, хотя для первых это был окончательный переход к правовому государству, для вторых – всего лишь промежуточный этап на пути к грядущему социализму.

Готовность к сотрудничеству с Временным правительством выражала и земская интеллигенция. Известный историк земства Б. Б. Веселовский, комментируя происходящее, отмечал летом 1917 г., что благодаря Февральской революции органы самоуправления «превращаются отныне в правомерные органы государственного управления на местах; им должна принадлежать вся полнота власти на местах, через них государство должно осуществлять свою волю на перифериях»¹¹².

Временное правительство подготовило реформу местного самоуправления. Согласно новому избирательному закону, избирательными правами наделялись все слои городского населения, в том числе солдаты гарнизонов. Подготовка выборов возлагалась на городские управы: им вменялось в обязанность составление списков избирателей, регистрация кандидатов, финансовое обеспечение и контроль над проведением

¹¹² *Веселовский Б. Б.* Самоуправление на рубеже новой жизни // *Земское дело.* 1917. № 5-6. С. 203.

голосования. Избирательные комиссии формировались на коалиционной основе, включая представителей политических партий, выдвинувших своих кандидатов.

Несмотря на намерение правительства провести городские муниципальные выборы в конце мая – начале июня¹¹³, этот процесс затянулся. Проблема заключалась в слишком сжатых сроках, выделенных городским управам на подготовку выборов. Финансирование, основывавшееся на местном налогообложении, которое в условиях экономического кризиса не покрывало потребности, было скудным, а объем работ – завышенным. Все эти трудности раздражали служащих управ, которые по нерасторопности, а иногда намеренно, препятствовали осуществлению политического волеизъявления некоторых слоев горожан, не внося их в списки. Так, при составлении избирательными комиссиями поквартирных списков в Тамбове в них не были первоначально включены неграмотные (домашние хозяйки, прислуга, служащие низших категорий) и часть рабочих-железнодорожников¹¹⁴. В городской думе возникли разногласия и по поводу возможности участия в выборах солдат, чье пребывание в городе было лишь временным.

На фоне весенней митинговой активности горожан летом их интерес к политике угас. Организаторы выборов столкнулись с проблемой политической апатии и правовой безграмотности горожан уже на этапе работы с избирательными списками. В Тамбове они были вывешены в думском зале Городской управы в означенный Временным правительством

¹¹³ Тропов И. А. Революция и провинция: местная власть в России (февраль – октябрь 1917 г.). СПб., 2011. С. 202.

¹¹⁴ Каверина Г. Н. Средние слои на выборах в городские думы летом-осенью 1917 г. (по материалам Тамбовской губернии) // Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. С. 107–108.

срок – не позднее чем за две недели до дня наступления выборов.¹¹⁵ Но большинство горожан не пришли для их сверки, и пришлось продлевать эти сроки¹¹⁶. В Козлове на 20 июня, за 5 дней до голосования, избирательная комиссия констатировала низкую выборку избирательных карточек. Из 24 тысяч внесенных в списки избирателей воспользоваться правом голоса решили только 6 тысяч. «Спрос на бюллетени, вероятно, усилится с приближением дня выборов», - с надеждой писала губернская газета¹¹⁷.

На прошедших летом–осенью выборах в городские думы отмечалась низкая явка избирателей: в Тамбове – 34%, в Моршанске – 37,9%, Шацке – 38%, Кадоме – 39%, Темникове – 45,1%, Кирсанове – 55%¹¹⁸. Абсентеизм избирателей можно объяснить отсутствием политического опыта у основной массы населения. К тому же среди избирателей значительную часть составляли неграмотные (к примеру, в Тамбове таких было 45%¹¹⁹). Кроме того, новый избирательный закон, отменив имущественные и сословные цензы, предоставил право голоса всем гражданам с 20 лет. Россия, тем самым, имела самый низкий возрастной избирательный ценз, что для населения было непривычно. Находились и недовольные новым законом, в основном, солдаты. Так, 5-я рота расположенного в Моршанске 207-го запасного пехотного полка запротестовала и ушла в казармы, так как оказалось, что в роте служили, в основном, 18-19-летние, которые желали участвовать в выборах наравне со своими старшими товарищами¹²⁰.

Изначально выборы в городское самоуправление управами были назначены на лето 1917 г. 18 и 25 июня планировалось провести выборы в

¹¹⁵ Постановление Временного правительства от 15 апреля 1917 г. «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях» // <http://emsu.ru/lm/monf/library/MUN4/7.htm>

¹¹⁶ Тамбовский земский вестник. 1917. 27 июня.

¹¹⁷ Там же. 21 июня.

¹¹⁸ Тамбовский земский вестник. 1917. 26 июля, 8, 5, 13 августа; Моршанский телеграф. 1917, 7 июня; Земля и воля. Известия Шацкого уездного Совета крестьянских депутатов, г. Шацк Тамбовской губернии. 1917. 17 июня.

¹¹⁹ ГАТО. Ф. 17. Оп. 45. Д. 561. Л. 11–12.

¹²⁰ Моршанский телеграф. 1917. 4 июля.

Елатье, Лебедяни и Козлове, 2 июля – в Моршанске, 9 июля – Борисоглебске, 16 июля – Темникове, 23 июля – Усмани, 30 июля – Кирсанове. Сроки были соблюдены во всех городах, кроме Усмани и Лебедяни. Причиной переноса выборов в Усмани стало несоблюдение гарнизоном сроков подачи списков выборщиков. Опасаясь, что отказ в принятии списков может привести к возмущению и волнениям солдат, городская управа, с одобрения министра внутренних дел, перенесла день выборов на 6 августа. Подобное происходило и в Тамбове, где городская избирательная комиссия под председательством городского головы В. П. кадета Ишеева 13 июля приняла списки 7-го запасного кавалерийского полка с запозданием на 5 дней, но во избежание эксцессов решила солдат к выборам допустить и выборы не откладывать¹²¹. В Елатье, впрочем, сами солдаты небольшого гарнизона отказались участвовать в выборах, мотивируя это тем, «что они, как люди для города посторонние, считают неудобным вмешиваться в дела городского хозяйства»¹²².

Солдаты местных гарнизонов сильно осложняли ситуацию с муниципальными выборами и своей численностью и своим поведением. В Борисоглебске, например, из зарегистрированных 22 тысяч избирателей, 5,5 тысяч были военнослужащими расквартированных в городе запасных полков, которых мало волновала жизнь города как временного местопребывания между лазаретом и фронтом. В Моршанске городская управа установила, что на 6,5 тысяч жителей, имеющих право голоса, приходилось до 17 тыс. потенциальных избирателей из состава 65-го и 207-го пехотных запасных полков. Это было чревато тем, что голоса коренных моршанцев растворятся в солдатском потоке, и большая часть из 45 депутатских мест будет занята военнослужащими. Городская управа, ознакомившись с новым законом о городских выборах, в котором

¹²¹ ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 5743. Л. 1–1об.

¹²² Там же. 28 июня.

указывалось, что в городские думы имеют право избирать все зарегистрированные жители, направила Ю. В. Давыдову просьбу сделать исключение для их города и не допускать солдат к выборам, так как они «связаны с Моршанском только службой, да и то не прочно»¹²³. Губернский комиссар в просьбе отказал. В итоге, комиссия решила некоторых солдат в списки не включать на законных основаниях (в частности, прибывшую за несколько дней до того маршевую роту из Бахмута)¹²⁴. Причиной отстранения послужило обнаружение у прибывших готовых запечатанных конвертов с вложенными листками, в которых были уже проставлены «нужные» номера партий. 2 июля на 3-м избирательном участке недовольство солдат их отстранением привело к срыву выборов: солдаты насильно прекратили прием записок.

Губернский комиссар в итоге объявил выборы в Моршанске недействительными¹²⁵.

Это был уже второй случай в губернии. Прецедент возник на выборах в Лебедяни 18 июня, когда солдаты уничтожили все поданные ранее избирателями записки. Выборы были аннулированы¹²⁶.

Тем не менее, газеты опубликовали общие результаты по трем остальным избирательным участкам Моршанска. В итоге, если бы выборы состоялись, в городской думе абсолютное большинство мест занял список № 1 объединенного блока РСДРП (практически состоявший из меньшевиков) – 24 депутата. Вторым шел разношерстный список № 4 из представителей гарнизона, ПСР, социал-демократической группы «Единство», ПНС, союза почтово-телеграфных служащих, учительского союза и еврейской группы – 10 мест. Деловой Прогрессивный беспартийный блок (под ним выступали

¹²³ Тамбовский земский вестник. 1917. 31 мая.

¹²⁴ Моршанский телеграф. 1917. 1 июля.

¹²⁵ Тамбовский земский вестник. 1917. 9 июля.

¹²⁶ Там же. 13 июля.

представители купечества) проводил в думу 8 человек. Моршанское Вспомогательное общество приказчиков могло иметь 3 гласных¹²⁷.

23 июля состоялись муниципальные выборы в Тамбове. Победили эсеры, получив 59,7% голосов. Группа РСДРП (меньшевики и «Бунд») заняла 9 мест в думе, большевики – 3¹²⁸.

По губернии большинство голосов получили эсеровские либо объединённые эсеро-меньшевистские списки. В Козлове список социалистического блока № 4 получил 6 тыс. голосов из 9,8 тыс. и 38 мест гласных из 62 (61,2%)¹²⁹. В Борисоглебске социалисты выступали отдельными списками: эсеры получили 19 мест, социал-демократы, среди которых преобладали меньшевики-оборонцы – 9 и «беспартийные социалисты» – 6. Борисоглебские социалисты сумели добиться убедительной победы, получив 34 места из 43¹³⁰. Таким образом, летом 1917 г. в Тамбовской губернии партийные организации меньшевиков и эсеров стали и по сути, и формально правящими.

В некоторых городах выборы прошли вообще без участия партий, вероятно, ввиду их отсутствия. Мещанско-купеческие по социальному составу, с низким процентом оформившихся в политические группы и союзы горожан, эти города делали свой выбор не по идейным предпочтениям, а между влиятельными непартийными группами и союзами. Так, в Темникове боролись 5 списков: торговцев, республиканско-демократической группы, союза земских служащих, священнослужителей, граждан-мещан¹³¹. Только «внепартийная республиканско-демократическая» группа шла на выборы с конкретной программой, обещая решить все проблемы городского хозяйства: пересмотреть налоговое обложение населения, наладить снабжение продовольствием и топливом, сделать доступным низшее и среднее

¹²⁷ Там же. 16 июля.

¹²⁸ Тамбовский земский вестник. 1917. 25, 26 июля.

¹²⁹ Солдат и рабочий. 1917. 27 июня.

¹³⁰ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 180. Л. 39.

¹³¹ Тамбовский земский вестник. 1917. 20 июля.

образование и лечение, принять меры для проведения железной дороги через Темников¹³² (ее в городе нет поныне). Ее представителям удалось провести в думу только 5 человек (21,7%). Абсолютное большинство мест заняли мещане – 15 (65%). Список от мещан также победил в заштатном Кадоме – 18 из 23 мест. В Елатье вообще был один список мещан и чиновников, по нему и прошли все 24 думца¹³³. Вряд ли случайно, что все названные города были политически отсталыми даже по тамбовским меркам, занимая «глухой» лесной север губернии и отстоя на многие сотни верст от губернского центра и от Москвы¹³⁴.

В дни выборов являвшиеся на участки избиратели не понимали сути происходящего. Порой обыватель шел на выборы в расчете взамен опущенного бюллетеня получить какой-то подарок. Более всего ценился остродефицитный сахар. Иные в бюллетени вписывали свои имена и имена домочадцев, полагая, что это поможет им получить блага от «своей» партии. Но основная масса, чаще из домохозяек и прислуги, шла на выборы под впечатлением слухов об их аресте милицией в случае неявки.

Проходившие летом-осенью 1917 г. выборы в земства, особенно впервые избираемые волостные, и по стране, и по Тамбовской губернии растянулись по времени, выявив политическую апатию сельских избирателей. Крестьянство уклонялось от выборов, воспринимая право голоса как принуждение, отвлекавшее их от более важных дел. Из Борисоглебского уезда сообщали, что народ отнесся к выборам в земство безучастно, «тихо и скромно». Аналогичная оценка встречается практически во всех отчетах, присланных избирательными комиссиями в Тамбов.

¹³² Там же. 16 июня.

¹³³ Там же. 28 июня, 8, 13 августа.

¹³⁴ От Темникова до Москвы было 517 верст, до Тамбова – 642, от Кадома, соответственно, 419 и 500, от Елатьмы – 353 и 709 верст (Города и населенные пункты России. СПб., 1914. С. 92–111).

Объективные причины крестьянского абсентеизма на выборах в волостные земства в промежуточном аналитическом отчете убедительно обозначила редакция «Тамбовского земского вестника»: занятость крестьян осенними полевыми заботами, отсутствие агитации и интеллигенции в деревнях, которая могла бы провести предварительные разъяснения о важности выбираемого крестьянами органа самоуправления, прежде всего, для них самих¹³⁵. Но они были не главными. На игнорирование земских выборов крестьянами повлияло их заведомо отрицательное отношение к земствам. Все, что ассоциировалось в сознании крестьянина с земством (земская управа, волостной старшина, писарь, земские повинности и сборы), имело негативную коннотацию. Сказывались и черты патриархального сознания крестьянина, привыкшего воспринимать местную власть через личное, прямое участие в общинных сходах в решении «мелких» хозяйственных дел. Делегирование прав своему представителю он не принимал и не воспринимал, а чаще и не был знаком с такой формой участия в общественных делах. Современник, анализируя состояние российской деревни летом 1917 г., отмечал, что «в понятии мужика слова: земство, земская управа, земский начальник – одно нераздельное представление о былом нераздельном произволе, и крестьянин положительно без злобы и ненависти не может слышать слово “земство”»¹³⁶.

Японский исследователь земства К. Мацузато, анализируя события 1917 г. в российской деревне, высказал любопытную мысль о том, что появление волостного земства как института крестьянского самоуправления в период второй российской революции было преждевременно. Крестьянское сознание еще не могло воспринять его в качестве нового органа, способного заменить столь привычные для них общинные сходы. «Преждевременное мероприятие часто возбуждало среди неграмотной части населения

¹³⁵ Там же. 10 сентября.

¹³⁶ *Неверов В.* Деревня и земство // Самоуправление. 1917. № 6–7. С. 47.

отвращение к этому мероприятию, а иногда даже к самой модернизации»¹³⁷. Так, из Козловского уезда сообщали, что, участвуя в выборах в волостное земство, «крестьяне не намерены передать ему всю полноту власти. ...Земству придется долго бороться с вечевым порядком решения дел»¹³⁸.

Состоявшиеся выборы в волостные земства показали крайне низкую активность избирателей. В волостях Моршанского уезда явка не превышала 30%. В с. Раево из 3 тыс. избирателей на выборы явилось только 668 (22%), в с. Крутец – из 1009 человек – 281 (28%), и только в с. Бадин Угол явка достигла почти 78% при 708 избирателях. Остальные три округа волости не дали гласных, так как никто не получил абсолютного большинства. В Гагаринской волости выборы вовсе не состоялись – большая часть избирателей не пришла, некоторые опускали в урны пустые записки¹³⁹. В Елатомском уезде в среднем на участки явилось не более 49% избирателей, и этот показатель можно считать одним из самых высоких по губернии¹⁴⁰.

Выборы в Лебедянском уезде также показали аполитичность избирателя. В Куйманской волости на них явились не более 12,5% избирателей. Вместо 14 заявленных кандидатов в земство пришедшие на участки предложили 439 кандидатов. Многие, участвуя в выборах впервые в жизни, не понимали, как осуществить свое волеизъявление при мажоритарной системе, когда голосовать приходилось не за избирательные объединения, а за отдельных личностей, кандидатов из своих же общинников¹⁴¹.

Одной из причин срыва выборов была их плохая организация. На предвыборные сходы, где выдвигался список кандидатов в волостные земства, порой являлось не более 1/20 (!) домохозяев. Крайне пассивно вели

¹³⁷ *Маузуато К.* За конкретный подход к революции 1917 г. // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 300.

¹³⁸ Тамбовский земский вестник. 1917. 28 сентября.

¹³⁹ Моршанский телеграф. 1917. 12 сентября.

¹⁴⁰ Там же. 10 сентября.

¹⁴¹ Там же. 28 сентября.

себя женщины, не имевшие до введения нового выборного законодательства никаких политических прав. «Что это за насмешка над нами, - жаловалась группа женщин одного из сел Куйманской волости члену избирательной комиссии, - когда это сроду было, чтоб баб на сход требовали, да еще какие-то писульки заставляют писать. Да где мы были, чего мы знаем. Нам надо идти просо вязать». Подневольное голосование приводило к курьезам. Бывало, что свои голоса крестьяне, саботируя выборы, отдавали за местных известных всему сельскому обществу слабоумных. В ряд выборных записок в Лебедянском уезде попали три проститутки, а в Елапинской волости Козловского уезда в число выбранных попали бывшие жандарм и урядник¹⁴².

В связи с несостоявшимися или сорванными выборами были назначены довыборы волостных земств, которые постигла та же участь. Чтобы хоть как-то завершить дело, приходилось идти на ухищрения. Так, в Лебедянском уезде, где на выборы являлись только домохозяева, избирательные комиссии фиксировали их итоги как окончательные, как в с. Куймани, где на участки пришли только 55 домохозяев и выбрали 13 из 14 гласных. «Выбирали, выбирали и опять выбирать. Так вы целый год не выберете», - возмущались крестьяне одного из сел Козловского уезда¹⁴³. При составлении новых списков для проведения довыборов в Моршанском уезде в них попало от 6315 жителей лишь 1350 избирателей, из которых на первые выборы явился 81 человек, а на дополнительные, 10 сентября – 29 человек¹⁴⁴.

Растянувшиеся на несколько месяцев выборы волостных земств не могли привлечь избирателя на выборы в земства уездные.

Так, за 10 дней до выборов в уездные земства, во всех городах были выставлены списки избирателей для ознакомления. Для выборов в уездное земство, назначенных на 22 октября, г. Борисоглебск был разделен на 6 участков, 2 из них были отведены для 268-го пехотного и 6-го

¹⁴² Тамбовский земский вестник. 1917. 29 сентября.

¹⁴³ Там же. 28, 29 сентября.

¹⁴⁴ Моршанский телеграф. 1917. 12 сентября.

кавалерийского запасных полков. К 18 октября для ознакомления со списками и получением 21 тыс. избирательных билетов, явилось ничтожное количество людей. Как сообщала газета «Борисоглебская жизнь», «...в одном участке пока взято билетов меньше 50-ти, в другом – немного больше ста и в остальных – то же самое. Печальная картина при таком «сознательном» отношении к своим гражданским обязанностям может получиться в день выборов»¹⁴⁵. Эти слова оказались пророческими. На голосование от города пришло всего 1568, а от военных – 1563 человека, или 13,5% от всех избирателей¹⁴⁶.

В с. Рассказово (Тамбовский уезд) в выборах в волостное земство явка избирателей была намного выше, но тоже не превышала 56%. Правда, здесь, по сравнению с Борисоглебском, чувствовался особый настрой избирателей: «Население приняло живейшее участие в выборах; даже старички и старушки ползли с конвертами в руках исполнить свою гражданскую, может быть, необычайную и неожиданную для них обязанность, выстраивались в очередь и ждали часами»¹⁴⁷.

Такое разное электоральное поведение попытаемся объяснить тем, что в Борисоглебске кандидатские списки выдвигались партиями (№ 1 – кадеты, № 2 – эсеры, № 3 – социал-демократы), а в Рассказове – по социально-имущественному признаку, которые местное население в обиходе окрестило «бедным» и «богатым». В «бедном» списке «Демократического блока» (№ 1) были представители рабочих, крестьян, служащих и трудовой интеллигенции. В «богатый» список «Прогрессивного блока» (№ 2) вошли торговцы, промышленники и кожевники. Это и обеспечило достаточно высокую явку избирателей, отдавших предпочтение списку № 1 – за него было подано 89 % голосов, что позволило представителям демократического блока занять абсолютное большинство мест в волостном земстве (45 из 50

¹⁴⁵ Борисоглебская жизнь. 1917. 18 октября.

¹⁴⁶ Там же. 25 октября.

¹⁴⁷ Тамбовский земский вестник. 1917. 3 сентября.

возможных)¹⁴⁸. Таким образом, рядового избирателя привлекала «демократия», но они не хотели или затруднялись связывать себя с демократическими партиями.

Нежелание участвовать в выборах «Тамбовский земский вестник» так объяснял не без иронии и сарказма: «Во многих волостях деревенское население по ...мятежу Корнилова против Временного правительства сохраняло полное спокойствие и даже полнейшее безразличие... Питается деревня по-прежнему слухами, иногда нелепыми и смешными, вроде скорого пришествия антихриста. Волостное земство считается некоторыми за какой-то подвох, и уж без сомнения тоже делом антихриста»¹⁴⁹.

В отличие от местных выборов выборы Всероссийского Учредительного собрания были общенациональными, и в этом смысле – первыми в истории страны. Соответственно, идеологическая и агитационно-пропагандистская кампания имела беспрецедентный размах, убеждая население, что именно Учредительное собрание, и только оно, окончательно установит форму власти в России и утвердит революционные завоевания, уже достигнутые или всеми ожидаемые.

Социалистические партии, в программах которых Учредительное собрание было узловым пунктом, связывали с его созывом реализацию своих целей и подчиняли ему свою тактику. Поэтому обстановка волостных выборов вызывала у них серьезную озабоченность в связи с предстоящими выборами в Учредительное собрание, озабоченность обоснованную. Простому деревенскому мужику было непонятно, зачем нужно участвовать в выборах (тем более наравне с женщинами!) в какое-то собрание, если земля уже делится по решениям крестьянских организаций. Извечное недоверие тамбовского крестьянина к верховной власти порождало слухи о том, что министры опять обманут, и земля деревне не достанется. «В деревне нет

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же. 12 сентября.

веры в Учредительное собрание... Всем гражданам-крестьянам ...кажется, что только то будет принадлежать им, что ими же будет взято сейчас, немедленно, а иначе, они как бы и не получают ни земли, ни лугов, ни чего-либо прочего»¹⁵⁰.

Корреспондент газеты «Солдат и рабочий» так передавал отношение крестьян Козловского уезда к Учредительному собранию: «Об Учредительном Собрании и выборах в него деревня слушает с глубочайшим вниманием. Все проникаются его важностью, и хотят понять, как бы им не упустить своего? Как бы сделать так, чтобы их не обманули?

– От этих самых оратаев надо бумажку требовать! Кто он есть! Он тебе такого соловья запоет, что ты ему поверишь!

– А он тебя и поднадует! Он в деревне-то одно, а в городе-то – другое!

– Конечно, поднадует! Город, он завсегда был похитрее деревни!»¹⁵¹

Схожее умонастроение крестьян отмечено и другими наблюдателями, в частности, в Усманском уезде, сравнительно с другими неплохо охваченном различными агитаторами. По словам побывавшего в июне в одном из сел журналиста Н. Богодарова, крестьяне просили его объяснить, «почему нельзя теперь же отобрать землю и скот у помещиков, зачем дожидаться Учредительного собрания, которое, может быть, не сразу, а через год, два, а то и больше решит этот вопрос?»¹⁵²

Крестьянство, тем не менее, с нетерпением ожидало созыва Учредительного собрания, по-своему к нему готовилось. Так, 3 сентября от депутатов Егорьевского общества (Кирсановский уезд) в Золотовский волостной комитет поступил наказ с перечислением требований к Учредительному собранию. В 22 пунктах изложены все ожидания крестьян, которые касались не только просьб решить земельный вопрос в интересах тех, кто ее обрабатывает, и без выкупа, но и содержались предложения по

¹⁵⁰ Моршанский телеграф. 1917. 11 мая.

¹⁵¹ Солдат и рабочий. Козлов. 1917. 14 июня.

¹⁵² Там же. 28 июня.

выходу из кризисной ситуации в стране. В частности предлагалось настаивать, чтобы Временное правительство возможно скоро созвало Учредительное собрание, «не отговариваясь обстоятельствами военного времени»¹⁵³.

Отдельным вопросом стоит отношение рабочих к Учредительному собранию. Вся кампания по подготовке к его выборам, несомненно, увлекала их новизной, обещаниями улучшить ситуацию в стране, импонировала личным участием в выборах. Количество решений и резолюций рабочих Черноземья в поддержку Учредительного собрания резко увеличилось с лета (3,7%) к поздней осени–зиме (до 33,4%)¹⁵⁴, что, несомненно, свидетельствует о растущей заинтересованности и росте политической грамотности. Но со временем интерес к нему стал угасать. Видимо, сложившийся стереотип ожидания лучшего, вера в обещания были важнее свершившегося факта. В поддержку этого объяснения говорят и редкие митинги в день открытия Учредительного собрания, и политическая апатия не только рабочих, но и вообще всего населения Тамбовской губернии. Исключением стала рабочая демонстрация в Козлове в поддержку разогнанного большевиками Учредительного собрания, расстрелянная солдатами¹⁵⁵.

Правовая безграмотность населения на выборах в Учредительное собрание привела к тому, что голоса свои крестьяне отдавали «скопом», всей деревней, за одну партию. Этому способствовала и недавняя «репетиция» на выборах в земства. Так, при выборах в Моршанское волостное земство, солдаты подавали по несколько записок – за себя и за друзей, уехавших в отпуска, но желавших участвовать в голосовании. Порой голосовали за номера списков, не зная, какая партия за ним стоит. Так, один солдат говорил, что нужно было голосовать за список № 3, так как «в Москве...

¹⁵³ ГАТО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 2. Л. 120.

¹⁵⁴ Орлова В. Д. Указ. соч. С. 112.

¹⁵⁵ См. подробнее: Орлова В. Д. К вопросу о событиях в Козлове в начале января 1918 года // Наш край Тамбовский. Тамбов. 1991.

брат-крестьянин подавал больше за третий. Вот и нам нужно за третий». Только на выборах в Моршанске под 3-м номером стоял прогрессивно-деловой блок, а в Москве – партия социалистов-революционеров¹⁵⁶.

Результат выборов в Учредительное собрание по России определяли крестьяне, составлявшие 80% всего электората. Зная приверженность крестьянства старым порядкам, обусловленным вековым устоявшимся укладом жизни, среди лидеров российских партий были сомнения в политически адекватном ходе голосования крестьян и их окончательном выборе. Эсер М. В. Вишняк, будущий секретарь и историк Учредительного собрания, предполагал, что итоги голосования может определить не политически грамотное меньшинство, а активное и безграмотное большинство, «которое волею самодержавных царей насильственно отстранялось от политической жизни»¹⁵⁷. Срыв выборов из-за возможной неявки крестьян на избирательные участки также не вселял уверенности в политиков.

Но, несмотря на негативные прогнозы, день выборов 12 ноября показало неожиданно высокую активность крестьян в голосовании, многие шли на участки как на праздник. В ряде уездов отменили занятия в школах, тем более что учителя, как правило, обеспечивали работу участковых комиссий. В целом же, по Тамбовской губернии проголосовало 72,4% избирателей. Отдельно, по деревням и городам, наблюдалась явная диспропорция в явке. Высокие социальные ожидания, влияние общинной психологии, семейный патернализм и т.д. обеспечили высокую электоральную активность тамбовской деревни, в которой на участки пришло 74,5% человек. В городах эта цифра была значительно ниже – от 47%

¹⁵⁶ Моршанский телеграф. 1917. 30 июля.

¹⁵⁷ Цит. по: *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 225.

до 49%¹⁵⁸. И все же эти цифры были явно выше участия горожан в муниципальных выборах.

Впрочем, высокая явка на участки не гарантировала политической осознанности, понимания происходящего. Зарисовки «с натуры» позволяют понять психологическую атмосферу в дни выборов. Так, на один из городских участков Борисоглебска люди тянулись бесконечной вереницей, «бесперывной лентой», разных возрастов, вплоть до стариков и старух. Некоторые из них даже помнили события времен французской революции. «Я тогда еще совсем молодой была, - откровенничала одна из голосовавших, – и с царским патретом по улицам бегала. Вот это была резолюция, так резолюция! А теперь что! Вместо царских патретов, богомерзкие рожи носят да флаки. Тьфу! Смотреть стыдно»¹⁵⁹. Тем не менее, несмотря на внешний ажиотаж, на участки Борисоглебска не явилось 48%, Козлова – 52%, Моршанска – 57% «гражданских избирателей»¹⁶⁰.

Приметой времени стало активное участие в выборах в Учредительное собрание женщин. По отзывам прессы, они шли на выборы как на праздник, надев лучшие одежды.

В чем же была причина абсентеизма средних городских слоев, которые традиционно в обществе являются оплотом стабильности и гражданской позиции, характеризуются наличием развитой политической культуры?! Многие были напуганы возможными пьяными погромами, растеряны, либо просто утратили интерес к выборам как таковым, устали от политики, в отличие от крестьян, которые опасались, что в случае неявки не получат земли.

Хотя выборы проходили по партийным спискам, об осознанном политическом выборе электората говорить трудно. Население в основной массе не разбиралось в них и на выборах в Учредительное собрание

¹⁵⁸ Протасов Л. Г. Материалы... С. 80.

¹⁵⁹ Во время выборов // Борисоглебское эхо. 1917. 19 ноября.

¹⁶⁰ Протасов Л. Г. Материалы... С. 85.

голосовало не за партии и их программы, а за обещания, которые давали приезжающие от них представители-агитаторы. Пришедшие на участки иногда предлагали свои кандидатуры, вписывая их в избирательные бюллетени, делая их недействительными. На одном из избирательных участков Борисоглебска на списке № 7 (большевики) была сделана приписка «Прошу кроме всех лиц, помеченных в списке, выбрать еще солдата 268 пех. зап. полка Кухаренко», а один из солдат положил список № 1 (социалисты-революционеры) и № 7 вместе «...только потому, что первый обещал “землю и волю”, а второй немедленный мир»¹⁶¹.

Особо стоит отметить электоральное поведение военнослужащих. По городам их явка оказалась ниже, чем у коренных жителей: в Тамбове, она составила 45%, в Моршанске – 43,7%, в Липецке – 50,5% от заявленного числа избирателей. Но это элементарно объясняется резким сокращением реальной численности тыловых гарнизонов осенью 1917 г. вследствие демобилизации солдат старших возрастов, массового дезертирства в обстановке фактического безвластия и полного падения воинской дисциплины, наконец, широкими увольнениями медицинскими комиссиями солдат под угрозой расправы с ними¹⁶². По сути же, голосование на воинских участках было почти поголовным, благо, участки находились в местах размещения войск. Если горожане предпочли отдать свои голоса кадетам и земельным собственникам (в Тамбове, Козлове, Борисоглебске, Липецке, Кирсанове и нескольких малых городах), то солдаты в массе голосовали за большевиков.

Именно они дали большевикам полную победу в Усмани – 57,5% голосов и относительную – в Кирсанове (44,2%) и Моршанске (30,5%). В

¹⁶¹ Борисоглебская жизнь. 1917. 19 ноября.

¹⁶² По состоянию на 1 декабря 1917 г. в пехотных полках Московского военного округа официально числилось 279 633 человека, реально – 159 913 (Протасов Л.Г. Солдаты гарнизонов Центральной России... С. 18.)

губернском Тамбове большевики хоть и не одержали победы, но показали весьма неплохой результат – 28,2%.

Характеризуя электоральную ситуацию как отражение политических сдвигов в Тамбове, редактор «Тамбовского земского вестника» меньшевик П. Н. Жулев отмечал, что «обыватель, который в июле в подавляющей массе голосовал за социалистов-революционеров, круто качнулся вправо и отдал свои голоса кадетам (35,6% кадетских против 16,5% эсеровских голосов - Д.К.)... Но еще более внушительный скачок в сторону сделал тамбовский гарнизон. В июле он всей своей массой отдал голоса социалистам-революционерам. В теперешние выборы он также поголовно отдал голоса большевикам... Пролетариат в доверии большевикам отказал и отдал свои голоса объединенной социал-демократии»¹⁶³.

Впрочем, большевики на победу в Тамбовской губернии, видимо, не рассчитывали. Это косвенно подтверждается составом выдвинутых партией кандидатур. Обычно первыми номерами в кандидатских списках партий по губерниям шли партийные лидеры, известные стране деятели, которые, словно «паровозы», «тянули» за собой весь список. Такой политтехнологический ход способствовал «узнаванию» голосовавшими «своей» партии и работал на победу. Список № 1 – Партия социалистов-революционеров и губернский Совет крестьянских депутатов открывал глава ПСР В. М. Чернов, список Трудовой народно-социалистической партии (№ 4) – ее лидер А.В. Пешехонов. Этого нельзя было сказать о возглавлявших большевистский список И. И. Скворцове-Степанове, А. Г. Шлихтере, М. С. Ольминском, не принадлежавшим к партийным деятелям первой величины.

В целом по городам губернии кадеты заняли первое место, получив 31,4% голосов. Вторыми, благодаря голосам солдат, оказались большевики (26,6%), третьими – эсеры (19,1%)¹⁶⁴. Но успех кадетской партии в городах не

¹⁶³ Тамбовский земский вестник. 1917. 16 ноября.

¹⁶⁴ Борисоглебская жизнь. 1917. 6 декабря.

был подтвержден успехом в уездах. Являясь, по сути, «городской», интеллигентской партией, кадеты не смогли привлечь внимание к себе сельского избирателя. По уездам процент голосов в их пользу редко повышался до 10-11¹⁶⁵, чаще Партии народной свободы отдавало голос считанное количество пришедших на сельские участки¹⁶⁶. Если же учесть, что городской контингент голосовавших (без военных) составил 6,5% общегубернского, а реально голосовало 3,5% вместе с военнослужащими (чего хватило бы только на один депутатский мандат), то очевидно, что «фактически всех тамбовских учредиловцев избрала деревня»¹⁶⁷.

Меньшевики в «объединенном» списке РСДРП не победили ни в одном из городов Тамбовской губернии, но, завоевав третье место в Тамбове, значительно улучшили свои показатели по сравнению с июльскими выборами¹⁶⁸. Но и они в городах не дотягивали даже до 20%, а в ряде мест результат балансировал на уровне статистической погрешности (от 0,5% в Шацке до 2,2% – в Лебедяни).

Эсеры изначально делали ставку на крестьян, и Тамбовская губерния была их оплотом на общероссийских выборах. «Паровоз» от эсеровского списка В. М. Чернов, который имел в народе репутацию «мужицкого» министра, выступал гарантом победы партии в аграрной провинции. В итоге, низкий процент голосов по городам¹⁶⁹ с лихвой окупился крестьянскими голосами – за эсеров проголосовало 75,4% сельских жителей Тамбовщины.

Выбор крестьян между двумя партийными списками – эсерами и большевиками означал только одно: крестьяне, выбирая большевиков и

¹⁶⁵ Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание... С. 231.

¹⁶⁶ В густонаселенном Борисоглебском уезде из 162293 пришедших на выборы за кадетов отдали свои голоса 1553 (0,9%) человека (Борисоглебская жизнь. 1917. 29 ноября).

¹⁶⁷ Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание... С. 232.

¹⁶⁸ Число бюллетеней, поданных осенью (4726) за меньшевиков Тамбова значительно увеличилось по сравнению с летними выборами (на 2150). (Морозов В. Ф. Борьба... С. 274).

¹⁶⁹ В Тамбове за эсеров проголосовало 16,5% избирателей, в Козлове – 12,3%. Неожиданной стала их победа на Тамбовском пороховом заводе (49,7%), но это были в основном левые эсеры, вскоре порвавшие с ПСР. (Там же. С. 274, 275).

эсеров, голосовали в обоих случаях за землю, за ее уравнильный передел. «Разница была лишь в том, что у эсеров это был стратегический пункт, основа будущего социалистического переустройства России, у большевиков же это был чисто тактический прием, расчет на то, чтобы перехватить крестьян у эсеров»¹⁷⁰.

Проходившие с лета до глубокой осени 1917 г. в Тамбовской губернии выборы носили политический характер и обнаружили поверхностный характер массовой политической культуры, не только в сельской местности, но и в городах, где итог выборов оказался зависимым от внешней силы – солдат, временно оказавшихся здесь. Общество, привыкнув к самой системе выборов в ходе муниципальных избирательных кампаний и показав полное равнодушие к деятельности и самому существованию власти местной, более в силу необходимости участвовало в выборах в общероссийский представительный орган в надежде на скорейшее изменение общей ситуации в стране.

Отметим, однако, одно обстоятельство. Пока политические события шли в том направлении, которое устраивало крестьянство – основу тамбовского социума, оно не возмущалось его разгоном и не протестовало (события в Козлове – исключение, связанное с более развитым правосознанием горожан), не придавая значения вопросам легитимности власти. Но когда массовое недовольство практикуемой большевиками «военно-коммунистической» политикой достигло определенного градуса, лозунг возвращения к Учредительному собранию и создания законной и всеми признанной власти появился вновь в умах обывателей и в требованиях крестьянских повстанцев—«антоновцев».

¹⁷⁰ Протасов Л. Г. Выборы в Учредительное собрание в Тамбовской губернии // История Тамбовского края: избранные страницы. Тамбов, 2004. С. 156.

2.4. Формы самовыражения массовой политической культуры

Революции, уходя в прошлое, оставляют после себя мифы, образы, ритуалы как знаки, маркирующие политическую культуру своего времени. В последнее время заметно возрос интерес историков, философов, социологов к этой стороне проблемы¹⁷¹. Заслуживает внимания и психоэмоциональный ее аспект, отражающий субъективно-индивидуальное в общем контексте политической культуры, хотя изучать эти специфические сферы политической культуры в рамках региона, как это ни парадоксально звучит, сложнее, чем в более широких территориальных масштабах.

Известие о победе революции в Петрограде и свержении монархии всколыхнуло жителей громадной Тамбовской губернии, привело в движение разнообразные общественные силы. Ситуация напомнила 1905-й год, политическую весну, тем более что и развивалась она весной 1917 г., когда по физиологическим законам человеческий организм оживает после долгой зимы, душа наполняется оптимизмом.

Источники тех дней, газеты прежде всего, отражают атмосферу ликования в городах. Во всех городах губернии проходили митинги и демонстрации. 5 марта, в воскресенье, в Моршанске на Соборной площади состоялся многотысячный митинг, перешедший в демонстрацию. Как писал «Моршанский телеграф», «масса ...направилась по главным улицам города, имея во главе национальные флаги, перевязанные красными лентами». Все действие сопровождалось бросанием шапок, платков, криками «ура!». Далее

¹⁷¹ См.: *Барышева Е. В.* Репрезентация власти как форма конструирования социальной среды // Вестник РГГУ. 2011. № 1 (62). С. 123-131; *Блохина Е. А.* Символическая деятельность и символические практики: концептуальный аппарат изучения репрезентации власти. // Современные научные исследования и инновации. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/08/1668>; *Муратова А. С.* Обряд и праздник // Мир психологии. 2001. № 4. С. 67-76; *Щепанская Т. Б.* Символическая репрезентация власти: атрибутика // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Т 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 313–326, и др.

обезумевшая толпа под руководством солдат ворвалась в здание городской думы, где в это время заседал городской Исполнительный комитет, сорвала имперские гербы, выпустила всех заключенных из полицейской части. Заседание было прервано, к дверям тюрьмы была послана делегация с объявлением, что в тюрьме «пострадавших за политические и религиозные убеждения нет». Утолив жажду мщения, толпа вернулась на Соборную площадь, завершив своеобразные похороны старого строя¹⁷².

В Тамбове массовое празднование свержения самодержавия было организовано 7 марта, оно завершилось грандиозным парадом войск гарнизона. Разделяя общий пафос, местная газета описывала, как войска под знаменами и штандартами проходили строем, «вызывая своим добрым молодеватым видом восторг тысяч зрителей». К этому времени в Тамбове уже сбросили имперские гербы и вывески полицейских учреждений. На казармах были вывешены флаги с надписями «Да здравствует свобода и новая жизнь!»¹⁷³

В Козлове, втором по величине городе губернии, войска местного гарнизона, как отмечала «Козловская газета», во главе со своим начальством «стройными рядами прошли по городу», дошли до городской управы, где «засвидетельствовали о своем присоединении к новому правительству»¹⁷⁴. В Спасске, где крупных воинских частей не было, утром 4 марта образованным накануне Общественным комитетом была без сопротивления обезоружена полиция, и днем на площади «...при громадном стечении народа» был отслужен благодарственный молебен.

Лишь в редких случаях не был замечен общественный интерес к происходящим событиям, а инициатива проявлялась прибывающими из столиц и других городов революционными делегациями. Так, 4 марта в Лебедянь приехала делегация из Москвы – два студента и прапорщик. С

¹⁷² Моршанский телеграф. 1917. 7 марта.

¹⁷³ Тамбовский земский вестник. 1917. 10 марта.

¹⁷⁴ Козловская газета. 1917. 5 марта.

помощью команды солдат ими были разоружены чины полиции и стражники. Затем делегаты явились в казармы 213-го запасного пехотного полка и потребовали подчиниться новой власти. После трудных для командования переговоров, длившихся всю ночь, утром 5 марта офицеры изъявили присоединение к Временному правительству, и в полдень в городском кинотеатре «Модерн» состоялось торжественное собрание, закончившееся шествием полка по городу под знаменем и пением «Марсельезы», которое повторилось и на следующий день¹⁷⁵. Везде в городах демонстранты брали свои «Бастилии», выпуская в порыве революционного экстаза не только политических заключенных, если они там были, но и уголовных, видя в них жертв несправедливого строя. Всюду, в том числе и в селах, разоружали и арестовывали чинов полиции, этим спасая их от самосуда разгоряченной толпы.

Сельские торжества, развернувшиеся чуть позже под влиянием городских, больше походили на народно-религиозные мистерии, в которых переплетались крестьянский мистицизм и стихийная революционность. По замечанию Б. И. Колоницкого, шествия и митинги во славу революции, составляющие неотъемлемую часть революционной традиции, сливались с традициями празднования Пасхи¹⁷⁶. А предшествующая ей Вербная неделя, время традиционных массовых гуляний, на Тамбовщине совпала с революционным мартом. Столь своеобразный религиозно-революционный симбиоз придавал торжествам ритуальный, карнавальный характер.

12 марта по всей губернии отмечался «праздник возрождения». В селе Рассказово, близ Тамбова, прошла «грандиозная манифестация в честь русской армии и нового правительства». На церковную площадь к 10 часам утра стекались толпы народа, выстроились войска, рабочие трех заводов несли красные флаги и плакаты с надписями «Да здравствует революционная

¹⁷⁵ ГАТО. Ф. 272. Д. 1965. Л. 37.

¹⁷⁶ Колоницкий Б. И. Символы власти... С. 38-39.

армия!», «Да здравствует свобода!», «Да здравствует республика!», «Вечная память погибшим борцам за свободу!». На площади состоялся молебен. Толпа восторженными криками «Ура!» встречала их и присоединялась к шествию по улицам под звуки «Марсельезы» и похоронного марша. Все продолжалось до вечера. Как полагал «Тамбовский земский вестник», на параде помимо войск было до 20 тысяч человек¹⁷⁷.

Интересно описание митинга в селе Чернавка Кирсановского уезда, проходившего также 12 марта, присланное в редакцию крестьянином Г. Неупокоевым. Манифестация прошла после богослужения. Все жители села приветствовали друг друга, шли «с поднятыми флагами в руках и бантами на груди, с пением марсельезы». Затем процессия «приветствовала своих братьев, стоявших за свободу в 1905 году». Произносились речи, в которых ораторы призывали население к спокойствию¹⁷⁸.

В том же уезде 14 марта имела место демонстрация в с. Нашекино, с той разницей, что в этом случае прошествовал хор с пением «Вы жертвою пали», «Марсельезы», «Дубинушки». По окончании была отслужена панихида по павшим за свободу¹⁷⁹.

Революционные песни, красные флаги и ленты на груди выступали важнейшим элементом революционной политической культуры. По образному выражению историка Февраля Э.Н. Бурджалова, революция победила под звуки «Марсельезы»¹⁸⁰. Наряду с распространенной в рабочей и городской среде «Марсельезой» (русский вариант – «Отречемся от старого мира»), в 1917 г. толпы пели, как правило, революционный похоронный марш «Вы жертвою пали», получивший широкое распространение после подавления восстаний в революции 1905–1907 гг. Его исполнение

¹⁷⁷ Тамбовский земский вестник. 1917. 16 марта.

¹⁷⁸ Там же. 17 марта.

¹⁷⁹ Там же. 19 марта.

¹⁸⁰ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия. М., 1971. С. 454.

демонстрантами было своеобразным откликом, напоминанием о происходившей ранее борьбе народа за свободу и памяти о ее жертвах. Февраль способствовал выходу революционных песен из подполья, действовавший запрет на них отпал, и совместное пение пьянило толпу, спланивало ее, пусть и ненадолго, отражая и суицидальные мотивы массовой психологии, готовность к новым жертвам во имя свободы. Именно песни, вместе с другими революционными символами, а не только партийные программы, увлекали слушателей на митингах в первые месяцы революции.

Однако песенный репертуар не исчерпывался старыми, ставшими уже классическими, революционными песнопениями. Появлялись новые стихи, часто ложившиеся на уже известную ритмичную музыку. Так, использовалась ритмика «Марсельезы», «Варшавянки», «Смело, товарищи, в ногу», что приводило, в итоге, к появлению их текстовых интерпретаций (многочисленные варианты «Народной марсельезы» – яркое тому подтверждение)¹⁸¹.

В фондах Государственного архива Тамбовской области нами выявлен интересный документ, текст которого с большой вероятностью мог звучать на городских митингах. Автор слов М. Болотов попытался зафиксировать на бумаге в стихотворной форме все, что он увидел и услышал на улицах Тамбова в марте 1917 г. Личности автора, к сожалению, раскрыть не удалось. По датировке соседних в архивном деле документов можно предположить, что строки были написаны в апреле 1917 г. Позволим себе привести текст документа полностью:

Я вижу маки, знамена и флаги
 Реют кругом...
 Братья свободы, счастье народу, песни народу,
 Гимны и гром.

¹⁸¹ Подробнее об этом см.: *Полищук Н. С.* Отражение самосознания рабочих в их песенном репертуаре // *Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония.* М., 1970. С. 178–179.

Яркие маки, знамена и флаги – свободы орлы.

Красным играют, целуют, ласкают

Воздух весны.

Сердце так радо от счастья услады,

Что русские мы,

Красным цветом к работе зовешь

Граждан Руси.

Юноша милый и Вас, отряд [...] ¹⁸²

В бой за свободу – не дремлют враги!

Вперед, за свободу! Не дрогнув, умри.

Яркие маки, знамена и флаги -

Красный Символ зари.

Святая свобода, счастье народа,

Гордость, что русские мы. ¹⁸³

По мере того как революция проникала в окраины губернии, информация об этом появлялась на страницах «Тамбовского земского вестника». С 16 по 21 марта газета публикует подробные рассказы-отчеты о происходивших событиях в уездах, оснащая их красочными заголовками и эпитетами «Заря новых дней», «Заря свободы» и т.п. Из нее явствует, что в «медвежьих углах» губернии о событиях в Петрограде стало известно только 6 марта. Из газетных публикаций видно, что «праздники свободы» организовывались с большим размахом и по определенному сценарию. В первой части, как правило, на главную площадь селения перед храмом выходили все жители, несшие красные флаги с лозунгами о свободе в честь нового правительства. Для создания особой атмосферы торжественности на площадь выходило духовенство, совершались молебны и панихида по

¹⁸² Слово неразборчиво. – Прим. автора.

¹⁸³ ГАТО. Ф. Р–20. Оп. 1. Д. 9. Л. 70.

павшим «борцам за свободу», затем исполнялись революционные гимны. Непременным атрибутом всех празднеств были траурные песнопения, вполне соответствовавшие квазирелигиозному характеру церемонии и ярко отражавшие суицидальную природу революции.

Затем выступали ораторы. В их речах преобладало слово «свобода»; говорилось о войне, но единства в этом вопросе в обществе не было. Крестьяне желали скорейшего окончания войны, но официально поддерживали идею продолжения ее до победного конца, опасаясь, что в случае заключения мира, «придет Вильгельм и отнимет все нами завоеванное». Оканчивалось все, как правило, массовыми гуляниями.

Революция формировала новый язык. Она породила бесчисленное количество резолюций, призывов, обращений и прочих форм, сама стала самым популярным словом в лексиконе эпохи, повторяемым как магическое заклинание. В речевой обиход прочно вошли обороты и выражения «мир без аннексий и контрибуций», «Учредительное собрание», «революционная демократия», «народовластие» и др. От частого повторения они девальвировались, постепенно утрачивая смысловое значение. Слово «контрреволюционер» вообще превратилось в бытовое ругательство.

В годовой календарь жителей городов и сел губернии вошли новые праздники: 18 апреля широко и свободно было отмечено 1 мая как Международный день трудящихся, затем – день «Займа свободы» и т.д. Повсеместными стали митинги, созывавшиеся по всякому значимому политическому событию в стране. По их посещаемости заметно, как общество переходит от восторженности к обеспокоенности, от единомыслия – к конфронтационности, от политического азарта – к усталости и равнодушию.

Революция способствовала политизации населения, которая щедро «сдабривалась» предрассудками и высокой степенью обывательской религиозности. Вера в православные идеалы в сочетании с революционной

вакханалией порождала порой новые революционные ритуалы, напоминающие мистические языческие обряды. К примеру, в Липецке 191-м запасным пехотным полком были устроены «торжественные похороны старого строя». При стечении народа на центральной улице был сожжен черный гроб с надписью «Вечное проклятие дому Романовых». Действо проходило под звуки «Марсельезы». После сожжения гроба полк под музыку, с красными флагами и плакатами с лозунгами «Да здравствует революционная армия!» прошел через весь город, сопровождаемый толпой народа. «Среди жителей долго не смолкали разговоры о невиданном зрелище», - сообщала местная газета¹⁸⁴.

Еще более фантазмагорический характер принял «революционный» обряд в с. Березовка Тамбовского уезда, где был осквернен прах Г. Н. Луженовского, застреленного в 1906 г. Марией Спиридоновой за жестокое усмирение крестьян. Мужики мотивировали свои действия тем, что в Киеве уже разрушен памятник Столыпину. Толпа потребовала от брата покойного перенести могилу в другое место, это требование поддержал и волостной комиссар эсер А.Г. Одинцов, недавно вернувшийся с каторги, которую отбывал за участие в восстании 7-го кавалерийского полка в том же 1906 г. Вопрос решили «демократически»: поднятием рук проголосовали за то, чтобы могила и гроб до 1 мая были перенесены в другое место. Однако 16 апреля крестьяне «в присутствии большого количества сильно возбужденных солдат, приехавших с фронта», по свидетельству священника А. А. Лебедева, вырыли гроб и сожгли его вместе с останками, «предварительно глумясь над трупом, избивая его палками, стараясь снять с него форменный мундир»¹⁸⁵. А.Г. Одинцов, через полгода избранный в Учредительное собрание, на следствии неловко оправдывался невозможностью переубедить озлобленных

¹⁸⁴ Липецкая новь. 1917. 2 апреля.

¹⁸⁵ Цит. по: *Мещеряков Ю. В.* Мария Спиридонова. Страницы биографии. Тамбов, 2001. С. 158.

людей, но, скорее всего, являлся одним из инициаторов вакханалии, восходившей своей дикостью к доисторическим временам.

Нечто подобное случилось и в Усманском уезде, где 16 апреля крестьяне пригласили на сельский сход с. Коробовка князя Б. Л. Вяземского, чьё имение Лотарёво находилось неподалеку. Князь в своем дневнике с удовлетворением отмечал, что порядок во время схода был образцовый, «настроение идеальное»¹⁸⁶. Однако уже через месяц прежде вполне деловые отношения между крестьянами и Вяземским резко осложнились. Поводом к этому стали похороны его брата Дмитрия Вяземского, убитого во время революционных беспорядков в Петрограде 2 марта 1917 г. Гроб с его телом был привезен в усадьбу и вечером 17 мая поставлен в церкви села Коробовки для отпевания и захоронения в семейном склепе. Крестьяне, помнившие участие покойного в усмирении крестьян в 1905 г., на собрании сельского комитета решили этого не допустить, о чем и сообщили родственникам погибшего. Дабы избежать эксцессов, Б. Л. Вяземский попытался было вернуть гроб с телом брата обратно и захоронить его в Александро-Невской Лавре Петрограда, но встретил решительный отпор родных¹⁸⁷.

Агрессия и озлобленность крестьян возникли под влиянием агитации крестьянина с. Падворок Степана Пенькова, который, находясь в Петрограде на военной службе, в письмах двоюродным братьям «проводил мысль о необходимости захвата помещичьих земель»¹⁸⁸. Масла в огонь подлили приехавшие в село из Петрограда матросы с целью пропаганды революционных идей. Лидия Леонидовна Васильчикова, родная сестра Б. Л. Вяземского, вспоминала, что при отъезде из церкви после отпевания Дмитрия, к Борису Леонидовичу подошел человек в матросской фуражке и «нахально спросил: “Где вы намерены хоронить вашего брата?”. Борис

¹⁸⁶ Дневник князя Б. Л. Вяземского «1917 год». Лотаревская «Книга Судеб». // Наше наследие. 1997. № 39-40. С. 67.

¹⁸⁷ Из воспоминаний Е.Д. Вяземской // Там же. С. 69.

¹⁸⁸ Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 345. Д. 2288. Л. 18 об.

ответил: “У нас в склепе под церковью”. На что матрос сказал: ”Теперь вашего ничего нету. Попробуйте только его там похоронить, и мы всех ваших покойников оттуда повыкинем!”». Княгиня заметила, что во время службы крестьяне не стояли у гроба, как им полагалось, а входили и выходили из церкви, разговаривали, что «...было необыденно. Наши мужики обыкновенно выстаивали самые длинные службы с неподвижностью каменных изваяний». Видимо, такое поведение крестьян было следствием агитации, которая велась в это время матросами во дворе церкви¹⁸⁹.

Она все же не возымела действия. Дважды зачитанный священником приказ командующего 12-й армией генерала Радко-Дмитриева с перечислением военных заслуг покойного произвел на крестьян сильное впечатление: «Многие из них плакали, и речи агитаторов не встретили никакого сочувствия. ...Ко всхлипываниям мужчин присоединились и всхлипывания женщин»¹⁹⁰. Забавно, что впоследствии один из агитаторов просил известного своим красноречием князя не приходить на митинги: «Ты ведь сам знаешь, Ваше сиятельство, как зачнешь говорить, ну, мы все и будем с тобой согласны»¹⁹¹.

Авторитет князя Вяземского, похоже, мешал многим, и это роковым образом отразилось на его судьбе. В конце августа по набату собрались до 5 тысяч крестьян с. Лотарево, арестовали князя и потребовали его немедленной отправки на фронт. Под конвоем милиции и выборных от толпы он был отправлен на станцию Грязи, где был растерзан солдатами проходившего воинского эшелона и местной толпой, после чего начался погром его имения.

Инфернальные по своей сути, оба случая выражали новые коды общественного поведения. Февральская революция превратила императорскую Россию в демократическую республику, но недавние верноподданные не могли автоматически превратиться в свободных граждан,

¹⁸⁹ Из воспоминаний Л.Л. Васильчиковой. Лотаревская «Книга Судеб»... С. 69.

¹⁹⁰ Дневник князя Б.Л. Вяземского... // Там же. С. 70.

¹⁹¹ Из воспоминаний Л.Л. Васильчиковой // Там же.

а социально-классовые отношения – в гражданско-правовые. В обществе, несомненно, нарастали и укреплялись эгалитаристские настроения. Исчезли страх и раболепие перед властью имущими, и сама демократизированная власть была слаба. Летом–осенью 1917 г. было невозможно реальное применение вооруженной силы против анархии и эксцессов – возможна была лишь демонстрация ее применения, которая пока давала эффект, исключалось использование казачьих нагаек или розог против бунтующих крестьян¹⁹². Чувство безнаказанности сливалось с простонародным пониманием гражданской свободы как полной вседозволенности. Как заявил глава сельского комитета в с. Анненском Кирсановского уезда землевладельцу Сосульникову: «Мы победили, в России есть народное право и потому, что хотим, то и сделаем». Тех общинников, которые отказались принять участие в грабеже имения, председатель грозился выслать из деревни¹⁹³. Понятно, что он выразил коллективное мнение своих односельчан.

Бродильным ферментом в такой питательной среде явились солдаты, которых в селах и деревнях становилось все больше. Начавшиеся в июне сельские полевые работы выявили в стране острую нехватку рабочих рук. Высшее командование было вынуждено согласиться на отпуск части солдат тыловых гарнизонов на полевые работы, но ввиду предстоящего наступления на фронте и отправки ряда запасных полков в полном составе на позиции потребовало возвращения солдат в свои части к 15 июня¹⁹⁴, что вызвало волнения среди солдат. В советы, словно из рога изобилия, посыпались многочисленные прошения матерей и жен солдат, вернувшихся домой, о продлении им срока отпуска, дабы закончить сельскохозяйственные работы.

¹⁹² Показателен такой факт: в сентябре помещик Мичурин, применивший нагайку против крестьянских мальчиков, пасших лошадей на его лугу, был арестован крестьянами с. Павловки (Елатомский уезд) и избит толпой (*Крошницкий П., Соколов С.* Указ. соч. С. 22).

¹⁹³ Там же. С. 16.

¹⁹⁴ Там же. С. 93.

В 20 гарнизонах Центра, в том числе в Тамбове и Моршанске, общественность заставила советы взять на себя инициативу и распустить солдат старше 40 лет на сельскохозяйственные работы¹⁹⁵, усилив горючую массу в деревне. «Хроника революционных событий Тамбовской губернии» изобилует примерами такого рода. В один и тот же день, 3 апреля, в имении Кожина Липецкого уезда несколько отпускных солдат из местных крестьян явились в усадьбу и «конфисковали имущество», проще говоря, разграбили его, а в Темниковском уезде – на противоположном конце губернии – крестьяне нескольких сел во главе с солдатом принудили землевладельца Новосельцева дать подписку о «добровольной передаче им до нового закона» 1365 десятин пашни и лугов, разогнали служащих и рабочих имения¹⁹⁶.

Очевидно, нередко те же крестьяне стали с выгодой для себя пользоваться ситуацией, когда ответственность за эксцессы падала не на них, а на пришлых солдат. Так, на станции Грязи местные жители 21 апреля обратились за содействием к солдатам проходившего эшелона, заявляя, что их обижают, что старорежимный комитет о них не заботится и т.д.¹⁹⁷ Неизвестно, чем эпизод завершился, но другое обращение к солдатам воинского эшелона (в августе) закончилось описанным выше убийством князя Б. Л. Вяземского и погромом его имения.

Революция 1917 г. со сменой политического режима принесла новые образы, ритуалы, изменила старые и ввела новые традиции. Патриархально-религиозное сознание российского социума, отбросив в одночасье ставшую бесполезной имперскую символику, создало символику революционную, постепенно проникавшую из столиц в жизнь российской провинции. Революционная квазирелигиозность заменила старую религию новыми

¹⁹⁵ Протасов Л. Г. Солдаты гарнизонов Центральной России... С. 93.

¹⁹⁶ Крошницкий П., Соколов С. Указ. соч. С. 10.

¹⁹⁶ Там же. С. 93.

¹⁹⁷ Там же. С. 11.

атрибутами ритуалистики, ставшей в условиях новой действительности наравне с политикой для российского общества сакральной.

Заключение

Не приходится доказывать, что политическая культура представляет собой многогранное явление, исторически развивающийся феномен. Рассматривая его как систему ценностей, символов, верований и установок на политическое действие, следует признать, что и проявляется, реализуется политическая культура, прежде всего, через политическую деятельность. В когнитивном плане максимальные ресурсы для ее конкретного изучения дает эпоха революций, поскольку каждая из них сама по себе является предельно полным выражением политической культуры и предоставляет шанс показать себя всем заинтересованным участникам исторического действия.

Этот тезис вполне иллюстрируется и подтверждается всей политической историей Тамбовской губернии в 1917–1918 гг. Февральская революция 1917 г. и свержение монархии создали совершенно новую политическую реальность, с которой прежде не сталкивались российские граждане. Старая, императорская, власть была не только сброшена с ее пьедестала, но и утратила, по крайней мере, в глазах большинства, свою сакральность, что было чрезвычайно важно с точки зрения перехода от подданнических отношений к отношениям гражданским. Еще важнее, исходя из специфики тамбовского социума, в подавляющем большинстве своем сельского, крестьянского, было то, что политическая деятельность, как таковая, отныне не только допускалась, но и поощрялась, приобретая все новые и самые разнообразные формы выражения. Резко расширились границы политического информирования населения, чему во многом благоприятствовало центральное месторасположение губернии. Феномен политического становился неотъемлемым элементом повседневности.

В сложной системе координат политической культуры основными, говоря условно, поскольку разграничить их полностью невозможно, являются два измерения: институциональное, выраженное в деятельности

политических институтов, и массовое, выражающееся в определенных политических настроениях и соответствующих им формам поведения.

Центральным компонентом мира политики является власть. Как и в целом в России, в Тамбовской губернии в марте–апреле 1917 г. царила атмосфера революционной эйфории, проявлявшейся в психологическом подъеме, росте оборонческих настроений, практически единодушной поддержке Временного правительства, интересе к политическим партиям. Почвенный монархизм с такой стремительностью сменился массовым республиканизмом, что ставит под сомнение искренность и необратимость такого перевоплощения, тем более в крестьянском, по сути, социуме. Хотя к 1917 году зафиксировано немало проявлений открытой критики в адрес династии, это могло быть и, скорее всего, было разочарование в ее конкретных представителях, но не в монархической форме правления как таковой, и не подлежит сомнению, что монархические архетипы по-прежнему таились глубоко в массовом сознании и подсознании, особенно крестьянском, периодически по-разному обнаруживая себя в дальнейшем.

Разумеется, нагляднее всего политическая культура общества проявляется в деятельности политических партий, ее формирующих и выражающих. В Тамбовской губернии она проявлялась в сравнительно слабой дифференциации основных политических партий, в отсутствии того накала межпартийной борьбы, которая отличала столицы и крупные промышленные центры, с их ярко выраженной социальной стратификацией. Показательно, что большевики «сожительствовали» с меньшевиками вплоть до осени 1917 г., что в Тамбовской губернии не сложилось до самого октября того состояния, которое принято обозначать как двоевластие, что было обусловлено не только слабостью большевиков, но и политическим компромиссом между либералами и умеренными социалистами. Характерно и то, что сами местные политические лидеры порой оказывались в хвосте текущих событий и вынуждены были действовать, подчиняясь давлению

снизу, со стороны массовых сил, на которые они стремились опереться. Именно так произошло с самой влиятельной в губернии политической силой – организацией социалистов-революционеров, которая решилась на принятие исторического «Распоряжения №3» в сентябре 1917 г., когда в губернии запылал огонь аграрно-крестьянских погромов и захватов. В схожем положении были и местные большевики, лидеры которых вплоть до конца января 1918 г. противились переходу власти в губернском центре и, соответственно, в самой губернии в руки местного совета и сделали это только под прямым нажимом сверху, со стороны партийных и государственных центров, и снизу – под физическим воздействием распропагандированных ими же солдат. Последующие события вскоре показали прагматизм этой тактики.

Новая политическая реальность наглядно и убедительно проявилась и в том, что вчерашние подданные превратились из объекта политического управления в субъект политического процесса. Наиболее наглядно это выразилось в создании новых органов власти и самоуправления, в частности – общественных исполнительных комитетов, формировавшихся на широкой и, по существу, внепартийной коалиционной основе. Активность, проявленная при этом, в основном, конечно, горожанами, отражала, как ни парадоксально это кажется, ослабление этатистских, патерналистских (в смысле государственного попечительства) массовых настроений. С другой стороны, провал насаждения в деревне волостных земских органов, как и советов крестьянских депутатов, явно не привившихся в деревенской среде до 1918 г., свидетельствовал о том, что крестьянство было вполне удовлетворено традиционной формой сельского самоуправления, основанной на поземельной общине, и принимало новации лишь в той мере, в которой они не противоречили ей и сложившимся психологическим стереотипам.

Это в значительной мере проявлялось и в том, что можно назвать бихевиоризмом, то есть «поведенческим» проявлением массовой

политической культуры. «Точками роста» здесь, безусловно, были города, как и по всей революционной России, но было немного мест в стране, где бы так явно проявилась «обратная связь» между городом и деревней в общеполитическом смысле, как именно в Тамбовской губернии. Позиция крестьянства, насколько о ней можно говорить как о политической, учитывая ее социальную направленность, подчас становилась приоритетной. Именно деревня дала тамбовским эсерам целый ряд партийных деятелей и функционеров, она обеспечила им полную победу на общенациональных выборах в Учредительное собрание осенью 1917 г., она своими самочинными действиями фактически продиктовала принятые губернскими съездами крестьянских депутатов радикальные решения по земельному вопросу весной 1917 г. и осенью того же года «Распоряжение №3», которое за полтора месяца до Декрета о земле фактически и формально передало помещичью землю в руки крестьянских комитетов. Наконец, выйдя за пределы темы, заметим, что антибольшевистское крестьянское повстанчество, широко разлившееся по Тамбовской губернии в 1919–1921 гг., хотя и шло под эсеровскими лозунгами, но вопреки запретам партийного центра.

С точки зрения исследовательской задачи легче рассматривать состояние политической культуры общества во всероссийском масштабе, учитывая полную обеспеченность темы разнообразными источниками, наличие при этом общих явлений, тенденций, не зависящих от разного рода случайностей. Однако следует иметь в виду, что решение подобной задачи, в конечном счете, необходимо предполагает и опирается в изучение политической культуры на самых разных ее уровнях, по вертикали и по горизонтали, включая порайонный, погубернский анализ, поскольку конкретное состояние политической культуры в заметной степени определялось не только общими закономерностями, но и местным

колоритом, локальным «социальным рельефом», как в этом наглядно убеждает пример Тамбовской губернии в 1917–1918 гг.

Источники и литература

I. Опубликованные источники

1. 1917 – 1918. Хроника революционных событий Тамбовской губернии. Составители П. Крошицкий и С. Соколов. Тамбов, 1927.
2. В память Великой Октябрьской революции. 25 октября 1917 года – 25 октября 1918 года. Усмань, 1918.
3. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг.: документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007.
4. Антоновщина: статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губернии / под ред. С. В. Евгенова и О. С. Литовского. Тамбов, 1923.
5. Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии (1917–1918 годы). Сборник документов. Тамбов, 1957.
6. Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Т. 1-10. Изд-во Ан СССР. М., 1958–1962.
7. Всероссийская конференция меньшевистских и объединённых организаций РСДРП. Пг., 1917.
8. Вторая великая годовщина. Козлов, 7 ноября 1919 г.
9. Третий Красный Октябрь. Итоги трехлетней работы Советской власти в Лебединском уезде. Лебединь, 1920.
10. За власть Советов (Сборник воспоминаний участников борьбы за установление Советской власти на Тамбовщине). Тамбов, 1957.

11. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917 – 1918): документы и материалы. М., 2003.
12. Курск в революции. Сборник материалов по истории Октябрьской революции в Курском крае. 1917 – 1918 гг. Курск, 1927.
13. Путь борьбы. Сборник первый. Тамбов, 1922.
14. Программы главнейших русских партий : 1. Народных социалистов. 2. Социал-демократической рабочей партии. 3. Социалистов-революционеров. 4. Партии народной свободы. 5. Партии октябристов (Союз 17 октября 1905 г.). 6. Крестьянский союз. 7. Национальной демократическо-республиканской партии. 8. Политические партии различных национальностей России («Украинцев», «Бунда», и др.) : с приложением статей: а) О русских партиях, б) Большевики и меньшевики. М., 1917.
15. Установление Советской власти в Мордовии. Документы и материалы. Саранск, 1957.
16. Установление Советской власти на местах в 1917-1918 годах. Вып. 2. М., 1959.

II. Мемуары и дневники

17. Александр Иванович Гучков вспоминает... М., 1993.
18. Андреев Н. Организация Советской власти в Усманском уезде // За власть Советов. Тамбов, 1957. С. 68-76.

19. Верховых В. Пять лет борьбы. Деревенская беднота и рабочие в борьбе с буржуазией. Роль Борисоглебской организации РКП(б) в этой борьбе // За пять лет Октябрьской революции. Борисоглебск, 1922.
20. Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932.
21. Войтинский В. С. 1917. Год побед и поражений. М., 1990.
22. Волконский С. М. Мои воспоминания: В 2 т. М., 1992. (Театральные мемуары). Т. 2. Родина.
23. Гаврилов И. А. Борьба за Советскую власть на заводе № 43 и в Тамбове // За власть Советов. Тамбов, 1957. С. 7–27.
24. Гаврилов И. А. Как зарождалась газета // Тамбовская правда. 1928.
25. Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 1991.
26. Дневник князя Б. Л. Вяземского «1917 год». Лотаревская «Книга Судеб» // Наше наследие. 1997. № 39-40.
27. Исполатов Н. Н. Из прошлого. (Воспоминания) // Тамбовская правда. 1922.
28. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М., 1991.
29. Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991.
30. Набоков В. Д. Временное правительство. Воспоминания. М., 1924.
31. Одинцов В. Дни борьбы и победы (Борисоглебский уезд) // Коммунист. Тамбов, 1927. № 20-21.

32. Родзянко М. В. Крушение империи. М., 1992.
33. Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1–3. М., 1991-1992.
34. Фомин И. Борьба за советы в 1917 году (Козловский уезд) // Коммунист. Тамбов, 1927. № 20-21.
35. Чернов В. М. Перед бурей. М., 1993.
36. Шульгин В. В. Дни. 1920: Записки. М., 1989.

III. Архивные источники

37. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1788. Переписка Временного правительства и Государственной думы об организации органов местного самоуправления. Оп. 2. Д. 107.
Ф. 1791. Главное управление по делам милиции. Оп. 6. Д. 180.
38. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Министерство юстиции. Оп. 345. Д. 2288.
Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Синода. Оп. 96. Д. 295.
39. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Правитель Тамбовского наместничества. Канцелярия Тамбовского губернатора. Оп. 1. Д. 9494, 9498, 9658, 9659, 9662, 9664, 9692.
Ф. 17. Тамбовская городская управа. Оп. 1. Д. 1, 3, 10, 12, 5723, 5743; Оп. 45. Д. 561.
Ф. 25. Тамбовское губернское по делам об обществах присутствие. Оп. 1. Д. 420, 945.
Ф. 157. Тамбовская городская дума. Оп. 1. Д. 1033.

Ф. 272. Управление Тамбовского жандармского штаб-офицера, Тамбовское губернское жандармское управление. Оп. 1. Д. 1965, 2005.

Ф. 1058. Канцелярия Тамбовского губернского и Тамбовского, Кирсановского, Моршанского уездных комиссаров Временного правительства. Оп. 1. Д. 2, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 28, 35, 40, 73, 85.

Ф. Р-1. Исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Тамбовской губернии (губисполком, ГИК). Оп. 1. Д. 4, 10, 12.

Ф. Р-2. Тамбовский исполнительный комитет окружных Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (окрисполком). Оп. 18. Д. 2.

Ф. Р-6. Тамбовский городской Совет депутатов и их исполнительный комитет (горсовет, горисполком). Оп. 1. Д. 1, 6.

Ф. Р-17. Кирсановский исполнительный комитет уездных Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (уисполком). Оп. 1. Д. 2, 10, 11, 14.

Ф. Р-20. Моршанский исполнительный комитет уездных Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (уисполком). Оп. 1. Д. 1, 3, 9, 10.

Ф. Р-394. Отдел управления исполнительного комитета Тамбовского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ГОУ). Оп. 1. Д. 3, 90, 92, 93.

IV. Пресса

40. Борисоглебская жизнь. Орган местной трудовой интеллигенции. 1917.
41. Борисоглебское эхо. Газета местной и областной жизни. 1917.
42. Социал-демократ. 1917.
43. Голос труда. Орган Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, г. Борисоглебск Тамбовской губернии. 1917.
44. Земля и воля. Известия Шацкого уездного Совета крестьянских депутатов, г. Шацк Тамбовской губернии. 1917.
45. Козловская газета. 1917.
46. Моршанский телеграф. 1917.
47. Наша газета. Орган Липецкого Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1917.
48. Новый строй. Известия Тамбовского Губернского исполнительного комитета. 1917.
49. Солдат и рабочий. Издание Козловского Совета рабочих и солдатских депутатов и военного комитета гарнизона. 1917.
50. Русское слово. 1917.
51. Тамбовский земский вестник. 1917.
52. Усманская газета. 1917.
53. Факел. Борисоглебск. 1917.

Литература

V. Монографии

1. Аграрная революция. Т. II. Крестьянское движение в 1917 году М.: Изд. Ком. академии, 1928.
2. Алленова В. А., Мизис Ю. А. История тамбовского краеведения (XIX в. - 30-е годы XX в.). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 438 с.
3. Андреев В., Кулаев С. Октябрьская революция и гражданская война в Тамбовской губернии. Пролетарский светоч, 1927. 48 с.
4. Анатомия революции. 1917 г. в России: массы, партии, власть. СПб.: Глагол, 1994. 445 с.
5. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т.1. Социокультурная динамика России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 804 с.
6. Балашов, И. Д. Аграрное движение в ЦЧО в 1917 г. Вып. 1. Воронеж: Коммуна, 1930. 91 с.
7. Богданов А. А. Вопросы социализма: работы разных лет / под ред. Л. И. Абалкина. М.: Политиздат. 1990. 497 с.
8. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН. 1997. 376 с.
9. Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия. М.: Наука. 1971. 463 с.

10. Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М.: Мысль, 1964. 358 с.
11. Гаджиев К. С. Политическая наука: пособие для преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов. М.: Международные отношения, 1995. 400 с.
12. Гапоненко Л. С. Рабочий класс России в 1917 году. М.: Наука, 1970. 579 с.
13. Герасименко Г. А. Первый акт народовластия России: Общественные исполнительные комитеты (1917 г.). М.: Ника, 1992. 350 с.
14. Гердер И. Г. Идея к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 705 с.
15. Гимпельсон Е. Г. Из истории строительства Советов: (ноябрь 1917 – июль 1918 г.). М.: Госюриздат, 1958. 179 с.
16. Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г.: к истории банкротства неонародничества. Л.: Наука, 1977. 296 с.
17. Глебова И. И. Политическая культура России: образы прошлого и современность. М.: Наука, 2006. 330 с.
18. Голиков Г. Н. Революция, открывшая новую эру. М.: Политиздат, 1967. 351 с.
19. Гришаев В. В. Строительство Советов в деревне в первый год социалистической революции. М.: Мысль, 1967. 88 с.
20. Губарева В. М. Развёртывание социалистической революции в деревне (По материалам Петроградской губернии). Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. 192 с.

21. Гусев К. В. Крах мелкобуржуазных партий в СССР. М.: Знание, 1966. 64 с.
22. Дмитриев А. В., Ширяев Б.А., Федосеев А.А. Проблема социализации в американской политической науке // Человек и общество: Ученые записки НИИКСИ ЛГУ. Вып. 9, 1971. 228 с.
23. Дубровский С.М. Крестьянство в 1917 году. М.- Л., 1927.
24. Еникеев Э. А. Деятельность казанских большевиков по революционному воспитанию студенческой молодёжи (1905 – февраль 1917 г.). Казань: Изд-во КГУ, 1973. 205 с.
25. Зильберг И. Профессиональное движение служащих-фармацевтов. Период первой русской революции. М., 1930.
26. Знаменский О. Н. Июльский кризис 1917 года. М.– Л.: Наука, 1964. 272 с.
27. Иванов А. П. Установление Советской власти на Тамбовщине. Тамбов: Тамбовская правда, 1958. 64 с.
28. Ивановский В. В. Вопросы государственоведения, социологии и политики. Казань: Типолитогр. Имп. ун-та, 1899. 398 с.
29. Кабытова Н. Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года: учебное пособие. Самара: Изд-во Самарского университета, 2002. 324 с.
30. Канищев В. В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов: Изд-во ТГУ. 1995. 162 с.

31. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб.: Дмитрий Булавин, 2001. 349 с.
32. Кузьмина Т. Ф. Революционное движение солдатских масс Центра России накануне Октября. (По материалам Московского военного округа). М.: Наука, 1978. 310 с.
33. Комин В. В. Банкротство буржуазных партий в России в период подготовки и победы Великой Октябрьской Социалистической революции. М.: Моск. рабочий, 1965. 643 с.
34. Константинов Н. А. Очерки по истории средней школы (гимназии и реальные училища с конца XIX века до Февральской революции 1917 года). М.: Учпедгиз, 1947. 247 с.
35. Лебедев В. Н. Участие работников связи в революционном движении в России. М.: Профиздат, 1974. 159 с.
36. Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 536 с.
37. Люкшин Д. И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М.: АИРО-XXI, 2006. 144 с.
38. Малышева Е. П. Формирование и функционирование партийно-советской политической системы // Представительная власть в России: История и современность / под общ. ред. Л.К. Слиски. М.: РОССПЭН, 2004. 592 с.
39. Матвеев М. Студенты Сибири в революционном движении. Томск: изд. Томского ун-та, 1966. 240 с.

40. Мещеряков Ю. В. Мария Спиридонова. Страницы биографии. Тамбов: Центр-пресс, 2001. 177 с.
41. Мещеряков Ю. С. Тамбовская губерния в начальный период советской власти. Октябрь 1917 – август 1918 гг. Тамбов: Пролетарский светоч, 2012. 424 с.
42. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.). В 2-х тт. Т. 2. Спб.: Дмитрий Булавин, 2000. 568 с.
43. Морозов Б. М. Создание и укрепление Советского государственного аппарата (ноябрь 1917 – март 1919 годов). М.: Госполитиздат, 1957. 216 с.
44. Морозов В. Ф. Борьба большевистской партии за установление Советской власти в губерниях Центральной России. (Октябрь 1917 г. – март 1918 г.). Саратов-Пенза: Приволжское книжное издательство, 1967. 535 с.
45. Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: Стрелец, 2001. 400 с.
46. Очерки истории Тамбовской организации КПСС. Воронеж: Центр.-Чернозем, кн. Изд-во, 1970. 593 с.
47. Пешников В. В. В.И. Ленин и студенческое движение в России: уч. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1973. 102 с.
48. Подобедова Л. А. Первые союзы молодёжи (К истории революционной борьбы молодёжи в 1904–1920 гг.). Воронеж, 1958. 22 с.
49. Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. 368 с.
50. Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОССПЭН, 2008. 463 с.

51. Протасов Л. Г. Солдаты гарнизонов центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. 192 с.
52. Пушкарева И. М. Железнодорожники России в буржуазно–демократических революциях. М.: Наука, 1975. 390 с.
53. Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М.: Наука, 1970. 383 с.
54. Селунская В. М. Рабочий класс и октябрь в деревне. М.: Мысль, 1968. 296 с.
55. Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М.: РОССПЭН, 2005. 336 с.
56. Смирнов А. С. Крестьянские съезды в 1917 году. М.: Мысль, 1979. 245 с.
57. Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. Л.: Наука, 1973. 330 с.
58. Соболев П. Н. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в Октябрьской революции. М.: Госполитиздат, 1958. 340 с.
59. Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации (март–октябрь 1917). Материалы по истории советского строительства. М.: Политиздат, 1929, т. 1, ч. 1. 324 с.
60. Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства. М.: РОССПЭН, 2008. 679 с.
61. Тропов И. А. Революция и провинция: местная власть в России (февраль – октябрь 1917 г.). СПб.: Европейский дом, 2011. 250 с.

62. Токарев Ю. С. Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.-Л.: Наука, 1965. 186 с.
63. Трукан Г. А. Октябрь в Центральной России. М.: Мысль, 1967. 364 с.
64. Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М.: Наука, 1972. 472 с.
65. Чаадаева О. Н. Помещики и их организации в 1917 году. М.-Л.: Московский рабочий, 1928. 176 с.
66. Черменский П. Н. От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии. Очерк экономики и культуры пореформенного периода: 1861–1917 гг. Тамбов, 1928. 100 с.
67. Шестаков А. В. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма, Вып. 1, Воронеж: Коммуна, 1930. 131 с.
68. Шестаков А. В. Октябрь в деревне. М.: Кооперативное изд-во, 1925. 32 с.
69. Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. 611 с.
70. Щепанская Т. Б. Символическая репрезентация власти: атрибутика // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 313-326.
71. Яров С. В. Человек перед лицом власти 1917–1920-е гг. М.: РОССПЭН, 2014. 369 с.

72. Almond G. A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press, 1963. 574 p.
73. Figs O., Kolonitskii B. Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917. New Haven; London, 1999.
74. Florinsky M. The End of the Russian Empire. New Haven, 1931. 272 p.

VI. Статьи

75. Абрамов П. Н. К вопросу о времени создания первых волостных Советов (по материалам центральных губерний РСФСР) // История СССР. 1960. № 5. С. 159–161.
76. Абрамов П. Н. Опросный лист волостного Совета // Исторический архив. 1960. № 3. С. 197-200.
77. Алуф И. А. О некоторых вопросах Февральской революции // Вопросы истории КПСС. 1967. № 1. С. 18-20.
78. Архипов И. Л. Общественная психология петроградских обывателей в 1917 году // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 49-58.
79. Барышева Е. В. Репрезентация власти как форма конструирования социальной среды // Вестник РГГУ. 2011. № 1 (62). С. 123–131.
80. Белошапкин С. С. Борьба петроградских большевиков за техническую интеллигенцию в 1917 г. // Из истории формирования социалистической интеллигенции. Л., 1972. С. 25-34.

81. Булдаков В. П. Имперство и российская революционность. (Критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 1-2.
82. Булдаков, В. П. Истоки и последствия солдатского бунта: психология человека с ружьем // 1917 год в судьбах России и мира: февральская революция: от новых источников к новому осмыслению / под ред. П.В. Волобуева и др. М., 1997. С. 208-217.
83. Булдаков В. П. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (методологический аспект) // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996. С. 4-17.
84. Бухараев В. М. Концепция «двух революций» в Октябре как историографический феномен 20-х гг. // Октябрьская революция. Народ ее творец или заложник / под ред. П.В. Волобуева. М.: Наука, 1992. С.160-170.
85. Бухараев В. М., Люкшин Д. И. Российская Смута начала XX в. как общинная революция // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Историография отечественной истории. Казань, 1994. С. 154-157.
86. Веселовский Б. Б. Самоуправление на рубеже новой жизни // Земское дело. 1917. № 5-6.
87. Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5–6.
88. Гаман-Голутвина О. В. Метафизика элитных трансформаций в России // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 23-40.
89. Герасименко Г. А. Трансформация власти в России в 1917 году // Отечественная история. 1997. № 1. С. 60-76.

90. Герасимюк В. Р. О количестве волостных и сельских Советов в 1917-1918 гг. // Вопросы истории. 1961. № 8. С. 205-208.
91. Глебова И. И. Политическая культура России. Образы прошлого и современность. М.: Наука, 2006. 332 с.
92. Гречкина Э. Р., Гусев К. В. Политика большевиков по отношению к средним городским слоям // Вопросы истории КПСС. 1981. № 12. С. 41-54.
93. Гришаев В. В. Создание волостных Советов крестьянских депутатов // Вестник МГУ. 1957. № 4. С. 29-53.
94. Гусев К. В. Октябрьское вооружённое восстание и средние городские слои (Некоторые аспекты изучения проблемы) // Октябрьское вооружённое восстание в Петрограде. М.: Наука, 1980. С. 32-43.
95. Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.): Материалы междунар. конф. М.: РОССПЭН, 1996. С. 22-39.
96. Дашевская М. А. Борьба большевиков Урала за вовлечение интеллигенции в классовую борьбу (март - октябрь 1917) // Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. Свердловск, 1972. С. 3-17.
97. Дьячков В. Л., Есиков С. А., Канищев В. В., Протасов Л. Г. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.): Материалы междунар. конф. М.: РОССПЭН, 1996. С. 147-154.

98. Емельянова И. А. Советская юридическая литература о революционном правосознании и правотворчестве народных масс в период с февраля по октябрь 1917 г. // Правоведение. 1967. № 3. С. 48-56.
99. История и психология: сб. статей / под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой М., 1971.
100. Каверина Г. Н. Средние слои на выборах в городские думы летом-осенью 1917: (На материалах Тамбовской губернии) // Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. К. В. Гусев. М.: М-во просвещения РСФСР, Науч. совет АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», Тамбовский гос. пед. ин-т, 1984. С. 106-112.
101. Канищев В. В. Можно ли измерить параметры «русского бунта»? // Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе. Труды VII конф. Ассоциации «История и компьютер» / Ред. Л. И. Бородкин, В. Н. Владимиров, И. В. Юшин. М., 2001. С. 134-159.
102. Канищев В. В., Мизис Ю. А. Портрет историка в интерьере эпохи (к 70-летию Л.Г. Протасова) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 11 (67). С. 381-383.
103. Колоницкий Б. И. «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 109-118.
104. Колоницкий Б. И. «Политическая порнография» и десакрализация власти в годы Первой мировой войны (слухи и массовая культура) // Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 67-80.

105. Колоницкий Б. И. К изучению механизмов десакрализации монархии. Слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны // Историк и революция: сб. статей к 70-летию Олега Николаевича Знаменского / Отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб., 1999. С. 72-86.

106. Комаров А. И. Борьба большевиков Тамбовщины за солдатские массы в период подготовки Октября // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. 57. Воронеж, 1966. с. 36-45.

107. Кондрашин В. В. Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). / Материалы междунар. конф. М.: РОССПЭН, 1996. С. 115-123.

108. Королев А. И. Роль народного правотворчества в возникновении советского права // Правоведение. 1958. № 1. С. 16-27.

109. Крамник В. В. К вопросу о психологическом аспекте истории политических движений // История и психология: сб. статей / под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой М., 1971. С. 215–224.

110. «Красная смута» на «круглом столе» // Отечественная история. 1998. № 4. С.139-168.

111. Кузнецов С. В. Вера и обрядность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). Материалы международной конференции. М., 1996. С. 285-394.

112. Куреньшев А. А. Крестьянство России в период войны и революции 1917 – 1920-х гг. (историографические аспекты) // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 148-156.

113. Лурье С. В. Как погибла русская община // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С.136-165.
114. Малькевич В. В. Революционное правотворчество масс в период подготовки Октябрьской революции // Советская юстиция. 1957. №. 3. С. 53-55.
115. Мацузато К. За конкретный подход к революции 1917 г. // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М.: Наука, 1996. С. 294-304.
116. Милов Л. В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб., 1994. С. 40-57.
117. Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.): Материалы междунар. конф. М.: РОССПЭН, 1996. С. 40-57.
118. Мирон В. Вчера и сегодня // Дело. 1918. № 2(8). С. 8-9.
119. Миронов Б. Н. Русские революции начала XX века: уроки для настоящего // Полис (Политические исследования). 2011. № 5. С. 33–47.
120. Морозов В. Ф. Борьба большевиков за установление советской власти в уездных центрах Тамбовской губернии. Под знаменем Октября. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1966. Вып. 1. С. 46 – 64.
121. Муратова А. С. Обряд и праздник // Мир психологии. 2001. № 4. С. 67–76.
122. Неверов В. Деревня и земство // Самоуправление. 1917. № 6–7.

123. Одинцов В. Дни борьбы и победы (Борисоглебский уезд) // Коммунист. Тамбов, 1927. № 20-21.
124. Орлова В. Д. К вопросу о событиях в Козлове в начале января 1918 года // Наш край Тамбовский. Тамбов. 1991. С. 49-51.
125. Орлова В. Д. Рабочие и власть в 1917 – начале 1918 г.: по материалам Центрально-Черноземных губерний // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в. Тамбов, 2001. С. 108-115.
126. Остроумов Г. С. Соотношение правового и политического сознания // Вопросы философии. 1964. № 5. С. 13-23.
127. Острогорский М. Нравственная гильотина // Полярная звезда. 1906. № 7. С. 450-457.
128. Пантин И. К. Русская революция как проблема политической философии // Полис (Политические исследования). 2011. № 5. С. 48–69.
129. Пивоваров Ю. С. Истоки и смысл русской революции // Полис (Политические исследования). 2007. № 5. С. 35-55.
130. Полищук Н. С. Отражение самосознания рабочих в их песенном репертуаре // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 177-180.
131. Протасов Г. А. Анкета крестьянской секции ЦИК Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для уездного Совета // Наш край: сборник статей. Выпуск 1. Воронеж–Тамбов: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1964. С. 87-91.
132. Протасов Г. А. Сведения о времени организации волостных Советов Тамбовской губернии // Наш край: сборник статей. Выпуск 1.

Воронеж–Тамбов: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1964. С. 81-86.

133. Протасов Г. А. Установление Советской власти в Тамбове // Под знаменем Октября. (Из истории установления Советской власти и социалистического строительства на Тамбовщине) / Известия Воронежского государственного педагогического института. Вып. 1. Воронеж: Тамбовская правда, 1966. С. 65-77.

134. Протасов Л. Г. Выборы в Учредительное собрание в Тамбовской губернии // История Тамбовского края: избранные страницы. Тамбов, 2004. С. 145-161.

135. Протасов Л. Г. Крестьяне голосовали за землю (деревня на выборах во Всероссийское Учредительное собрание) // Крестьяне и власть: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. 7–8 апр. 1995. Тамбов, 1995. С. 72–75.

136. Протасов Л. Г. Материалы Тамбовской окружной комиссии по выборам в Учредительное собрание как исторический источник. (К истории борьбы за Советскую власть в Тамбовской губернии) // Под знаменем Октября. Вып. I. Воронеж, 1966. С. 78-89.

137. Протасов Л. Г. Тамбовский гарнизон в борьбе за власть Советов // Под знаменем Октября. Вып. II. Тамбов: «Пролетарский светоч», 1971. С. 3-21.

138. Рейман М. Заметки по 1917 году // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки / под общ. ред. А. Н. Сахарова. М.: Наука, 1996. С. 75-84.

139. Ремезова Т. А. Советы крестьянских депутатов в 1917 году // Исторические записки. 1950. № 2. С. 3-39.

140. Розенталь И. С. Из истории борьбы большевиков за полупролетарские массы // Вопросы истории КПСС. 1963. № 6. С. 66-76.

141. Рыкачев А. Реальный базис и идеальные задачи политических партий: (О партийной борьбе и партийном разоружении) // Русская мысль. 1911. № 12. С. 34-53.

142. Рэнсел Д. «Старые младенцы» в русской деревне // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996. С. 106–114.

143. Сельцер Д. Г. Волостные Советы на Тамбовщине в докомбедовский период // Вопросы исторического краеведения Тамбовской области. Тамбов, 1986. С. 29-31.

144. Сельцер Д. Г. Губернские крестьянские съезды в 1917 году и земельный вопрос // Наш край тамбовский. Тамбов, 1989. С. 27-31.

145. Сельцер Д. Г. К истории крестьянских союзов Тамбовской губернии (1917 г.) // Наш край Тамбовский. Тамбов, 1991. С. 36-38.

146. Семьянинов В. П. Советы крестьянских депутатов в 1917 - первой половине 1918 гг. в исторических исследованиях // История и историки. Историографический ежегодник. М., 1986. С. 23-41

147. Степанов З. В. Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. М.-Л., 1965. 299 с.

148. Степанов А. Н. Участие учительства Петербурга в первой русской революции // Советская педагогика. 1941. № 1.

149. Струве П. Б. Русская идейная интеллигенция на распутье // Струве П. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм: Сб. статей за пять лет: (1905-1910 гг.). СПб: Изд. Д.Е.Жуковского, 1911. С.7-12.

150. Струве П. Б. Джозеф Чемберлен // Русская мысль. 1914. № 7. С. 15-16.
151. Струве П. Б. Библиография // Русская свобода. 1917. № 18-19.
152. Струве П.Б., Франк С.Л. Очерки философии культуры. I. Что такое культура? // Полярная звезда. 1905. № 2. С. 111-115.
153. Телицын В. Л. Октябрь 1917 г. и крестьянство: переосмысление историографической традиции // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. С. 82-99.
154. Федосеев А. А. Доктрина «политической социализации» в буржуазной социологии // Проблемы борьбы против буржуазной идеологии. Вып.1 / отв. ред. Б.Г.Ананьева и Л.И.Спиридонова. Л.: Изд. ЛГУ. С. 87-90.
155. Федюкин С. А. Октябрьская революция и интеллигенция // История СССР. 1977. № 5. С. 69-88.
156. Шестаков А. В. Крестьянские организации и I съезд Советов крестьянских депутатов // Пролетарская революция. М.-Л. 1927. № 5 (64). С. 40-108.
157. Шпаковский В. В. Большевики Тамбовской губернии в период подготовки Октябрьской социалистической революции // Под знаменем Октября. (Из истории установления Советской власти и социалистического строительства на Тамбовщине) / Известия Воронежского государственного педагогического института. Вып. 1. Воронеж: Тамбовская правда, 1966. С. 24-35.

VII. Диссертации и авторефераты

158. Каверина Г. Н. Профессиональные союзы непрлетарских слоев городских трудящихся Центрального Черноземья в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917 – май 1918 гг). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.

159. Канищев В. В. Городские средние слои в период формирования основ советского общества. Октябрь 1917 – 1920 гг. (по материалам центра России). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998.

160. Орлова В.Д. Рабочий класс Центрального Черноземья в борьбе за установление и упрочение Советской власти (март 1917 - май 1918 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов. 1988.

161. Пьяных Н. И. Тамбовские эсеры в конце XIX- начале XX веков: Дис... канд. ист. наук. Тамбов, 2012.

162. Сельцер Д. Г. Крестьянское движение в губерниях Черноземного Центра России (март 1917 - март 1918 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 1990.

163. Шпаковский В. В. Большевистские организации ЦЧО в борьбе за установление Советской власти. Дис... канд. ист. наук. М., 1968.

164. Щербинин П. П. Городские средние слои Черноземного центра в буржуазно-демократических революциях в России. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 1992.

Офицеры	2	4	1	3	-	3	-	1	16
Представители волостей	32	80	72	30	114	33	36	26	423
Кооперативы	4	3 – от торгово- промышленного союза	2	8	3	-	4	2	26
Общественные организации и политические партии	15 (в том числе: 4 – от Совета Рабочих Депутатов; 5 – от кредитного товарищества; 2 – от Городского общественного Комитета; 2 – от русской беженской организации; 1 – от польской беженской организации; 1 – от поселковых комитетов)	13 (в том числе: 5 – от трудовой группы; 3 – от кредитного товарищества; 2 – от потребительского общества; 2 – от Лебедянского общества потребителей; 1 – от общественного взаимного кредита)	3 (в том числе: 2 – от общества мусульман; 1 – от крестьянских депутатов)	19 (в том числе: 9 – от Совета Солдатских и Рабочих депутатов; 3 – от союза служащих; 3 – от педагогического общества; 3 – от Усманского общества потребителей; 1 – от союза женщин)	6 (в том числе: 3 – от Совета Солдатских и Рабочих депутатов; 3 – от крестьянского союза)	2	3	2	63
Лесное ведомство	-	-	1	1	-	-	-	-	2
Итого	73 (100%)	141 (100%)	95 (100%)	86 (100%)	140 (100%)	56 (100%)	54 (100%)	42 (100%)	687 (100%)

Источник: ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1, Д. 35. Лл. 486, 492, 502, 506, 510, 514, 559; Тамбовский земский вестник. 1917. 25 марта.

Приложение 2

Таблица 2. Расположение и численность запасных полков в Тамбовской губернии (ноябрь 1917 г.)

№	Наименование воинской части	Место расположения воинской части	Численность военнослужащих
1	60-й пехотный запасный полк	г. Тамбов	1440
2	61-й пехотный запасный полк	г. Тамбов	986
3	64-й пехотный запасный полк	г. Козлов	869
4	65-й пехотный запасный полк	г. Моршанск	2356
5	191-й пехотный запасный полк	г. Липецк	824
6	204-й пехотный запасный полк	г. Тамбов	935
7	207-й пехотный запасный полк	г. Моршанск	3536
8	212-й пехотный запасный полк	г. Усмань	1873
9	213-й пехотный запасный полк	г. Лебедянь	3293
10	216-й пехотный запасный полк	г. Козлов	2895
11	268-й пехотный запасный полк	г. Борисоглебск	2710
12	3-й кавалерийский запасный полк	г. Кирсанов	3001
13	6-й кавалерийский	г. Борисоглебск	3313

	запасный полк		
14	7-й кавалерийский запасный полк	г. Тамбов	5399

Источник: Морозов В. Ф. Борьба большевистской партии за установление Советской власти в губерниях Центральной России. (Октябрь 1917 г. – март 1918 г.). Саратов-Пенза, 1967. С. 105.

Приложение 3

Распоряжение № 3 «Всем земельным и продовольственным комитетам и всем крестьянам Тамбовской губернии»

13 сентября 1917 г.

Учредительное собрание созывается на 29-е ноября. Оно, несомненно, передаст всю землю трудовому народу, отменит частную собственность на землю.

Трудовое крестьянство — наследник частновладельческой земли и всего хозяйства на ней.

Но чем ближе время передачи народу земли, тем сильнее работают темные силы.

Они толкают и мутят народ жечь и громить имения, разорять их начисто и злобно радуются: «Пусть никому не достанется».

Всеми способами они вызывают народные волнения, буйства, убийства, зверства, насилия, а сами кричат всюду, что крестьянам никакой свободы давать нельзя, потому что они звери и дикари, — все уничтожат и сами передерутся.

Они теперь проникают в народ во всяком виде, прикидываются лучшими друзьями народа. Но их распознать легко: они всегда зовут народ к самым вредным средствам: избить, убить, разгромить, сжечь, уничтожить. Им хочется, чтобы и народные представители в Учредительном собрании стали думать, что крестьяне — дикие разрушители, которым нельзя ничего ценного передать, — все уничтожат.

Многие темные крестьяне идут за темными силами, слушают их, по их призыву губят и уничтожают свое же наследство, свое будущее достояние. Рубят без всякого удержу и разбору леса, вытаптывают и портят луга, обламывают сады, реквизируют на убой племенной скот, портят и ломают сельскохозяйственные машины и другой инвентарь. А за последнее время,

когда освободились крестьяне от полевых работ, еще хуже пошло. В Козловском уезде более 20 имений целиком уничтожили крестьяне, уничтожили все хозяйственные постройки, сжигали даже хлеб. Разгромили даже сельское опытное поле, на котором сами учились по-настоящему хозяйство вести.

Это — преступление неискупимое и позорное. Народу нанесен огромный и непоправимый вред. После Учредительного собрания вместо ценного и налаженного хозяйства народу достанется погорелое место. Вместо сельскохозяйственной школы — обгорелые развалины.

И мало того. При погроме были допущены насилия и убийства, в имениях произведен самый бессовестный грабеж, а потом, кто награбил при дележке, друг друга бить и поджигать начали. И торжествовали все враги крестьянства, кричат повсюду: «Вот, говорили: честное русское крестьянство, — а они убийцы, грабители, нельзя никакой свободы давать».

Не все крестьяне такое гнусное дело делали. Но когда провокаторы внимали их призыву, темные или глупые, жадные или бесчестные такое безумное преступление творили, то умные и честные этому не воспрепятствовали, не остановили. Вина и позор лежит на всех нас.

Крестьянство более не должно доводить себя до этого. Надо остановить и не допускать таких преступлений. От волнений, погромов и смут погибнет и вся наша свобода. А без свободы народ и земли не увидит: ее не спрячешь, найдут и отберут. Надо охранять свободу, а провокаторам и безумцам ходу давать нельзя. Все, призывающие к погромам, волнениям, убийствам, поджогам, должны быть немедленно задержаны и представлены судебной власти.

Закон революционного Временного правительства возлагает обязанность охраны земельных и сельскохозяйственных имуществ на земельные комитеты, а заботу о посеве, скоте, инвентаре, продуктах хозяйства — на продовольственные комитеты. Но разделить этих

обязанностей нельзя. Ответственность земельных и продовольственных комитетов одна и та же.

Земельные и продовольственные комитеты совместно должны немедленно произвести полный и точный учет всем, находящимся в их районе частновладельческим имениям со всеми угодиями и всем сельскохозяйственным имуществом, и, согласно инструкциям, которые будут даны губернской земельной управой, взять имения под свое ведение.

К производству учета должно приступить следующим порядком:

1. Волостные земельные комитеты должны созвать соединенное собрание всех местных общественных организаций: продовольственного комитета, волостной земской управы, Совета крестьянских депутатов, исполнительного комитета и других. В это заседание необходимо пригласить, если находится в волости, агронома и продовольственного инструктора.
2. На собрании избирается комиссия для производства учета и для руководства всем, касающимся имения. Агрономы и инструктора обязательно должны войти в комиссию.
3. Комиссия уславливается с владельцем о времени производства учета и указывает владельцу, какие сведения, книги и документы он должен приготовить ко дню учета.
4. Производится учет в присутствии двух милиционеров и трех представителей от сельского схода ближайшего села (где несколько сел прилегают к имению, там по одному представителю от каждого). Не должно быть допуская скопление народа на учете.
5. Для учета имений с хорошо поставленным и сложным хозяйством, а также особенно крупных, необходимо участие агронома, которого должна командировать земская управа.
6. О дне учета по каждому имению должен быть извещен уездный земельный комитет, который может командировать на учет

представителя от себя. Копия с учета должна быть немедленно переслана в уездную и губернскую земельные управы.

7. На этом же соединенном заседании всех общественных организаций надо выработать подробный и точный план всех мероприятий, которые необходимо будет применить к каждому имению. Этот план, в виде копии с постановления совещания, должен быть немедленно предоставлен в губернскую земельную управу. Без разрешения и без инструкции губернской земельной управы допускается только производство учета, не более.

Примечание.

При составлении плана необходимо иметь в виду следующее обязательное требование: хозяйство в имении (т.е. улучшенные вспашка, посев, удобрение, содержание скота, инвентарь, также сады, огороды, специальные культуры — свекловицы и другие, заведения для обработки продуктов и прочее) должно быть сохранено без нарушений и даже улучшено.

8. Местное население должно быть осведомлено, что общественные народные органы берут на учет под свою охрану будущее народное достояние. Для ознакомления населения во всех делах исполнительные комитеты должны созвать сходы и на них, при участии представителей земельного и продовольственного комитетов, должно быть прочитано и разъяснено настоящее распоряжение. При этом населению должно быть указано, что взятое в ведение народной власти имущество должно находиться под охраной всего народа, и безумцы и злонамеренные люди, которые будут наносить вред будущему народному достоянию, должны быть серьезно наказаны, а, кроме того, будут отвечать и земельный и продовольственный комитеты, допустившие нарушение целости вверенного их попечению имущества.

Всем местным властям предлагается оказывать всякое содействие при выполнении этого распоряжения.

Губернской земельной управе предоставляется право давать инструкции и указания в развитии и проведении данного распоряжения. К ней предлагается обращаться со всеми вопросами.

Исполнительный комитет губернского Совета крестьянских депутатов

Совет рабочих и солдатских депутатов

Губернская продовольственная управа

Бюро губернского исполнительного комитета

Губернская земская управа

Губернская земельная управа

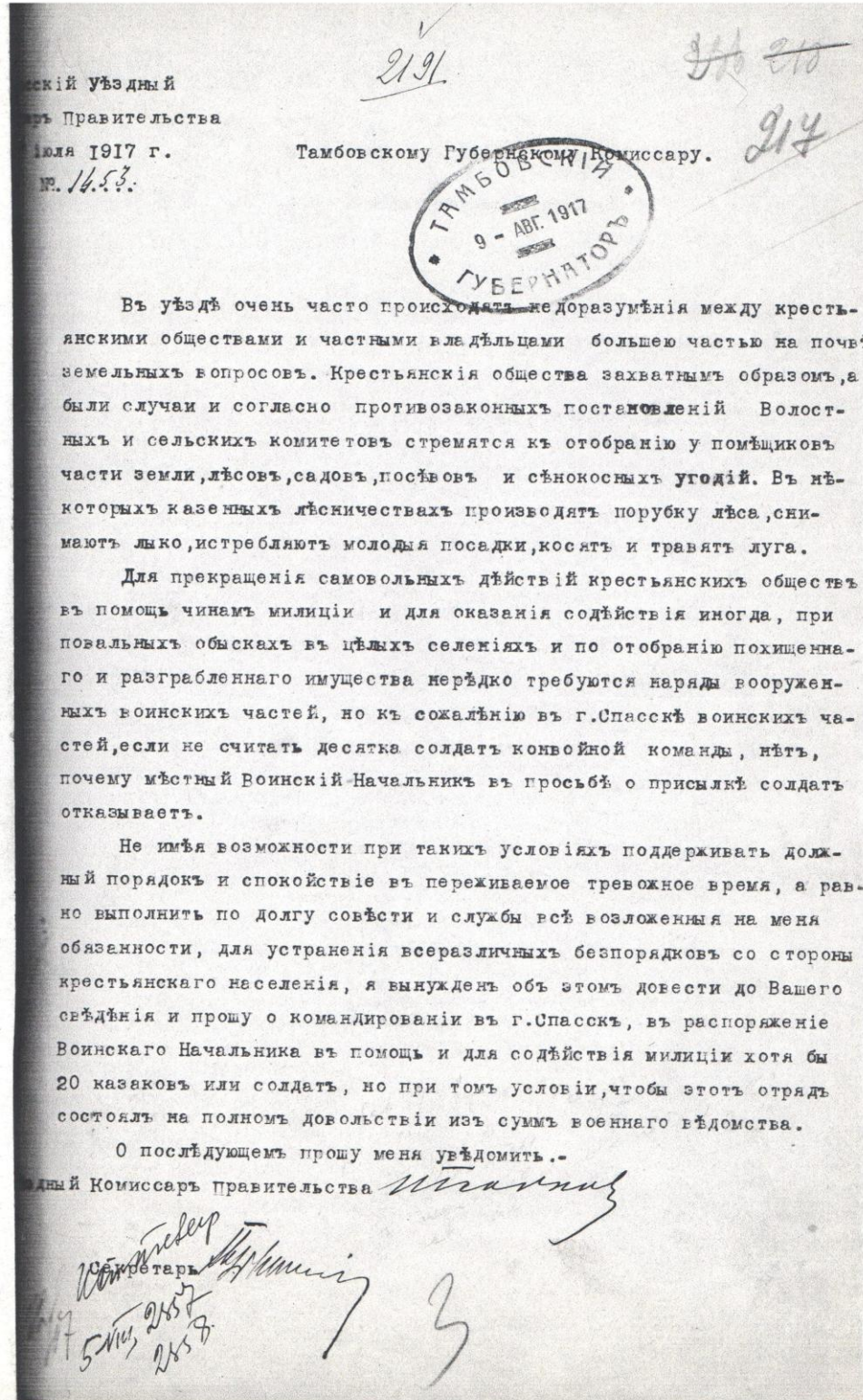
Прокурор тамбовского окружного суда

Губернский комиссар

Источник: ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 3. Л. 280.

Приложение 4

Донесение Усманского Уездного Комиссара Правительства Тамбовскому Губернскому Комиссару об общественной ситуации в уезде (июль 1917 г.)

Приложение 6

Протокол общего собрания жителей села Козьмодемьяновского Софьинской волости Кирсановского уезда

П р о т о к о л ь

В 1917 года Августа 8 дня Мы нижеподписавшіеся Кирсановскаго уѣзда Софьинской волости граждане Села Козьмо-Демьяновскаго въ числѣ ✓ человекъ явились на сельскомъ собраніи въ присутствіи нашего Предсѣдателя сельскаго комитета Волнина гдѣ имѣли сужденіе о происшедшихъ безпорядкахъ въ имѣніи помѣщицы Анны Васильевны Апушкиной пришли къ слѣдующему заключенію: съ мы крестьянѣ мирные труженики на своей землѣ, люди не свѣдующіе, темные знаемъ что творится на бѣломъ свѣтѣ, газетъ не читаемъ никто нишъ не привезъ книгъ, чтобы познакомить насъ съ переворотомъ стараго режима. Приѣхавъ къ намъ ораторъ Евгеній Владимировичъ Ивановъ, который говорилъ всему обществу Козьмо-демьяновки, что по случаю свободы можно захватывать землю у помѣщицы Апушкиной и кормъ для скотины и дрова для топки печей тоже можно тоже же захватывать у помѣщицы Апушкиной. Эти нехорошіе планы онъ рассказывалъ два раза въ обществѣ въ селѣ Козьмо-демьяновки и плоды его речей взошли въ людяхъ болѣе темныхъ и глупыхъ, которые не замедлили исполнить свѣты названнаго оратора и начали сгонять скотину на засѣянные луга клеверомъ и тимофеевкой на землю помѣщицы Апушкиной. Послѣ этого послѣдовали неразумныя дѣйствія солдатскъ и дѣтей, которые начали ломать изгородь около лѣсу помѣщицы Апушкиной для топки печей. Всѣ эти дѣйствія происходили днемъ въ разное время такъ какъ они были увѣрены въ своей безнаказанности ибо Ивановъ говорилъ, что за захватъ всякой чужой собственности наказаній не будетъ. Ребятишки иногда забѣгали въ садъ рвать яблоки бывали случаи, что ломали сучья на яблони. А когда ребятишки пасли лошадей въ лѣсу Апушкиной то обдирали кору у липъ для лаптей. Всѣ эти дѣйствія дѣтей, солдатокъ а иногда и взрослыхъ гражданъ происходили въ полне открыто даже заявляя при всѣхъ объ этомъ. Мы граждане обсудивъ дѣйствія нашихъ нѣкоторыхъ гражданъ односельчанъ и послѣ разъясненій членовъ Кирсановскаго Совѣта крестьянскихъ и солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ о необходимости строгаго соблюденія порядка и тишины, а кромѣ того о безусловномъ подчиненіи всѣмъ распоряженіямъ временнаго Правительства, въ которомъ обязуемся помогать и поддержать во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Кромѣ того обязуемся по первому требованію Кирсановскаго Совѣта крестьянскихъ, рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ стать на защиту нашей свободы и революціоннаго Правительства, а поэтому Мы единогласно уполномочиваемъ Козьмо-Демьяновскій Совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ Ив. Ив. Помоговъ, Мих. Анд. Першинъ, Анд. Панк. Купревъ, Мих. Иван. Палотовъ, Михаилъ Алек. Ялатомцевъ, Иванъ Алекс. Пустотинъ Степанъ Ермол. Пустотинъ и Сергѣй Васил. Трофимовъ вести съ помѣщицей Анной Васильевной Апушкиной мирный переговоры для ликвидаціи тѣхъ хищеній и незаконныхъ дѣйствій, которые сдѣланы нѣкоторыми нашими гражданами глупыми и темными односельчанами, все что будетъ законно сдѣлано вполне справедливо утвердится Козьмо-Демьяновскимъ крестьянскимъ Совѣтомъ депутатовъ, мы нижеподписавшіеся спорить и прекословить съ ними не будемъ. -

Приложение 7 -
Карта Тамбовской губернии

Приложение 8 –
князь Г. Е. Львов

Приложение 9 –
князь Б. Л. Вяземский

Приложение 10 –
князь С. М. Волконский

